

A detailed illustration of a man and a woman in a medieval or fantasy setting. The man, on the left, has long, dark, wavy hair and is wearing a dark, heavy coat. He is looking towards the woman with a serious expression. The woman, on the right, has long, wavy, reddish-brown hair and is wearing a green, hooded cloak. She has a red, bloody wound on her cheek and is holding a small bundle of herbs in her hands. The background shows a sunset or sunrise over a landscape with mountains and a castle tower in the distance.

Анна Эвелина

БЕГЛЯНКА

Анна Эвелина

Беглянка

«Автор»

2026

Эвелина А.

Беглянка / А. Эвелина — «Автор», 2026

Она не мечтала попасть в другой мир, но один шаг навстречу смерти и Москва исчезла. Чужой лес, полный рун. Чёрный дракон с золотыми глазами. Мир, где магия убивает неударённых, а её дар целительства сокровище, за которое будут сражаться. Чёрный дракон назвал её своей. Дал защиту, дом, брак, но его любовь оказалась клеткой, а верность ложью, когда она узнала правду, остался только один путь — бежать. Впереди чужие земли, снежные горы, неизвестность и тот, кто станет её шансом на спасение, но чёрный дракон не отступит. Он будет искать её и когда прошлое настигнет, ей придётся сделать выбор, который изменит всё. «Беглянка» — эмоциональное фэнтези о предательстве, надежде и силе, которая рождается в отчаянном побеге.

© Эвелина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пряная булочка	5
Глава 2. Замок чёрного дракона	8
Глава 3. Чужая среди чужих	13
Глава 4. Разговоры о мирах	18
Глава 5. Жизнь в замке	25
Глава 6. Взгляды и ревность	29
Глава 7. Война с орками	34
Глава 8. Возвращение	40
Глава 9. Исцеление генерала	46
Глава 10. Игра в сближение	50
Глава 11. Запрет и наказание	56
Глава 12. Таяние льда	60
Глава 13. Признание и близость	65
Глава 14. Свадьба	69
Глава 15. Спустя несколько лет	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Анна Эвелина

Беглянка

Глава 1. Пряная булочка

Москва, конец сентября
Утро пахло кофе и корицей.

Эля вдохнула этот запах, прикрыв глаза, и на секунду позволила себе никуда не спешить. За окном кафешки моросил мелкий дождь, серый и унылый, как большинство московских рассветов, но здесь, внутри, было тепло и уютно. Гудела кофемашина, звякали чашки, пожилой бариста за стойкой напевал что-то себе под нос.

— Пряная булочка и большой капучино, — привычно произнесла она, роясь в сумке в поисках кошелька.

Бариста кивнул, он знал её. Она приходила сюда почти каждое утро — невысокая, худенькая, с русыми волосами, вечно собранными в небрежный пучок, и глазами цвета тёмного янтаря. Из тех, кто всегда торопится, но никогда не забывает сказать «спасибо». Он даже знал её имя — Эля. Она как-то обмолвилась, расплачиваясь картой.

Через минуту горячий стакан уже грел ей ладони, а бумажный пакетик с булочкой лежал на столике. Она нашла свободное место у окна, пристроила сумку на колени и откусила первый кусочек. Пряная, сладкая с хрустящей корочкой — одно удовольствие.

Эля улыбнулась.

Ей было двадцать три, два года назад она вышла из детского дома с документами, маленькой сумкой вещей и огромным желанием доказать всему миру, что она чего-то стоит, что отсутствие родителей не приговор и что можно вырасти в казённых стенах, среди чужих людей, и всё равно стать человеком.

Квартиру ей дали однушку на окраине, в Бирюлёво, с обшарпанными обоями и вечно орущими соседями за стеной, но это было её, её собственное. Её крепость!

Она работала на трёх работах. Официанткой в вечернюю смену, репетитором по английскому для школьников и иногда, по выходным администратором в маленьком книжном магазине, где пахло пылью и старыми страницами. Деньги уходили на еду, проезд, коммуналку и учёбу. Училась она на медицинском, на втором курсе, и каждый экзамен давался ей с боем, но она не жаловалась. Ей говорили: «Зачем тебе это? Ты девчонка из детдома, выйди замуж, и все проблемы решатся».

Она не хотела замуж, пока не хотела. Сначала стать на ноги. Сначала доказать себе, что она может всё сама, а потом, когда-нибудь, да — семья, дети, большой дом и много-много любви, которую она даст своим детям. Той любви, которой у неё самой никогда не было.

В наушниках заиграл любимый трек, что-то ритмичное, бодрое, под что хорошо шагать по городу. Она допила кофе, сунула телефон в карман куртки и выскочила на улицу.

Дождь кончился, сквозь тучи робко пробивалось солнце.

— Хороший день, — пробормотала она и ускорила шаг.

До метро было пять минут пешком. Она знала этот маршрут наизусть, мимо старой девятиэтажки с облупившейся штукатуркой, через двор с разбитой детской площадкой, потом вниз по ступенькам подземного перехода.

В переходе пахло сыростью и сигаретами. У стены сидел бездомный с собакой. Она бросила ему мелочь, не останавливаясь. На эскалаторе привычно встала справа, пропуская торопливых слева. В вагоне былолюдно, но ей повезло, она втиснулась в угол и всю дорогу ехала, прислонившись спиной к стенке.

Мысли текли привычным руслом. Пара по анатомии, потом бегом на работу. Потом если хватит сил посидеть над конспектами и спать. Мало, мало спать.

На «Цветном бульваре» она вышла. Поднялась по эскалатору, поправила сумку на плече и зашагала к выходу из подземки.

Наверху, у выхода, толпились люди. Она машинально отметила женщину с ребёнком девочка лет пяти, в ярко-красном платьице, смешных жёлтых резиновых сапожках. Мать держала её за руку и одновременно говорила по телефону, прижимая трубку плечом к уху.

Эля улыбнулась. Девочка была забавная, что-то лепетала, размахивая свободной рукой, пыталась вырваться вперёд, а потом всё случилось мгновенно.

Девочка выдернула ладошку из материнской хватки и, смеясь, выскочила на проезжую часть.

Эля увидела это краем глаза. Увидела, как ребёнок бежит прямо под колёса огромного чёрного внедорожника, летящего на красный.

Она не думала, некогда было думать. Тело сработало само рывок вперёд, крик, чьи-то руки пытаются её удержать, но поздно.

Она схватила девочку за плечи и толкнула обратно на тротуар, в безопасность, в материнские руки. На одно короткое, бесконечное мгновение она увидела лицо ребёнка — круглые от ужаса глаза, открытый рот.

А потом — удар...

Боль... Ослепительная и разрывающая. Она даже не поняла, куда пришёлся удар, что-то хрустнуло, тело подбросило, как тряпичную куклу. Мелькнуло серое небо, запах жжёной резины и крики.

И темнота...

Тишина была первой, глубокая, вязкая, как вата, а потом — запах.

Лес...

Она почувствовала запах леса. Влажный мох, прелые листья, смола, что-то древнее, дремучее, не городское.

Тело ныло, каждая клетка болела, как будто её пропустили через мясорубку. Она попыталась пошевелиться, боль прострелила бок. Пальцы сжали что-то мягкое и влажное. Мох?

Звуки пришли позже, шелест ветра в кронах. Где-то далеко крик птицы, странный, незнакомый. Хруст веток...

Сознание возвращалось медленно, толчками. Она вспомнила девочку, внедорожник, удар и темноту.

-Я умерла?

Она с усилием открыла глаза. Над ней было небо, но не московское, серое, пронзённое шпильками и проводами. Другое... Высокое, холодное, бледно-голубое и кроны деревьев — огромные, раскидистые, незнакомые. Они смыкались над головой плотным шатром, почти не пропуская солнца.

Лес! Она и правда была в лесу.

Первая мысль дикая, нелогичная, рождённая страхом — ударила в голову: «Водитель, он выкинул меня в лес. Чтобы скрыть улики, чтобы не отвечать».

Она попыталась сесть, боль пронзила рёбра. Зашипела, закусил губу. С третьей попытки всё же поднялась сначала на четвереньки, потом, цепляясь за ствол дерева, на ноги.

В ухе висел наушник, один... Второй болтался на проводе. Музыка не было...

Она огляделась и поняла, что что-то не так, кардинально не так.

Это был не подмосковный лес. Стволы деревьев высокие, прямые, толщиной в два обхвата, были покрыты не корой в привычном понимании. По тёмной поверхности шли узоры или надписи. Сложные, переплетающиеся, они слабо светились в полумраке, испуская бледное зеленоватое сияние.

Эля прикоснулась к стволу, пальцы ощутили тепло. Дерево было тёплым, живым — не в том смысле, в каком живые все деревья, а по-настоящему, почти звериным теплом.

Воздух был густым, пряным. От земли поднимался пар, мох под ногами пружинил, как дорогой ковёр. Где-то вдалеке раздался низкий, утробный звук — не то рёв, не то гул. Хруст веток теперь был ближе. Очень близко...

Совсем рядом кто-то шёл. Большой, тяжёлый и ветки трещали под его шагами.

Страх накрыл её с головой — липкий, парализующий, животный. Она не знала, кто там, в чаще, но всё её существо кричало беги и она побежала.

Понеслась, не разбирая дороги, перепрыгивая через корни, уворачиваясь от низких веток. Ветки хлестали по лицу, цеплялись за волосы, за одежду. Джинсы намокли от росы, кроссовки скользили по мху.

Она бежала и бежала, пока лёгкие не загорелись огнём.

Сколько времени прошло? Минуты? Часы? Лес не кончался. Он становился только гуще, только темнее. Солнце почти не проникало сюда, только редкие пятна света на земле.

Ноги гудели, силы покидали её с каждым шагом. В боку кололо так, что темнело в глазах. Она споткнулась, упала на колени, вдохнула сырой воздух, мысли путались.

Надежда та тоненькая ниточка, что вела её вперёд, почти истончилась и вдруг...

Сквозь деревья впереди проникал свет. Не бледный, зеленоватый, как от рун, а настоящий, солнечный и яркий.

Она поднялась, закусил губу и пошла. Медленно, хромая, но пошла...

Деревья расступились и она вышла на поле.

Огромное, залитое солнцем. Трава зелёная, сочная, высокая, до пояса колыхалась под лёгким ветром и цветы, нескончаемый ковры цветов. Алые, золотые, фиолетовые, белые. Они росли повсюду, сплетаясь в пёстрый ковёр. В воздухе пахло мёдом и чем-то сладким.

На мгновение она забыла о страхе. Сделала шаг вперёд, вдохнула полной грудью, красота невероятная, невозможная, сказочная.

Она медленно обвела поле взглядом и замерла. Взгляд зацепился за что-то огромное, тёмное и неподвижное.

В дальнем конце поля, там, где трава переходила в каменистую осыпь, лежал дракон.

Чёрный! Дракон! Он был просто огромный.

Размером с трёхэтажный дом, чешуя отливала матовым блеском, как обсидиан. Крылья сложены, но даже в сложенном виде они были невероятными, закрывая собой пространство размером с футбольное поле. Хвост длинный, шипастый обвивал тело. Голова размером с микроавтобус.

Эля не могла дышать... Паника накрыла, как гром среди ясного неба сердце бухнуло в груди, ноги словно приросли к земле. Бежать, бежать, бежать... Но тело не слушалось, а дракон уже пошевелился.

Медленно, величественно, с грацией, невозможной для такой туши, он повернул голову и посмотрел на неё.

Глаза огромные, золотые, с вертикальным зрачком уставились прямо на неё. В них горел разум древний, чужой и оценивающий.

Она не могла пошевелиться, не могла отвести взгляд, а потом в голове раздался голос.

Низкий, глубокий, как раскат далёкого грома. Он не звучал в ушах он звучал прямо в сознании, вибрируя в костях.

— Кто ты? Ты не отсюда.

И тьма вновь сомкнулась над ней.

Глава 2. Замок чёрного дракона

Южное королевство, замок генерала Вэйдара

Сознание возвращалось рывками, как будто она всплывала с большой глубины, медленно, преодолевая сопротивление тёмной воды.

Сначала тепло мягкое, обволакивающее, непривычное после сырого мха и холодной земли. Оно окутывало тело, проникало под кожу, успокаивало ноющие мышцы. Потом — свет. Приглушённый, мерцающий, как от свечей. Он пульсировал где-то над головой, и даже сквозь закрытые веки она чувствовала его теплое мерцание. Потом — звук. Потрескивание огня в камине ритмичное, убаюкивающее. Чьё-то дыхание — размеренное, глубокое, нечеловеческое, оно было таким низким и ровным, что скорее угадывалось, чем слышалось.

И боль... Глухая, ноющая, разлитая по всему телу от кончиков пальцев до основания черепа. Особенно сильно болели рёбра и левое плечо, словно по ним проехали чем-то тяжёлым, при каждом вдохе в боку что-то неприятно натягивалось.

Эля открыла глаза и сразу зажмурилась от света.

Над ней был каменный потолок. Высокий, сводчатый, сложенный из грубо отёсанных серых блоков. Почерневшие от времени дубовые балки пересекали его крест-накрест, и на них, как она заметила, присмотревшись, были вырезаны те же узоры, что и на деревьях в лесу похожие на руны, древние, слабо мерцающие в полумраке, тени от огня плясали на камне, создавая причудливые, живые узоры.

Пахло дымом, старым деревом, горячим воском и чем-то ещё — терпким, незнакомым, похожим на смесь сушёных трав, металла и мускуса. Запах был чужим, но не отталкивающим. Скорее, тревожным как и всё в этом месте.

Она лежала на кровати, огромной — такие она видела только в исторических фильмах. Резные столбики по углам, тёмное дерево, отполированное до блеска. Тяжёлое покрывало тёмно-синего цвета, расшитое серебряной нитью, какой-то геометрический узор, незнакомый глазу. Подушки были мягкими, набитыми чем-то шуршащим не то пером, не то сушёными травами, при движении они издавали лёгкий травяной аромат, успокаивающий и немного горьковатый.

Рядом с кроватью стоял небольшой столик из того же тёмного дерева. На нём глиняный кувшин с водой, простая металлическая чаша и сложенный кусок чистой ткани, похожий на бинт, чуть дальше подсвечник с тремя свечами, уже оплывшими, но ещё горящими.

Эля попыталась приподняться на локтях и зашипела от боли. Рёбра пронзило так, что в глазах потемнело.

— Не советую, — раздался голос из темноты.

Спокойный, ровный, без тени сочувствия или тревоги, просто констатация факта. Не тот голос, что звучал в её голове на поле. Тот был глубже, древнее, он вибрировал в костях. Этот был обычным, человеческим низким, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который много молчит и привык, что его слушают.

Эля повернула голову и сердце пропустило удар. В углу комнаты, в глубоком кресле с высокой резной спинкой, сидел мужчина. Он расположился в тени, но света камина хватало, чтобы разглядеть его.

Одет в чёрное, простая рубашка с расстёгнутым воротом, открывающим сильную шею и ключицы, тёмные брюки, заправленные в высокие сапоги из мягкой кожи. Никаких украшений, никаких знаков отличия, только на указательном пальце правой руки массивный перстень с тёмным камнем, в глубине которого, казалось, что-то двигалось. Длинные чёрные волосы густые и тяжёлые, были собраны в низкий хвост, перехваченный простым кожаным шнурком. Несколько прядей выбились и падали на лицо.

Лицо было резким, словно высеченным из камня высокие скулы, прямой нос с лёгкой горбинкой, твёрдый подбородок, тонкие губы, сейчас сжатые в жёсткую линию. На вид чуть за тридцать, может, больше возраст трудно было определить. У глаз собрались тонкие морщинки, но кожа была гладкой, но глаза...

Золотые с вертикальным зрачком, те самые.

Эля дёрнулась, вжимаясь спиной в подушки. Плечо отозвалось болью, но она даже не заметила, сердце колотилось где-то в горле. Дракон! Тот самый чёрный дракон с поля! Теперь в человеческом обличье, но глаза выдавали его с головой, они светились в полумраке, как два раскалённых угля, и в их глубине двигалась древняя, нечеловеческая суть.

— Тише, — произнёс он, не двигаясь. — Если бы я хотел тебя убить, ты бы не проснулась и уж точно не лежала бы в этой постели.

Успокаивало это слабо, но где-то в глубине души она понимала, что он прав. Будь он врагом, зачем ему её лечить? Зачем эта комната, свечи, бинты?

— Где я? — голос прозвучал хрипло, горло саднило, как после долгого крика. Она облила пересохшие губы.

— В моём замке. — Он не шевелился, продолжая сидеть в кресле с расслабленной позой человека, который полностью, абсолютно контролирует ситуацию. — Ты пролежала без сознания почти сутки. Лекарь осмотрел тебя, обработал раны и сказал, что ты выживешь, хотя с твоими повреждениями это было не очевидно. У тебя сломано два ребра, сильный ушиб плеча и множество порезов и ещё, твой организм боролся с магией этого мира. Это тоже не прошло бесследно.

Сутки... Сломанные рёбра... Магия...

Эля снова обвела комнату взглядом, на этот раз более осознанно. Замок, она в замке у дракона, вдругом, чужом мире. Всё это не сон и не галлюцинация, не кома после аварии. Всё по-настоящему лес, руны, поле, дракон, эта комната, этот мужчина с нечеловеческими глазами.

Она опустила взгляд на себя и только сейчас заметила, что одета не в свою одежду. На ней была длинная свободная рубашка из тонкого светло-серого полотна, явно мужская, слишком большая для неё. Рукава пришлось закатать. Её собственная одежда джинсы, свитер, куртка висели на спинке стула у камина. Чистая, аккуратно сложенная. Кроссовки стояли на полу, носки рядом. Даже её сумка была здесь, на стуле, нетронутая и наушники. Один всё ещё висел на проводе, второй лежал отдельно на столике.

Кто-то позаботился, кто-то передел её, обработал раны. Лекарь, сказал он? Значит, здесь есть лекари. Значит, это не дикое место, здесь есть цивилизация, медицина, иерархия.

Это немного успокаивало. Совсем чуть-чуть...

— Ты... вы... тот дракон, — выдохнула она. — С поля.

— Я генерал Кайран Вэйдар, — произнёс он, чуть склонив голову в сдержанном, формальном поклоне. — Командующий южной армией его величества короля Дариона и да, тот дракон как ты догадалась, — в голосе мелькнула тень сухой иронии, лишённой веселья.

Эля молчала, пытаясь уложить в голове происходящее. Генерал... Армия... Король... Это не просто какой-то дракон в лесу, а высокопоставленный военный, аристократ, приближённый к трону и она в его замке, в его постели.

— А ты, — продолжил он, — судя по всему, попаданка. Такое здесь иногда случается, хотя и редко. Раз в несколько лет, может, реже, но ты... ты меня удивила.

— Чем? — спросила она, прежде чем успела подумать.

Он поднялся, движение было плавным, текучим, совершенно беззвучным даже в человеческом теле чувствовалась скрытая мощь, готовая в любой момент обернуться огромным зверем. Ростом он оказался выше, чем она предполагала, не меньше метра девяноста, а может, и больше. Плечи широкие, фигура поджарого воина, привыкшего к доспехам и оружию. Подошёл ближе, становился в нескольких шагах от кровати, разглядывая её с откровенным, изуча-

ющим интересом, как рассматривают редкий артефакт, диковинного зверя или загадку, которую непременно нужно разгадать.

— Твоя одежда, — сказал он, кивнув на стул. — Такую здесь не носят. Ткань странная, покрой чужой, цвета неестественные, но ты говоришь на нашем языке чисто, без акцента, как будто родилась в Южном королевстве. Это странно, обычно попаданцы не знают нашего языка, и приходится учить их с нуля.

Эля замерла, она даже не заметила. Всё, что он говорил, звучало для неё как обычная русская речь такой же, как в Москве, как в кафешке с пряной булочкой и она отвечала ему и он понимал, но теперь, когда он это сказал, она вдруг осознала, что слова, которые она произносила, не были русскими. Они ощущались иначе более плавные, певучие, с какими-то шипящими и раскатистыми звуками, которых нет в русском, но смысл она понимала так же ясно, как если бы говорила на родном, более того — она даже не задумывалась, какие именно слова произносит. Они просто приходили сами, как дыхание.

— Я... не знаю, как это возможно, — прошептала она, прижимая пальцы к губам.

— Магия переноса, — он пожал плечами, словно речь шла о чём-то совершенно обычном. — Мир сам помогает попаданцам освоиться, встраивает язык в сознание, чтобы вы могли объяснить, кто вы и откуда, иначе бы вы все умирали в первые часы. Это своего рода защитный механизм как иммунитет, только магический. Я читал об этом в старых хрониках.

Эля смотрела на него, пытаясь осмыслить услышанное. Магия и язык, встроенный в сознание, хроники. Всё это звучало как бред, но она говорила на чужом языке и понимала его значит, это правда.

— Но язык — не главное, — продолжил он, скрестив руки на груди. — Ты выжила, большинство попаданцев умирают в первые дни, иногда в первые часы. Этот мир кипит магией, она пропитывает воздух, воду, землю, каждую травинку и каждую каплю дождя. Неодарённые создания не выдерживают их тела отторгают саму суть этого мира, разрушаются изнутри. Магический фон здесь настолько высок, что обычный человек просто сгорает, а ты выжила. Почти сутки, без магической защиты, без амулетов, без чьей-либо помощи.

Эля сглотнула, в горле стоял ком.

— Я... не знаю, почему.

— Вот и я хочу узнать, — он разглядывал её, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на азарт охотника, почуявшего крупную дичь. — Как тебя зовут? Твоё настоящее имя.

— Эля.

Она ответила прежде, чем успела подумать, стоит ли ему знать, но какая разница? Она здесь никто. Беглянка из другого мира, что ему её имя?

— Э-ля, — повторил он отдельно, пробуя имя на вкус. — Коротко, резко и ничего не значит. — Он помолчал, что-то обдумывая, его золотые глаза чуть прищурились. — Знаешь, здесь имена имеют силу. Они определяют суть, предсказывают путь. Имя даётся не просто так, оно или отражает душу, или формирует её. «Эля» — пустое имя, оно ничего не говорит ни богам, ни магам, но я могу дать тебе другое.

— У меня уже есть имя, — тихо, но твёрдо сказала она.

Внутри что-то сжалось. Имя это последнее, что у неё осталось от прежней жизни. От Москвы, от детдома, от той девочки, что мечтала стать врачом и пила кофе с булочками по утрам. Имя это единственное, что она принесла с собой, отнять его, значит отнять её саму.

— У тебя есть звук, которым тебя называли в твоём мире, — возразил он, и в его голосе не было злости, только спокойная, непререкаемая уверенность. — Здесь всё иначе. Ты в новом мире, и тебе нужно новое имя, которое будет отражать, кто ты есть теперь и кем ты можешь стать.

Она хотела возразить и не смогла, что-то в его словах задело её глубже, чем хотелось бы. Новый мир, новая жизнь, может и действительно... Может, новое имя — это шанс? Шанс начать всё заново, без груза прошлого, без клейма «детдомовской», без вечной гонки за выживание?

— Какое? — спросила она тихо.

— Элиара. — Он произнёс это медленно, с каким-то странным удовольствием, словно наслаждаясь звучанием каждого слога. — На древнем языке, том, на котором говорили ещё до появления людей, это означает «свет» или «исцеление». Красивое имя, сильное. — Он помолчал, глядя ей прямо в глаза. — Мне кажется, тебе подходит.

Элиара...

Она мысленно повторила имя, покатала на языке. Э-ли-а-ра. Четыре слога, плавные, как течение реки, оно звучало... красиво, даже мелодично. Чуждо, но не враждебно и значение — «свет». Она вспомнила, как в детдоме, лёжа ночью без сна под казённым одеялом, мечтала стать врачом, помогать людям и нести свет. Лечить, вправлять кости, зашивать раны, возвращать надежду. Может, это судьба? Может, этот странный человек с драконьими глазами прав?

— Элиара, — произнесла она вслух, и слово словно засветилось на языке.

— Вот видишь, — уголок его губ дёрнулся в подобии улыбки — лёгкой, едва заметной, но всё же. — Тебе идёт, привыкай. Теперь это твоё имя.

Он развернулся и направился к двери — широким, уверенным шагом человека, который привык, что миры меняются по его воле.

— Отдыхай, Элиара. Завтра утром я покажу тебе замок и мы поговорим о том, как устроен этот мир. Тебе нужно понять правила, если хочешь выжить, а ты, — он обернулся на пороге, положив руку на дверную ручку, — хочешь. Я вижу это по твоим глазам, в них слишком много жизни, чтобы сдаться.

Дверь закрылась с мягким, но тяжёлым звуком глухой стук дерева о камень. Где-то в глубине замка эхом отозвался этот звук, прокатившись по коридорам и затихнув вдаль, она осталась одна.

Элиара лежала неподвижно, глядя в каменный потолок. Мысли метались, как испуганные птицы в клетке. Генерал дракон, его замок и новое имя. Тысяча вопросов и ни одного ответа.

Она думала о Москве, о девочке в красном платье. Интересно, она выжила? Интересно, кто-нибудь вообще заметил, что Эли больше нет? Кто-нибудь придёт на её похороны? Или просто вычеркнут из списков, спишут в архив и забудут?

От этих мыслей становилось горько и холодно.

Через несколько минут она всё же заставила себя подняться. Медленно, осторожно, преодолевая боль в рёбрах, она спустила ноги с кровати. Пол был каменным, но у кровати лежал мягкий меховой коврик, серебристый мех какого-то незнакомого зверя. Она встала, держась за столбик кровати, и сделала несколько неуверенных шагов.

Комната оказалась больше, чем ей показалось сначала. У одной стены массивный платяной шкаф из тёмного дерева, покрытый резьбой, у другой — тяжёлый письменный стол, заваленный картами и бумагами. На столе бронзовая чернильница, несколько заточенных перьев, песочные часы с мерцающим серебристым песком. Над камином висел меч в ножнах длинный, явно боевой, с потёртой рукоятью, обмотанной тёмной кожей. Рядом — небольшой гобелен, изображающий битву, люди и драконы сражались бок о бок против каких-то тёмных, клыкастых тварей с горящими красными глазами.

Она подошла к окну, оно было узким, стрельчатым, забраным кованой решёткой, но без стекла — только деревянные ставни, сейчас приоткрытые. В лицо пахнуло свежим воздухом холодным, но уже не таким чужим, как в лесу. Пахло лесом, травами, влажной землёй и чем-то цветущим, сладким, напоминающим жасмин.

За окном был замковый двор. Каменные стены, крытые галереи, башни с остроконечными крышами, увенчанными флюгерами в виде драконов. Внизу ходили люди... нет, не люди.

Некоторые были обычными с виду, в простой одежде или доспехах, но у других она заметила странности слишком высокий рост, неестественная пластика движений, отблеск чешуи на скулах. Оборотни что-ли? Драконы в человеческом обличье...

Вдалеке, за стенами замка, виднелись горы высокие, тёмные, с заснеженными вершинами, уходящими в облака. Небо было другим более синим, насыщенным, чем в Москве, и на нём висели два солнца.

Одно — большое, золотистое, как родное. Второе — поменьше, серебристое, похожее на яркую звезду. Они висели на разных концах небосвода, и тени от предметов были двойными, перекрещивающимися.

Элиара смотрела на них, чувствуя, как что-то внутри замирает, это был не её мир, совсем не её.

Она отошла от окна, вернулась к кровати и села, обхватив колени руками. На стуле лежала её одежда, её сумка, её наушники — последние вещи из старой жизни. Она потянулась, достала из сумки телефон.

Экран был чёрным, не разбит — просто мёртв. Она нажала кнопку — ничего. Ни вспышки, ни вибрации, ни намёка на жизнь. То ли сел аккумулятор, то ли магия этого мира убила технику. Телефон превратился в бесполезный кусок пластика и стекла — мёртвый, как и её прошлое.

Она положила его обратно в сумку и заплакала беззвучно, скупно. Слёзы текли по щекам, падали на подушку, оставляя тёмные пятна на ткани. Она плакала не от боли и не от страха. Она плакала потому, что только сейчас осознала окончательно, что Москвы больше нет, детства тоже... Учёбы, работы, кафешки — ничего этого больше нет. Той Эли, которая бежала по подземному переходу, спасая девочку в красном платье, больше нет.

Есть только она Элиара в замке чёрного дракона, в мире с двумя солнцами и магией, которая убивает неodarённых.

Она вытерла слёзы рукавом рубашки — грубо, по-детски, — глубоко вздохнула и легла обратно. У неё не было ответов, но у неё было завтра и разговор с генералом, и обещание понять этот мир.

Она заснула под треск камина, под всё ещё пахнущий лесом ветер из окна и под тихий, далёкий звук, похожий на рёв дракона.

Где-то в глубине замка, в большом зале, Кайран Вэйдар стоял у окна и смотрел на догорающий закат. Два солнца садились за горы одно золотое, другое серебряное, окрашивая небо в непривычные, фантастические цвета: пурпур, бирюзу и тёмное золото. Он думал о девушке в гостевой спальне. О её странной одежде, о её глазах цвета тёмного янтаря, о том, как она сказала своё имя — «Эля» — коротко и твёрдо, словно защищаясь.

Попаданка! Живая попаданка, пережившая первые сутки в мире, полном магии. Такое бывает раз в столетие и ему было интересно, что из этого выйдет.

Глава 3. Чужая среди чужих

Проснулась она от стука в дверь.

Стук был негромким, но настойчивым три удара, пауза, ещё три. Элиара открыла глаза не сразу, несколько секунд она просто лежала, глядя в каменный потолок и пытаясь вспомнить, где находится. Потом память вернулась рывком, как удар под дых.

— Госпожа? — раздался из-за двери женский голос, мягкий и почтительный. — Генерал велел помочь вам одеться к завтраку.

Элиара села на кровати, рёбра всё ещё болели, но уже не так остро, то ли лекарь знал своё дело, то ли организм справлялся сам. Она провела ладонью по лицу, откинула спутанные волосы назад.

— Войдите, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим.

Дверь открылась, и в комнату вошла женщина. Невысокая, ладно сложенная, с простым, но приятным лицом. Тёмные волосы, тронутые сединой на висках, убраны под светлый чепец. Платье серое, скромное, с белым передником, служанка. В руках она держала стопку одежды.

— Меня зовут Ирэн, — представилась она, приседая в коротком поклоне. — Генерал Вэйдар распорядился, чтобы я заботилась о вас. Вот платье, не новое, но чистое и перешитое под ваш рост. Примерьте, должно подойти.

Элиара смотрела на платье с некоторым сомнением. Она никогда не носила таких длинных, тёмно-зелёных, с узкими рукавами и серебряной вышивкой по подолу. В её мире она предпочитала джинсы и свитера. Но выбора, похоже, не было, так как её собственная одежда хоть и висела на стуле чистой, явно не годилась для этого места.

— Спасибо, Ирэн, — сказала она, принимая платье.

Ирэн помогла ей одеться. Ловкие пальцы служанки быстро справились со шнуровкой на спине, поправили складки, одёрнули подол. Платье село на удивление хорошо, словно и правда шили специально для неё. Ткань была мягкой, приятной к телу, и пахла сушёными травами.

— Волосы бы причесать, — сказала Ирэн, окидывая её оценивающим взглядом. — Позволите?

Элиара кивнула, и служанка принялась распутывать её спутанные русые пряди деревянным гребнем. Движения были аккуратными, почти ласковыми, на мгновение Элиара прикрыла глаза, и ей показалось, что она снова в детдоме, и кто-то из старших девочек помогает ей заплести косу перед утренней линейкой.

— Вы издалека? — спросила Ирэн, не прекращая своей работы.

— Можно и так сказать, — ответила Элиара. — Очень издалека.

— Это заметно, — Ирэн чуть улыбнулась, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие. — У вас взгляд... другой, не как у здешних женщин. Вы смотрите так, будто всего ожидаете и ничему не удивляетесь.

Элиара не нашлась, что ответить. Эта женщина видела её насквозь и кажется, понимала больше, чем говорила.

— Не бойтесь генерала, — добавила Ирэн тише. — Он суров, но справедлив. Плохого он вам не сделает.

Элиара не была в этом уверена, но спорить не стала.

Через несколько минут она была готова, Ирэн отступила на шаг, оглядела её и удовлетворённо кивнула.

— Вот так. Идёмте, я провожу вас в малую столовую, генерал уже ждёт.

Малая столовая оказалась не такой уж малой. Высокий сводчатый потолок, стены, обитые тёмными деревянными панелями, массивный камин, в котором весело потрескивал огонь. Над камином висела картина — горный пейзаж с летящим драконом. В центре комнаты стоял

длинный дубовый стол, за которым могли бы разместиться человек двадцать, но сейчас за ним сидел только один.

Кайран Вэйдар поднялся при её появлении.

— Элиара, — произнёс он, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на удовлетворение. — Тебе идёт это платье, зелёный цвет подходит к твоим глазам, садись.

Она села напротив него, стараясь держать спину прямо. На столе уже был завтрак свежий хлеб, масло, сыр, какие-то фрукты, похожие на маленькие красные яблоки, кувшин с водой и второй с тёмным, пахнущим травами напитком. Элиара вдруг поняла, что ужасно голодна — последний раз она ела... в Москве в кафешке.

— Ешь, — сказал Кайран, словно прочитав её мысли. — Не бойся, не отравлено.

Она взяла кусок хлеба, отломала, положила в рот. Хлеб был тёплым, с хрустящей корочкой, и на вкус оказался совсем как обычный, только чуть слаще и с какими-то пряными нотками. Это немного успокоило, она налила себе напитка из кувшина он оказался ягодным, терпким и освежающим.

Некоторое время они ели молча. Кайран не сводил с неё глаз изучающих, оценивающих. Она старалась не ёжиться под этим взглядом, но это было непросто, его золотые глаза с вертикальным зрачком видели, казалось, каждую её мысль.

— Расскажи о своём мире, — произнёс он наконец, откинувшись на спинку стула.

Элиара отложила хлеб.

— Что именно ты хочешь узнать?

— Всё. Как он устроен, кто в нём живёт. Есть ли магия? Как ты жила? Мне нужно понять, кто ты такая.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Магии нет, — сказала она. — Совсем, наш мир он другой. У нас нет драконов, нет рун на деревьях, нет двух солнц. Мы живём в огромных городах, пользуемся техникой такой как машины, телефоны, самолёты. Мы научились летать без крыльев, строим металлические машины, которые поднимаются в воздух.

Кайран слушал внимательно, не перебивая. Его пальцы рассеянно поглаживали край чаши.

— Я жила в огромном городе, — продолжила она. — Называется Москва. Там много миллионов людей. Больше, чем, наверное, во всём твоём королевстве. Дома высотой в сотни этажей, улицы, заполненные машинами, под землёй ходят поезда...

— Поезда под землёй? — переспросил он.

— Да, чтобы не стоять в пробках наверху.

Он хмыкнул, явно пытаясь это представить.

— Я... — она запнулась. — У меня не было семьи. Я выросла в детском доме, это такое место, где живут дети, от которых отказались родители, много детей. У каждого своя история, но общая судьба — никому не нужны.

В его глазах что-то мелькнуло — быстро, почти неуловимо. Она не поняла, что именно. Жалость? Интерес? Понимание?

— У тебя нет семьи, — повторил он, и это прозвучало не вопросом.

— Нет, я сама по себе с детства.

Он кивнул, словно эта информация что-то для него значила, но не стал развивать тему.

— А магия? Ты сказала, что в вашем мире её нет, но здесь она есть, она повсюду. Воздух, вода, земля — всё пропитано ею. Люди рождаются с даром или без, и те, у кого дара нет, либо живут в специальных защищённых анклавах, либо... не живут вовсе.

— Но я выжила, — тихо сказала она.

— Именно. — Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. — Это делает тебя особенной, Элиара. Очень особенной.

Она не знала, что ответить.

После завтрака Кайран повёл её осматривать замок.

Они шли по длинным каменным коридорам, освещённым факелами и магическими светильниками, прозрачными шарами, внутри которых плавали светящиеся точки, медленно кружась, как стайка светлячков. Элиара смотрела по сторонам, пытаясь запомнить дорогу и одновременно впитывая всё, что видела.

Замок был огромным, не просто дом, а целая крепость, встроенная в скалу. Высокие стены, башни с остроконечными крышами, внутренние дворы, соединённые крытыми переходами, казармы, оружейные склады и стойла — несколько огромных каменных арок, ведущих в пещеры прямо в скале. Оттуда тянуло теплом и странным мускусным запахом.

Люди и нелюди — она уже научилась различать оборотней по характерной пластике движений и отблеску чешуи на скулах, занимались своими делами. Воины тренировались во дворе, звеня мечами. Слуги сновали туда-сюда с корзинами и тюками. Где-то в небе, над башнями, кружили два дракона, один тёмно-синий, другой бурый. Их тени скользили по каменным плитам двора.

— Это военный замок, — говорил Кайран, указывая на разные части крепости. — Здесь дислоцируется мой отряд. Три сотни драконов-оборотней, лучшие воины Южного королевства. Мы охраняем южные границы от орков, которые лезут из Пустошей.

— Орков? — переспросила она.

— Да, твари из-за гор. Они плодятся в Пустошах, как крысы, и регулярно пытаются проваться через перевалы. Моя задача — не дать им этого сделать. — Он говорил об этом спокойно, буднично, как о рутинной работе. — Поэтому здесь всё устроено как крепость. Мы всегда готовы к войне.

Они вышли на крепостную стену. Ветер здесь был сильным, холодным, трепал волосы и заставлял щуриться. Внизу расстился замковый двор, а за стенами — бескрайний лес, тот самый, из которого она вышла два дня назад. Деревья уходили к горизонту сплошным тёмно-зелёным морем, и где-то там, в глубине, наверное, всё ещё светились руны на стволах.

— Ты здесь главный, — сказала она, глядя вдаль.

— Да.

— И что теперь будет со мной?

Кайран повернулся к ней. Ветер трепал его чёрные волосы, но он, казалось, не замечал этого. Его золотые глаза смотрели прямо, без тени сомнения.

— Ты останешься здесь. По крайней мере, на время. Я должен понять, что с тобой делать. Ты выжила в мире магии без защиты это невозможно, но это случилось. Ты говоришь на нашем языке — магия переноса, допустим, но выживание... — он покачал головой. — Это другое. В тебе есть что-то, чего ты сама не понимаешь и я намерен это выяснить.

— То есть я пленница? — спросила она прямо.

— Гостья, — поправил он, и в его голосе мелькнула тень усмешки. — Пока что, но покидать замок без моего разрешения тебе не стоит. Ты не знаешь этот мир, не знаешь его законов и опасностей. Шаг за ворота и ты труп. Позволь мне хотя бы научить тебя основам, прежде чем ты решишь героически сбежать.

Элиара не улыбнулась.

— Чему научить?

— Всему, языку магия дала тебе понимание, но ты не умеешь читать, географии, истории, магии — хотя бы в теории. Ты попала в мир, где идёт война, Элиара. Где политика и сила значат всё. Если ты хочешь выжить, ты должна понимать правила игры.

Она смотрела на него и пыталась понять, что скрывается за этими словами. Забота? Расчёт? Искреннее желание помочь? Или простое любопытство как у учёного, изучающего редкий вид бабочек?

— Почему тебе не всё равно? — спросила она. — Ты мог бы просто выкинуть меня за ворота или запереть в темнице. Почему ты помогаешь?

Кайран помолчал, ветер продолжал трепать его чёрные волосы, бросал пряди на лицо. Два солнца золотое и серебряное освещали его резкий профиль.

— Потому что ты интересна мне, — сказал он наконец. — Я давно не встречал ничего... нового, никого нового. Ты — загадка, которую хочется разгадать и пока я её не разгадаю, ты останешься здесь. Под моей защитой.

Он развернулся и зашагал по стене обратно к башне.

— Идём, я покажу тебе библиотеку. Ты начнёшь учиться читать сегодня же.

Элиара постояла ещё несколько секунд, глядя ему вслед. Загадка? Значит, она для него загадка, а не человек или женщина. Головоломка...

Это было обидно, но с другой стороны, это давало ей шанс. Шанс выжить и понять этот мир. Шанс доказать в первую очередь самой себе, что она чего-то стоит даже здесь.

Она вдохнула холодный ветер, пахнувший лесом и снегом далёких гор, и пошла за генералом.

Дни в замке потянулись однообразной, но не скучной чередой.

Каждое утро Ирэн помогала ей одеться и приводила в порядок волосы. Она делала это молча, но с какой-то особой, материнской заботой, и Элиара постепенно привыкла к ней. Иногда они перебрасывались парой слов о погоде, о еде, о новостях замка. Ирэн знала всё и всех и, казалось, была здесь кем-то вроде неофициальной хранительницы порядка.

Каждое утро Элиара завтракала за длинным столом иногда одна, иногда с Кайраном, если он не был занят военными делами. Потом занятия в библиотеке, Кайран выделил ей наставника, пожилого сухого мага по имени Мастер Торвальд, который должен был обучить её грамоте и основам местной истории.

Библиотека оказалась огромной. Высокие до самого потолка стеллажи, уставленные книгами в кожаных переплётах, свитки в футлярах, карты на стенах. Тяжёлый стол у окна, за которым Мастер Торвальд раскладывал свои учебные материалы. Воздух здесь пах старой бумагой, воском и магией сладковатой, чуть покалывающей ноздри.

Мастер Торвальд оказался вьедливым и строгим, но терпеливым. Он не задавал лишних вопросов о её происхождении видимо, Кайран его предупредил. Зато он заставлял её зубрить алфавит, выводить буквы на вощёных табличках, а потом на бумаге, которая здесь была дорогой и пахла странными химическими составами.

— Ты делаешь успехи, — сказал он однажды, проверяя её диктант. — У тебя хорошая память и ты упорна, это редкость.

Элиара кивнула, она привыкла быть упорной, в детдоме по-другому было не выжить.

После занятий с Торвальдом Кайран иногда сам проводил с ней время обычно по вечерам, когда его военные обязанности заканчивались. Он рассказывал о мире и о королевствах, о магии, о войнах. О Южном королевстве, которым правил король Дарион старый, но сильный монарх. О Северном королевстве, с которым был хрупкий, напряжённый мир. О Пустошах, откуда лезли орки тёмные, клыкастые твари, не знающие ни страха, ни жалости. О тёмной магии, которая поражала раны и которую не умели лечить обычные целители.

— Целители? — переспросила она однажды. — У вас есть целители?

— Конечно. Маги, чей дар исцеление. — Он сидел в кресле у камина, рассеянно вращая в пальцах бокал с тёмным вином. — Но они черпают силу из накопителей. Это кристаллы, которые заряжаются магией от природных источников. Сила конечна, понимаешь? Целитель может лечить, пока есть заряд. Потом всё. Он бесполезен, пока кристалл не восполнится, а это может занять дни или недели.

— И что, нельзя лечить без кристаллов? — спросила она.

— Можно, — Кайран пожал плечами. — Но на это уходит собственная жизненная сила целителя. Ты вливаешь в пациента самого себя, можно умереть, исцеляя других. Поэтому так не делают, только в крайнем случае, когда выбора нет.

Элиара запомнила это, что-то внутри неё та часть, что мечтала стать врачом, — отозвалась странным, глухим волнением.

По вечерам она сидела у окна в своей комнате и смотрела на два солнца. Они садились за горы в разное время сначала серебряное, потом золотое. Небо окрашивалось в непривычные цвета пурпур, бирюзу и тёмное золото. Звёзды здесь были другими — незнакомые созвездия, чужие узоры и луна — не одна, а две, большая белая и маленькая голубоватая.

Она думала о Москве, о детдоме, о своей пустой квартире в Бирюлёво, где наверняка уже скопились счета за коммуналку. Интересно, кто-нибудь её ищет? Кто-нибудь заметил, что она исчезла?

Наверное, нет...

Однажды вечером, когда Кайран, против обыкновения, задержался в библиотеке после её занятия с Торвальдом, она спросила:

— А другие попутанцы? Ты говорил, что они здесь бывали. Что с ними стало?

Он сидел у камина с книгой в руках и ответил не сразу. Пламя отражалось в его золотых глазах.

— Некоторые умерли, — сказал он наконец. — Этот мир убил их, просто сжёг изнутри, магия оказалась слишком сильной. Некоторые выжили, но сошли с ума. Магия действует на разум неодарённых... своеобразно. Они слышали голоса, видели то, чего нет и лишь единицы адаптировались. Одна женщина, говорят, стала советницей короля в Северном королевстве. Но это было лет сто назад.

— Значит, шанс есть, — тихо сказала она.

— Есть, — согласился он, поднимая на неё глаза. — Но он мал, очень мал.

Элиара смотрела на него и думала: «Я уже выжила там, где другие умирают. Детдом меня не сломал, Москва не сломала и этот мир не сломает. Я справлюсь, я всегда справлялась».

Она ещё не знала, что главные испытания впереди.

Глава 4. Разговоры о мирах

Прошло две недели.

Элиара постепенно привыкала к замку. Она уже не путалась в бесконечных коридорах и переходах, не вздрагивала от звука шагов за спиной и не замирала в растерянности перед развилками. Она знала, где находится библиотека, массивная дубовая дверь в конце восточного крыла. Знала, где малая столовая с её неизменным камином и портретами прежних генералов на стенах. Знала, где кухня жаркое, шумное царство, куда её иногда пускала Ирэн, чтобы угостить горячей лепёшкой с мёдом или кусочком сыра с травами.

Она научилась различать офицеров гарнизона по лицам и нашивкам на мундирах, серебряный дракон на плече - лейтенант, золотой — капитан, чёрный с рубиновым глазом — генеральская гвардия. Научилась не вздрагивать, когда над головой пронёсся дракон, заслоня крыльями солнце и на мгновение погружая двор в тень. Научилась даже немного читать — простые тексты, детские сказки, которые давал ей Мастер Торвальд, написанные крупными буквами на грубой бумаге, но главное, она начала понимать этот мир.

Он был жестоким, гораздо более жестоким, чем её собственный. Здесь сила решала всё, у кого больше магии, у кого острее клыки, у кого мощнее армия тот и прав. Здесь не было полиции, судов, правозащитников. Была только власть грубая, первобытная, как в те времена, о которых на Земле писали в учебниках истории. Южное королевство, где она оказалась, было одним из сильнейших государств континента. Им правил король Дарион — старый дракон, о котором говорили шёпотом даже в соседних землях. Говорили, что в молодости он в одиночку сжёг армию врага. Говорили, что его дыхание плавит камень. Говорили, что он никогда не прощает предательства, а самым могущественным из его генералов был Кайран Вэйдар.

— Почему ты служишь ему? — спросила она однажды вечером.

Они сидели в библиотеке. Это стало их ритуалом, после ужина, когда замок затихал и в коридорах оставались только часовые, они встречались здесь. Иногда говорили, иногда молчали — каждый занимался своим делом, но это молчание было уютным, не тягостным.

Кайран, против обыкновения, был не в мундире, а в простой тёмной рубашке с расстёгнутым воротом. Он сидел в глубоком кресле у камина, вытянув ноги к огню, и выглядел почти расслабленным, почти домашним. В руке он держал бокал с тёмным вином, которое здесь называли «кровь гор» — густое, терпкое, с металлическим послевкусием. В камине горел огонь, за окном шумел ветер, и где-то вдалеке перекликались часовые на стенах.

— Королю? — уточнил он, не поворачивая головы.

— Да, ты сильнее его?

Кайран усмехнулся коротко, сухо и без веселья.

— В прямом бою возможно, — сказал он. — В моём возрасте он был силён, но сейчас... годы берут своё, но сила — это не только умение убивать. Дарион дал мне всё, положение, армию, цель. Я был никем, когда он меня нашёл. Уличным мальчишкой, который умел только драться и выживать.

Он помолчал, глядя в огонь. Элиара не перебивала, чувствуя, что сейчас важно просто слушать.

— Я родился в трущобах столицы, — продолжил он. — В квартале, который называли Пепельным. Там жили те, у кого не было ни денег, ни магии, ни надежды. Мои родители погибли, когда мне было пять. Война... Очередной набег орков, они сожгли наш дом. Я не помню их лиц только запах дыма и крики. Потом была улица... Бродяжничество... Драки за еду с такими же, как я. Я выжил, потому что был злее и сильнее других. Потому что драконья кровь давала о себе знать даже тогда, а потом меня нашёл Дарион.

— Как он тебя нашёл? — спросила Элиара тихо.

— Случайно, он объезжал город после очередной победы. Его карета проезжала через Пепельный квартал, и я не зная, что это Дарион, хотел попросить у обеспеченного владельца кареты денег на еду. — Кайран усмехнулся. — Мне было одиннадцать. Я был тощим, грязным и голодным. Меня схватили стражники, скрутили. Думал, убьют, а Дарион вышел из кареты, посмотрел на меня и сказал: «У этого мальчишки глаза дракона» и велел отвезти меня во дворец.

— Просто так?

— Не просто, он увидел потенциал. Драконья кровь — редкость. Драконы-оборотни не часто рождаются в трущобах. Дарион решил, что из меня может выйти толк. Дал образование, тренировки, шанс. Я учился в военной академии, потом служил в его гвардии, потом получил звание и сейчас я здесь, обязан ему всем.

Элиара смотрела на него и пыталась совместить этот образ уличного мальчишки из трущоб с тем, кого видела перед собой. Не получалось... Кайран выглядел так, словно родился в этом замке, с мечом в руке и властью в голосе, но теперь она знала, что за этой безупречной бронёй скрывается прошлое, похожее на её собственное.

— Ты был сиротой, — сказала она тихо.

Он не ответил, огонь в камине отражался в его золотых глазах, делая их похожими на расплавленный металл.

— Да, — сказал он наконец. — Был, как и ты.

— Значит, мы с тобой похожи.

Кайран поднял на неё глаза, что-то изменилось в его взгляде, исчезла привычная ирония, исчез оценивающий холод. Он смотрел на неё иначе, как на равную.

— Да, — произнёс он медленно. — Похоже, мы похожи.

Повисла пауза, ветер за окном выл в башнях, пламя в камине плясало, отбрасывая тени на книжные стеллажи. Элиара чувствовала, что этот момент особенный и хрупкий. Как будто между ними протянулась тонкая, невидимая нить.

— Расскажи мне о своём мире, — попросил он, и это прозвучало не как требование, а как просьба.

И она рассказала...

Она говорила долго, о Москве — огромном городе, который никогда не спит, о его широких проспектах и узких переулках, о высотках, упирающихся в небо, о Кремле и Красной площади, залитой огнями, о метро — целом подземном городе с мраморными станциями и поездами, которые мчатся с невероятной скоростью, о самолётах, которые перевозят людей через океаны за считанные часы, об интернете — невидимой сети, связывающей миллиарды людей, о телефонах, которые умещаются в ладони и могут вызвать человека на другом конце света.

Кайран слушал, не перебивая, иногда задавал вопросы — точные, умные, выдававшие острый, аналитический ум.

— Как работают ваши самолёты? — спрашивал он. — Если у вас нет магии, что держит их в воздухе?

— Двигатели, химическая энергия превращается в механическую. Крылья рассекают воздух, создавая подъёмную силу, это физика, а не магия.

— Физика, — повторял он задумчиво. — Наука о законах природы, у нас тоже есть учёные, но они изучают магию, а не механику. Интересно...

— У нас нет магии, — сказала она. — Но мы всё равно покорили мир, научились летать, плавать под водой, передавать изображения на расстоянии. Мы лечим болезни, которые раньше убивали миллионы. Мы даже в космос летали за пределы планеты.

— За пределы мира? — он поднял бровь. — Вы покидали свой мир?

— Не совсем, мы покидали поверхность планеты. Вылетали в пустоту, где нет воздуха, и смотрели на звёзды вблизи. Там, в космосе, наша Земля выглядит как голубой шар.

Кайран долго молчал, осмысливая услышанное.

— Это... трудно представить, — признался он. — У нас никто не покидал пределов мира. Говорят, что за небесной сферой хаос, царство древних богов, куда смертным нет хода.

— У нас нет богов, — сказала Элиара. — По крайней мере, мы не можем доказать их существование, у нас есть наука и технология.

— И при этом ты попала сюда, — заметил он. — В мир, где магия реальна, а боги иногда отвечают на молитвы.

— Да, — согласилась она. — Ирония судьбы.

Они помолчали.

— Расскажи о себе, — попросил Кайран. — Не о мире, а о тебе.

Элиара вздохнула. Рассказывать о мире было проще, о себе — сложнее.

— Я выросла в детском доме, — начала она. — Это такое место, где живут дети, у которых нет родителей. Кого-то бросили при рождении. Кого-то изъяли из семьи. У всех разные истории. Моя — самая обычная. Меня оставили в роддоме. Ни записки, ни имени. Мне дали имя Эля — просто потому, что оно короткое и ни к чему не обязывает.

— А фамилия? — спросил он.

— Здесь нет фамилий у сирот. Только имя. Фамилию дают позже, при усыновлении. Но меня не удочерили.

— Почему?

— Я была... сложным ребёнком, — она слабо улыбнулась. — Упрямая, с характером. Потенциальные родители хотят милых, послушных детей, а я не была милой. Я кусалась и не давала себя в обиду.

Кайран хмыкнул — одобрительно.

— В детдоме было трудно, — продолжила она. — Много детей, мало внимания, старшие обижали младших. Воспитатели закрывали глаза, чтобы выжить, нужно было быть сильной, я научилась. Дралась, когда нужно. Молчала, когда нужно. Терпела, когда не было другого выхода и мечтала.

— О чём?

— О свободе, о том дне, когда я выйду из детдома и начну свою собственную жизнь без чужих правил, без общих спален и казённой еды. Я хотела стать врачом, лечить людей и приносить пользу.

— Врач — это как наш целитель? — уточнил он.

— Да, только без магии. С помощью знаний, лекарств, операций. Я поступила в медицинский, училась и работала одновременно на трёх работах, чтобы платить за квартиру и еду. Спала по четыре часа в сутки, но я была счастлива. У меня была цель и я шла к ней.

— И ты её достигла?

— Почти, — она опустила глаза. — А потом я оказалась здесь.

Кайран отставил бокал. Поднялся, подошёл к окну. За окном уже стемнело, и два солнца давно сели за горы. На небе висели две луны их свет заливал двор замка холодным серебром.

— Ты скучаешь по своему миру? — спросил он, не оборачиваясь.

Элиара задумалась. Скучает ли она? По утрам, когда просыпалась в огромной кровати под тёмно-синим покрывалом, она иногда забывала, где находится. Ей казалось, что сейчас она встанет, сварит кофе, схватит сумку и побежит на учёбу, а потом память возвращалась, и она видела каменный потолок, слышала дыхание замка и понимала, что Москвы больше нет.

— Иногда, — сказала она честно. — По утрам, но там у меня ничего не было, детдом — не семья, квартира — не уютный дом, работы — не карьера. Я была одна, и моя жизнь была бесконечной гонкой без финиша. Здесь... здесь у меня есть шанс начать всё заново.

Кайран обернулся.

— Шанс на что?

— На жизнь, — просто сказала она. — Настоящую, не выживание, а жизнь.

Он долго смотрел на неё. В его глазах читалось что-то, чего она не могла понять.

— Ты удивительная, Элиара, — сказал он тихо. — Большинство попутанцев, о которых я читал, сходили с ума от тоски по дому, а ты... ты смотришь вперёд.

— У меня нет дома, по которому можно тосковать, — ответила она. — Мой дом — это я сама, где я — там и дом.

Кайран медленно кивнул.

— Это редкое качество, ценное.

Он вернулся в кресло. Налил себе ещё вина, ей предложил, но она отказалась.

— У нас есть похожий напиток, — сказал он. — Горький отвар из корня драконьего когтя. Его пьют перед боем для бодрости, но это не для удовольствия — скорее, по необходимости.

— У нас тоже есть бодрящие напитки, — улыбнулась она. — Кофе, например и ещё энергетики, но они вредные.

— А что насчёт еды? — спросил он. — Что ты любила есть в своём мире?

— Пряные булочки, — ответила она, и на её лице появилась тёплая, чуть грустная улыбка. — Мягкие, с корицей и сахаром, их подавали в кафешке рядом с моим домом. Я покупала одну каждое утро. Это был мой ритуал, маленькая радость перед длинным днём.

— У нас таких нет, — сказал Кайран. — У нас есть хлеб с тмином, лепёшки с мёдом, пироги с мясом и травами, но пряных булочек нет.

— Жаль, это вкусно. Может, когда-нибудь я испеку их здесь.

Он улыбнулся, на этот раз по-настоящему, тепло.

— Я бы попробовал.

В конце третьей недели Элиара стала замечать взгляды.

Не все в замке относились к ней так, как Кайран или Ирэн. Молодые офицеры — драконы-оборотни из гарнизона провожали её глазами, когда она шла через двор. Перешёптывались за спиной, она слышала обрывки фраз: «попутанка», «без магии», «интересно, какая она...». Это нервировало, она привыкла быть невидимкой в своём мире сливаться с толпой, не привлекать внимания. Здесь это было невозможно.

Однажды её остановил лейтенант. Высокий, светловолосый, с серебристой чешуёй на висках и холодными серыми глазами, он преградил ей дорогу у входа в библиотеку.

— Госпожа Элиара, — произнёс он, чуть склонив голову в поклоне, который выглядел скорее насмешливым, чем почтительным. — Я слышал, вы из другого мира. Это правда?

— Правда, — ответила она осторожно, сжимая в руках книгу.

— Это... необычно, — он улыбнулся, и в его улыбке было что-то, что ей не понравилось, слишком пристальное и слишком оценивающее. Его взгляд скользнул по её лицу, по фигуре, задержался на губах. — Вы не похожи на наших женщин, в вас есть что-то... дикое, свободное, наши женщины — они как прирученные птицы, а вы — дикая. Это притягивает...

— Я просто другая, — сказала она сухо. — Извините, мне нужно идти, Мастер Торвальд ждёт.

Она попыталась обойти его, но он шагнул в сторону, снова загораживая проход.

— Меня зовут Рейнхарт, — сообщил он. — Я лейтенант второго крыла. Если вам что-нибудь понадобится, что угодно, обращайтесь ко мне. Генерал не всегда может быть рядом, а я... я всегда свободен.

— Я учту, — бросила она и, резко обойдя его, скрылась за дверью библиотеки.

Вечером она рассказала об этом Кайрану. Он слушал молча, но его пальцы, сжимавшие край стола, побелели.

— Рейнхарт, — произнёс он, и в его голосе прозвучала сталь. — Мой лейтенант. Хороший воин, но слишком самоуверенный.

— Он просто говорил, — сказала Элиара. — Ничего такого.

— Это пока «ничего такого», — Кайран поднял на неё глаза. — Если он или кто-то другой позволит себе лишнее, скажи мне.

— И что ты сделаешь?

— Накажу, — коротко ответил он. — Ты гостя в этом замке, под моей защитой, никто не имеет права...

— Я не твоя собственность, — перебила она, и в её голосе прозвенела сталь. — Я сама могу за себя постоять.

Кайран поднял бровь.

— Правда? Ты, без магии, без оружия, без знания этого мира — против дракона-оборотня? Против того, кто в бою стоит десятка обычных воинов?

— Я не беспомощна, — упрямо сказала она.

— Нет, — согласился он неожиданно. — Не беспомощна, ты одна из самых сильных женщин, которых я встречал, но сила бывает разной. Твоя сила — внутри, а их сила — в когтях и клыках. — Он помолчал. — Ты не знаешь наших законов. У нас женщина без защиты мужчины — добыча. Хочешь ты этого или нет. Позволь мне хотя бы обеспечить тебе эту защиту, пока ты не научишься защищать себя сама.

Элиара хотела возразить, но не нашла слов. В его словах была логика. Неприятная, но логика. Этот мир не был её миром. Здесь правила были другими.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но я не собираюсь вечно прятаться за твоей спиной.

— Я на это и не рассчитываю, — усмехнулся он. — Ты не из тех, кто прячется.

В конце четвёртой недели в замке случилось происшествие.

Элиара сидела в библиотеке, разбирая очередной текст под присмотром Мастера Торвальда. Старый маг был терпелив, но требователен, и сегодня они бились над сложным историческим трактатом, написанным архаичным языком. За окном моросил дождь, в камине уютно потрескивал огонь, и она почти забыла о том, что находится в чужом мире, а потом в коридоре раздались тяжёлые шаги.

Много шагов, топот сапог, лязг металла, отрывистые команды. Дверь библиотеки распахнулась, и вошёл Кайран — в полном боевом облачении. Чёрный доспех с золотой насечкой сиял в свете камина. На поясе висел меч — тот самый, что она видела над камином в первый день. Лицо его было мрачным, как грозовая туча.

— Собирай отряд, Торвальд, — бросил он магу. — Орки прорвались через восточный перевал. Пятый гарнизон разбит, требуется немедленная поддержка.

Торвальд побледнел, но тут же вскочил. Схватил посох, стоявший у стены длинный, покрытый рунами и не сказав ни слова, поспешил к выходу.

Кайран повернулся к Элиаре.

— Я уйду на несколько дней. Возможно, на неделю. Ты остаёшься здесь, за ворота ни шагу. Ирэн позаботится о тебе. Она знает замок лучше, чем кто-либо.

— А если орки прорвутся сюда? — спросила она, чувствуя, как внутри поднимается холодный страх.

— Не прорвутся, — отрезал он. — У нас достаточно сил, чтобы удержать замок, но если что, в подвале есть укрытие. Ирэн знает, где оно, доберитесь туда и ждите.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но Элиара вдруг вскочила и, не думая, схватила его за руку, он замер.

— Будь осторожен, — сказала она тихо. — Возвращайся.

Кайран обернулся, их глаза встретились. В его золотых глазах она увидела что-то, чего не видела раньше тёплое, удивлённое, почти растерянное.

— Постараюсь, — сказал он.

Элиара осталась одна в опустевшей библиотеке. Книга, которую она читала, всё ещё лежала на столе, раскрытая на середине. Свечи дрожали от сквозняка. За окном ревели драконы, поднимаясь в воздух один за другим, десятки, сотни. Их крылья создавали ветер, который заставлял стекло в окнах дрожать. Она подошла к окну и увидела, как огромные тени проносятся над замком. Золотые, синие, бурые, серебристые — целая армия драконов уходила на восток, к далёким горам, где сейчас лилась кровь.

Среди них был один, кого она искала глазами. Огромный чёрный дракон, поднявшийся выше всех. Его чешуя сверкала, как обсидиан. Его крылья рассекали облака. Его рёв — мощный, глубокий — прокатился над замком, и что-то внутри Элиары дрогнуло.

Она стояла у окна, пока последний дракон не скрылся за горизонтом.

— Возвращайся, — прошептала она в пустоту. — Пожалуйста, возвращайся.

И впервые за долгое время она молилась, не богам — она не знала здешних богов, просто молилась, чтобы он вернулся живым.

Дни без него тянулись мучительно медленно...

Замок опустел. Большая часть гарнизона ушла с генералом — остались только минимальные силы для обороны, в основном молодые воины и ветераны, уже не годные для дальних походов. Во дворе больше не звенели мечи, в коридорах не слышался смех офицеров. Тишина стояла густая, вязкая, нарушаемая только завыванием ветра в башнях.

Элиара пыталась занять себя, читала, занималась с Торвальдом, который тоже остался в замке — старый маг был нужен для поддержания защитных заклинаний. Помогала Ирэн на кухне чистила овощи, месила тесто, слушала рассказы служанки о её жизни.

Ирэн оказалась вдовой, её муж погиб десять лет назад в такой же войне с орками, у них не было детей.

— Я осталась одна, — говорила Ирэн, раскатывая тесто для хлеба. — Генерал взял меня в замок из жалости, дал работу, крышу над головой. Я ему благодарна.

— Он часто так делает? — спросила Элиара. — Помогает тем, кто в беде?

— Чаше, чем хочет показать, — Ирэн улыбнулась. — Он строит из себя сурового воина, но сердце у него... не каменное. Просто он никому этого не показывает.

Элиара запомнила эти слова.

По ночам она не могла уснуть. Ворочалась в постели, прислушивалась к звукам замка. Каждый скрип, каждый шорох казался предвестником беды. Она представляла, что там, в далёких горах, идёт бой, что драконы сражаются с орками. Что Кайран... Нет. Она запрещала себе думать об этом.

На пятый день она стояла на крепостной стене и смотрела на восток. Ветер трепал её волосы, пронизывал до костей, но она не уходила. Часовые уже привыкли к ней и не прогоняли и вдруг она увидела.

На горизонте, над горами, появилась точка, за ней другая, третья. Десятки точек, которые стремительно приближались, росли, обретали очертания.

Драконы возвращались.

Она бежала по лестнице, по коридорам, во двор и оказалась там как раз в тот момент, когда первый дракон, огромный синий, тяжело опустился на каменные плиты. Он был ранен крыло порвано, на боку глубокая рана, из которой сочилась кровь, за ним последовали другие и наконец — последним — приземлился он.

Чёрный дракон, её чёрный дракон. Он был покрыт кровью — своей и чужой. Его левое крыло было повреждено, на груди зияла рана, которая дымилась тёмной магией, но он был жив.

Элиара стояла на ступенях замка и смотрела, как дракон трансформируется. Вот огромное тело уменьшается, чешуя втягивается, крылья исчезают и на каменных плитах остаётся человек. Кайран... Бледный, израненный, но держащийся на ногах.

Их глаза встретились через весь двор.

Он улыбнулся устало, чуть заметно и она вдруг поняла, что плачет.

Глава 5. Жизнь в замке

День начался, как обычно, со стука в дверь.

— Госпожа Элиара, — раздался мягкий голос Ирэн, — завтрак готов, генерал ждёт в малой столовой.

Элиара открыла глаза и несколько секунд смотрела в каменный потолок, по которому плясали отблески утреннего света. Прошёл почти месяц с тех пор, как она очнулась в этом мире. Месяц и она до сих пор не могла привыкнуть к тому, что каждое утро её ждут. Что о ней заботятся, что есть Ирэн с её неизменной мягкой улыбкой, есть тёплый завтрак, есть чистая одежда. В детдоме всё было иначе, там каждое утро было борьбой за место у рукомойника, за кашу без комков, за право побыть в тишине хотя бы пять минут, а здесь... здесь было странное, непривычное чувство покоя, но покой ли это? Или затишье перед бурей?

Она откинула одеяло и села на кровати, опустив босые ноги на меховой коврик. Тело больше не болело, рёбра срослись, плечо перестало ныть по ночам, и только тонкий шрам на левом предплечье напоминал о том дне, когда она угодила под колёса внедорожника в другом мире. Шрам был странный — тонкий, серебристый, словно нанесённый не металлом, а чем-то иным. Местный лекарь сказал, что такое бывает у попаданцев: магия переноса оставляет свои отметины.

Ирэн уже вошла в комнату бесшумно, как всегда. В руках она держала стопку свежей одежды. Сегодня это было платье тёмно-синего цвета с вышивкой белой нитью по вороту и рукавам. Простое, но изящное — явно перешитое из старого гардероба замка, но сидевшее теперь идеально по её фигуре.

— Генерал распорядился, чтобы вам сшили новые платья, — сообщила Ирэн, помогая ей одеться. — Портниха прибудет из столицы через неделю. Генерал сказал, что гостья его замка не должна донашивать чужие обноски.

— Я не против обносок, — заметила Элиара. — Лишь бы чистое.

— Вот и я так говорю, — Ирэн усмехнулась. — Но с генералом спорить себе дороже. Он как решил, так и будет.

Она помогла зашнуровать платье на спине и принялась расчёсывать волосы Элиары длинными, плавными движениями, которые уже стали привычным утренним ритуалом. За этот месяц они сблизились, Ирэн оказалась не просто служанкой, а кем-то вроде экономки и хранительницы замковых порядков, и разговаривала с Элиарой почти как с равной.

— Генерал в хорошем настроении, — заметила Ирэн. — Вчера вечером пришли донесения с восточных перевалов. Орки отступили и потери небольшие.

Элиара почувствовала, как внутри что-то отпустило. Она не спрашивала о Кайране прямо, но Ирэн, кажется, всё понимала без слов.

— Это хорошо, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Конечно, хорошо, — согласилась Ирэн, укладывая её волосы в простую причёску. — Когда генерал в хорошем настроении, в замке всем легче живётся. Он не злой человек, но требовательный, а после возвращения с перевалов... сами видели, он был мрачнее тучи.

Элиара помнила, пять дней после возвращения отряда Кайран почти не выходил из своего кабинета. Она видела его только мельком в коридорах, на ужинах, которые проходили в молчании. Он был бледен, рана на груди всё ещё давала о себе знать, но он никому не позволял о себе заботиться. На все предложения лекаря отвечал коротко: «Я в порядке».

Она тогда не решилась подойти. Не знала, имеет ли право.

— Вот и готово, — Ирэн отступила на шаг. — Идите завтракать. Генерал не любит, когда опаздывают.

Малая столовая встретила её привычными запахами: свежий хлеб, травяной чай, жареное мясо. Кайран уже сидел за столом как всегда, с идеально прямой спиной, словно на военном совете, а не за утренней трапезой. На нём был тёмно-серый мундир с серебряными пуговицами, волосы собраны в хвост. Выглядел он отдохнувшим, но под глазами всё ещё залегали тени, следствие бессонных ночей и не до конца залеченных ран.

— Доброе утро, Элиара — произнёс он, поднимая глаза. Золотые зрачки чуть расширились, когда он её увидел. — Тебе идёт синий цвет.

— Доброе утро, — она села напротив. — Спасибо. Ирэн постаралась.

— Ирэн знает своё дело, — согласился он, беря в руки чашу с травяным отваром. — Я хотел поговорить с тобой.

Элиара напряглась. Обычно он не начинал разговоров так прямо, предпочитал ходить вокруг да около, прощупывать почву.

— О чём?

— О тебе. О твоём будущем в этом мире. — Он отпил глоток и продолжил: — Прошёл месяц с тех пор, как ты здесь оказалась. Ты выучила основы языка, научилась читать, знаешь достаточно об устройстве королевства. Пора решать, что дальше.

У неё перехватило дыхание.

— Ты выгоняешь меня? — спросила она тихо.

Кайран поднял бровь.

— Если бы я хотел тебя выгнать, я бы сделал это в первый день. — Он отставил чашу. — Нет, я предлагаю тебе остаться здесь в замке. Не как гостье, не как пленнице. Как... — он помолчал, подбирая слово. — Как помощнице.

— Помощнице?

— Ты говорила, что в своём мире училась на врача. Здесь это называется целительством. У нас есть лазарет, есть лекарь — старый Бран, ты его видела, но он один, и ему нужен помощник. Кто-то, кто умеет обращаться с ранами, знает травы, может ассистировать при операциях. Ты говорила, что хочешь быть полезной, вот твой шанс.

Элиара молчала, переваривая услышанное. Лазарет... Помощница лекаря... Это было... именно то, о чём она мечтала, сама того не осознавая. Не сидеть сложа руки, не ждать непонятно чего, а работать, помогать и быть нужной.

— Я согласна, — сказала она твёрдо.

— Хорошо. — Он кивнул, и в его глазах мелькнуло удовлетворение. — Тогда после завтрака я отведу тебя в лазарет, познакомлю с Браном. Предупреждаю, он старый ворчун, но дело своё знает и он не любит, когда кто-то знает больше него так что будь... дипломатичной.

— Я умею быть дипломатичной, — сказала она с лёгкой улыбкой.

Кайран хмыкнул.

— Вот это я и хочу проверить.

Лазарет находился в южном крыле замка в той части, которую Элиара ещё не исследовала. Это была длинная сводчатая зала с высокими окнами, выходящими во внутренний двор. Вдоль стен стояли койки десятка два, застеленные чистым серым бельём. Пахло травами, спиртовыми настойками и чем-то металлическим, напоминающим запах крови. Несмотря на все старания, этот запах въелся в каменные стены, и никакие травы не могли его перебить.

Старый Бран оказался именно таким, каким его описывал Кайран сухой, сгорбленный старик с крючковатым носом, седыми кустистыми бровями и пронзительными серыми глазами, которые, казалось, видели всё насквозь. Одет он был в длинный серый балахон с пятнами от трав и настоек, на поясе висел кожаный мешочек с инструментами. Когда генерал представил ему Элиару, он долго разглядывал её молча, неодобрительно, словно прикидывал, сколько от неё будет проблем.

— Попаданка, значит, — проворчал он наконец. — Слышал, без магии, да? А что тогда толку? У нас тут магический лазарет, а не богадельня.

— Я училась на врача в своём мире, — спокойно ответила Элиара. — Я знаю, как обрабатывать раны, накладывать швы, останавливать кровотечение. У вас есть магия, а у меня есть знания. Может, они пригодятся.

Бран хмыкнул.

— Знания, говоришь? Ну-ну, посмотрим. — Он повернулся к Кайрану, который стоял у двери со скрещёнными на груди руками. — Ладно, генерал. Оставь её, если будет мешаться — выгоню. У меня тут не школа для девиц.

— Она не будет мешаться, — сказал Кайран ровно. — И она не девица. Относись к ней с уважением.

Бран что-то проворчал себе под нос, но спорить не стал. Кайран бросил на Элиару короткий взгляд — «справишься?» — и вышел.

Так началась её новая жизнь.

Дни в лазарете оказались тяжёлыми, но именно этого ей и не хватало.

Она вставала на рассвете и шла в южное крыло. Бран, несмотря на своё ворчание, оказался отличным учителем строгим, но справедливым. Он показывал ей, как готовить настойки из местных трав, как накладывать швы на раны разной глубины, как распознавать тёмную магию в ранах, она оставляла характерный чёрный налёт и запах гнили. Объяснял устройство магических накопителей — кристаллов, которые целители использовали для лечения. Эти кристаллы заряжались от природных источников магии подземных ключей, которых было много в горах и отдавали силу постепенно, как батарейки в её мире.

Элиара впитывала знания, как губка. То, чему её учили в медицинском, здесь находило неожиданное применение. Анатомия была той же мышцы, кости, сосуды, но магия добавляла новые слои сложности. Она узнала, что раны, нанесённые тёмной магией, не заживают сами по себе, их нужно сначала «очистить» вытянуть тьму и только потом лечить. Узнала, что драконы-оборотни регенерируют быстрее людей, но их раны болят сильнее, потому что драконья сущность острее чувствует повреждения.

Она училась и с каждым днём чувствовала, как растёт внутри что-то важное, не просто знания, а уверенность. Она была нужна здесь по-настоящему нужна.

Кайран приходил почти каждый вечер, иногда проверить раненых, которых привозили с границы, иногда просто так. Он стоял в дверях лазарета, смотрел, как она работает, и молчал, но в его молчании было что-то... тёплое и одобрительное.

Однажды, когда Элиара помогала Брану обрабатывать рану молодого солдата, поступившего с восточной заставы, Кайран вошёл и остановился в нескольких шагах. Солдат совсем мальчишка, лет восемнадцати, стонал от боли, орк полоснул его когтями по боку, и рана уже начала темнеть от попавшей в неё скверны.

— Держи его, — скомандовал Бран Элиаре. — Сейчас будет больно.

Она прижала плечи солдата к койке, шепча что-то успокаивающее, слова не имели значения, важен был тон. Бран склонился над раной, пробормотал заклинание, и из его ладоней полился ровный золотистый свет. Солдат вскрикнул, дёрнулся, но Элиара держала крепко.

— Тихо, тихо, — говорила она. — Всё хорошо, ты справишься.

Через несколько минут рана очистилась. Чёрный налёт исчез, края раны порозовели. Бран выпрямился, утирая пот со лба.

— Зашей, — бросил он Элиаре. — Ты это умеешь.

И она зашила, аккуратно, ровно, как учили в московской учебной практике. Солдат, уже успокоенный, смотрел на неё с благодарностью.

— Спасибо, госпожа, — прошептал он.

— Отдыхай, — ответила она. — Через неделю будешь как новенький.

Когда она выпрямилась и отошла от койки, то увидела, что Кайран всё ещё стоит в дверях. Он смотрел на неё и в его золотых глазах было что-то новое, чего она раньше не видела, не просто интерес или оценка.

Уважение?

— Ты хорошо справляешься, — сказал он.

— Я стараюсь.

— Я вижу. — Он помолчал. — Бран сказал, что у тебя талант.

— Бран? — она не поверила своим ушам. — Он мне этого не говорил.

— Он не из тех, кто раздаёт комплименты, но со мной он поделился. — Кайран чуть улыбнулся. — Гордись, это дорогого стоит.

Элиара не нашлась, что ответить. Она просто стояла, чувствуя, как внутри разливается тепло не от похвалы, а от того, что он пришёл, что он заметил и счёл важным сказать ей об этом.

За окнами лазарета садились два солнца, заливая залу золотисто-серебряным светом и в этом свете лицо Кайрана казалось почти мягким, почти человеческим.

Глава 6. Взгляды и ревность

Прошло ещё две недели.

Элиара всё глубже погружалась в работу лазарета. Бран, поначалу относившийся к ней с недоверием, теперь всё чаще оставлял её одну с пациентами. Она научилась различать десятки трав по запаху и вкусу, запомнила основные заклинания очищения от тёмной магии, хотя сама произносить их не могла — только ассистировала, и даже начала вести учётные записи о пациентах, чем заслужила отдельное ворчание Брана: «Бюрократию развела, как в столичном госпитале», но ворчал он беззлобно, Элиара уже научилась различать оттенки его недовольства, и это было, скорее, признанием.

Солдаты, проходившие через лазарет, быстро узнали о «госпоже-попаданке» так её называли за глаза. Весть о девушке из другого мира, которая помогает лекарю и не боится вида крови, разнеслась по гарнизону быстро. Одни относились к ней с любопытством, другие — с подозрением, чужачка, без магии, кто знает, чего от неё ждать, но большинство с искренней благодарностью. Она умела успокоить, умела отвлечь разговором во время болезненных процедур, умела улыбнуться так, что даже самые суровые воины невольно улыбались в ответ и это не осталось незамеченным.

Первый звонок прозвенел в обеденный час. Элиара шла через внутренний двор, возвращаясь из лазарета в свою комнату, нужно было переодеться перед ужином. День был солнечным, оба светила стояли высоко, и в их двойном свете замковые стены отбрасывали причудливые перекрещивающиеся тени. Во дворе тренировались солдаты, звенели мечи, слышались выкрики команд, пахло потом и разогретым на солнце камнем.

— Госпожа Элиара!

Она обернулась, к ней направлялся один из молодых офицеров, тот самый светловолосый лейтенант с серебристой чешуёй на висках, Рейнхарт. Она запомнила его имя после той встречи у библиотеки и старалась избегать, но сейчас бежать было некуда.

— Лейтенант, — она коротко кивнула, надеясь, что разговор будет таким же коротким.

— Вы спешите? — он улыбнулся широко, открыто, но в его серых глазах мелькнуло что-то настойчивое. — Я хотел сказать... вы прекрасно выглядите сегодня. Это платье вам очень идёт.

Элиара мысленно закатила глаза. На ней было то же тёмно-синее платье, что и вчера, и позавчера, так как других у неё пока не было, комплимент был явно дежурным.

— Благодарю, — сказала она сухо. — Если это всё, я пойду.

— Подождите, — он шагнул ближе, сокращая дистанцию. — Я давно хотел спросить... вы не согласитесь прогуляться со мной после ужина? Здесь есть красивое место, старая башня на западной стене. Оттуда открывается потрясающий вид на горы. Особенно на закате.

Элиара сделала шаг назад, восстанавливая расстояние между ними.

— Лейтенант, я польщена, но вынуждена отказаться. Я очень устаю в лазарете и после ужина обычно отдыхаю.

— Тогда, может быть, в другой раз? — он не отступал. — Я могу подстроиться под ваше расписание.

В его голосе звучала настойчивость, которая ей совсем не нравилась. Он явно не привык к отказам, высокий, красивый, молодой дракон-оборотень наверняка пользовался успехом у женщин и её отказ был для него не препятствием, а вызовом.

— Боюсь, что нет, — твёрдо сказала она. — Прошу меня извинить, меня ждут.

И, не дав ему возможности ответить, она быстро пошла прочь. Спиной чувствовала его взгляд долгий, пристальный, и от этого взгляда хотелось передёрнуть плечами.

Вечером она рассказала об этом Ирэн, когда та помогала ей готовиться ко сну, Ирэн выслушала молча, но её лицо стало серьёзным.

— Рейнхарт хороший воин, — сказала она, распуская волосы Элиары. — Но с женщинами он... настойчив. Слишком настойчив. Я слышала, у него была связь с одной из служанок в столице закончилось плохо. Девушку отослали, а ему хоть бы что.

— Он не кажется мне опасным, — заметила Элиара. — Скорее, самоуверенным.

— Самоуверенность дракона — это и есть опасность, — Ирэн покачала головой. — Они привыкли получать то, что хотят. Особенно те, кто молоды и пока не научены смирению, будьте с ним осторожны.

Элиара кивнула, но всерьёз предупреждение не восприняла. В конце концов, она не служанка и не местная женщина, она же гостья генерала. Этого должно быть достаточно, чтобы никто не переступил границу.

Второй звоночек прозвенел через три дня и на этот раз громче.

Кайран пригласил её на ужин в малую столовую. Это было необычно, в последнее время они виделись редко, генерал был занят подготовкой к очередной инспекции границы и пропал в своём кабинете допоздна, но сегодня он сам прислал Ирэн с приглашением.

Когда Элиара вошла, стол уже был накрыт на двоих. Свечи, серебряные приборы, кувшин с вином. Кайран стоял у камина, глядя в огонь, и обернулся при звуке её шагов.

— Ты хотел меня видеть? — спросила она, садясь за стол.

— Да. — Он занял своё место напротив. — Я слышал, ты стала популярна среди моих солдат.

Элиара взяла кусок хлеба, стараясь выглядеть беззаботной.

— Они просто благодарны за помощь, ничего больше.

— Рейнхарт, кажется, особенно благодарен, — заметил Кайран ровным тоном, но в его голосе прозвучала сталь. — Он приглашал тебя на прогулку?

Элиара замерла. Откуда он знает? Неужели за ней следят? Или в замке просто нет секретов?

— Приглашал, — сказала она. — Я отказала.

— Почему?

— Потому что не хочу и потому что мне не нравится, как он смотрит.

— Как он смотрит? — Кайран подался вперёд. Его золотые глаза опасно блеснули в свете свечей.

— Как на добычу, — честно ответила она. — Как будто я трофей, который он хочет заполучить.

В комнате повисла тишина тяжёлая, густая. Кайран молчал, но его пальцы сжали край стола с такой силой, что побелели костяшки. В его глазах разгорался опасный огонь тот самый, что она видела у дракона на поле.

— Я поговорю с ним, — произнёс он наконец.

— Не надо, — быстро сказала Элиара. — Я сама разберусь.

— Это не просьба, — отрезал он. — Ты гостья в моём замке, под моей защитой и если кто-то из моих людей позволяет себе смотреть на тебя как на добычу, это оскорбление не только тебе. Это оскорбление мне.

— Я не твоя собственность, — повторила она свою старую фразу.

Кайран встал, обогнул стол и остановился рядом с ней слишком близко. Она чувствовала жар, исходящий от его тела, чувствовала запах терпкий, мускусный, драконий. Он положил ладонь на спинку её стула, наклоняясь чуть ниже.

— Ты не моя собственность, — согласился он тихо. — Но ты моя ответственность и я не позволю никому заставлять тебя чувствовать себя неловко. Никому!

Их глаза встретились, золотые и янтарные. Между ними повисло напряжение, которое Элиара не могла понять до конца. Это не было похоже на то, что она испытывала к нему раньше благодарность, уважение, даже симпатию. Нет, это было что-то другое, что-то тёмное, жаркое, пугающее.

Она отвела взгляд первой.

— Хорошо, — сказала она. — Как хочешь.

Кайран выпрямился, мгновение и он снова стал прежним: холодный, собранный, непроницаемый.

— Я рад, что мы поняли друг друга, — сказал он. — Приятного аппетита.

Ужин прошёл в молчании.

На следующий день случилось то, что Элиара позже назовёт «третьим звончком».

Она дежурила в лазарете одна, Бран ушёл на склад за новыми накопителями. Пациентов было немного, трое солдат с лёгкими ранениями и один офицер, проходивший курс восстановления после перелома. В лазарете царил полумрак, пахло травами и мазью, в окна лился приглушённый свет облачного дня.

Дверь открылась, и вошёл Рейнхарт.

Она сразу напряглась. Лейтенант был не в мундире, а в простой рубашке, и на боку у него не было оружия, он явно пришёл не по службе. В руках он держал небольшой букетик полевых цветов ярко-синих и белых, с медовым запахом.

— Госпожа Элиара, — он улыбнулся своей неизменной обаятельной улыбкой, но она уже научилась видеть за ней настойчивость. — Я пришёл не как пациент, я пришёл как поклонник.

— Лейтенант, — она выпрямилась, откладывая бинты, которые сворачивала. — Я же сказала, что я не заинтересована.

— Вы даже не дали мне шанса, — он подошёл ближе, протягивая букетик. — Всего одна прогулка, что в этом плохого?

— Ничего, кроме того, что я не хочу.

Он остановился, улыбка дрогнула на мгновение, но достаточно, чтобы Элиара заметила. В его глазах мелькнуло что-то холодное.

— Вы боитесь генерала? — спросил он. — Он вам не муж и не родственник, вы свободная женщина. Или... вы не свободны?

— Это не ваше дело, — отрезала она.

— Значит, свободны — он улыбнулся снова, но теперь в улыбке было что-то жёсткое. — Тогда я не вижу причин для отказа.

Он шагнул к ней, и в этот момент дверь лазарета распахнулась на пороге стоял Кайран.

Он был в полном боевом облачении видимо, только что вернулся с объезда границ. Плащ, забрызганный грязью. Меч на поясе. Лицо мрачнее тучи.

— Лейтенант Рейнхарт, — его голос прозвучал как удар хлыста. — Выйдите.

Рейнхарт замер, его рука с цветами опустилась.

— Генерал, я всего лишь...

— Выйдите вон. — Кайран не повысил голоса, но каждое слово упало, как камень. — И благодарите богов, что я вошёл сейчас, а не минутой позже.

Рейнхарт побледнел, Элиара впервые увидела страх в его глазах животный, инстинктивный страх перед более сильным хищником. Он бросил цветы на пол, коротко поклонился и вышел, едва не задев плечом дверной косяк.

Дверь за ним закрылась, в лазарете повисла тишина.

Кайран посмотрел на цветы, рассыпанные по полу, потом — на Элиару.

— Он прикасался к тебе? — спросил он тихо.

— Нет.

— Он угрожал тебе?

— Нет, он просто... не понимал отказа.

Кайран медленно вдохнул и выдохнул. Она видела, как он пытается взять себя в руки, сжимает и разжимает кулаки, расправляет плечи.

— Я пришло к тебе Ирэн, — сказал он. — Пусть побудет с тобой до вечера, а вечером... я хочу, чтобы ты ужинала со мной в моём кабинете, нам нужно поговорить.

— О чём?

— О правилах, — сказал он. — О том, что можно, а что нельзя в этом замке и о том, почему такие, как Рейнхарт, должны знать своё место.

Он развернулся и вышел, не дожидаясь ответа. Элиара осталась одна среди запаха трав и рассыпанных цветов.

Вечером, сидя в его кабинете перед горящим камином, она смотрела на него и пыталась понять, что движет им на самом деле. Забота? Чувство собственности? Или что-то, о чём он сам ещё не догадывается?

Кайран сидел напротив, вертя в пальцах бокал с вином. Огонь камина отбрасывал тени на его лицо, делая его ещё более резким и суровым.

— В моём замке служат лучшие воины королевства, — начал он. — Они сильны, отважны и преданы, но у них есть... инстинкты. Драконьи инстинкты, когда дракон видит то, что ему нравится, он стремится это получить. Это не оправдание — это констатация факта.

— Я не вещь, — сказала Элиара. — Меня нельзя «получить».

— Я знаю, — кивнул он. — Поэтому я и хочу установить правила. Ты не просто женщина в этом замке, ты неприкосновенна и я хочу, чтобы все это знали.

— Как ты собираешься это сделать?

Кайран поставил бокал на стол.

— Завтра на утреннем построении я объявлю, что ты находишься под моей личной защитой, что любой, кто позволит себе лишнее в твой адрес, будет иметь дело лично со мной.

— Это же... — она запнулась. — Это же сделает меня изгоем, они будут бояться даже смотреть на меня.

— Пусть боятся, — жёстко сказал он. — Лучше страх, чем то, что могло случиться сегодня.

— Ничего бы не случилось, — возразила она. — Я бы справилась.

— Ты бы не справилась, — он подался вперёд. — Ты не понимаешь, Элиара. Рейнхарт — дракон, в нём живёт зверь. Если бы он потерял контроль, ты бы не смогла его остановить, никакие слова, никакие удары, только сила, а у тебя её пока нет.

Элиара замолчала. Она хотела возразить сказать, что он преувеличивает, что она не беспомощна, что в её мире женщины сами за себя постоять могут, но она вспомнила взгляд Рейнхарта — холодный, оценивающий, собственнический и поняла, что Кайран прав.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Делай, как считаешь нужным.

Кайран кивнул, его лицо немного смягчилось.

— Я не хочу тебя пугать, — сказал он. — Я хочу тебя защитить, это разные вещи.

— Я знаю.

Они помолчали, за окнами стемнело, две луны висели в небе, где-то вдалеке прокричал ночной дракон, и его крик эхом разнёсся над горами.

— Почему тебе не всё равно? — спросила она вдруг. — Ты мог бы просто выгнать Рейнхарта и забыть, но ты готов объявить меня под своей защитой перед всем гарнизоном. Это же... это же серьёзно. Это значит, что любой, кто тронет меня, оскорбит тебя лично.

Кайран долго смотрел на неё, в его глазах плясали отблески огня.

— Потому что ты не просто гостя, — сказал он наконец. — Ты... другая. Не такая, как все, кого я встречал раньше. Ты смотришь на меня без страха, ты споришь со мной. Ты не пытаешься мне угодить и при этом ты... заботишься о моих людях. Лечишь их, помогаешь им.

— Он замолчал, подбирая слова. — Ты стала частью этого замка. Частью... моего мира и я не позволю никому тебя обидеть.

Элиара чувствовала, как сердце бьётся быстрее. Она не знала, что ответить.

— Спасибо, — прошептала она.

Он кивнул.

— А теперь иди спать, завтра трудный день. После построения... Рейнхарт будет наказан. Я отправлю его на восточную заставу подальше отсюда. Это послужит уроком для остальных.

— Ты накажешь его? — она нахмурилась. — Но он же ничего не сделал.

— Он сделал достаточно, — отрезал Кайран. — Он посмел прикоснуться к тому, что принадлежит... — он осёкся, не закончив фразу. — К тому, что находится под моей защитой.

Элиара встала, подошла к двери, но на пороге обернулась.

— Доброй ночи, Кайран.

Он чуть улыбнулся — впервые за весь вечер.

— Доброй ночи, Элиара.

Она вышла, прикрыла дверь и прислонилась спиной к холодной каменной стене коридора, сердце колотилось. Мысли путались.

«Ты стала частью моего мира».

Что это было? Признание? Предупреждение? Или что-то, что она пока не готова была назвать?

Она не знала, но одно было ясно их отношения перешли какую-то черту и пути назад уже не было.

Глава 7. Война с орками

Утро началось с тревоги.

Элиара проснулась не от привычного стука Ирэн, а от рёва. Низкий, протяжный звук прокатился над замком, отражаясь от каменных стен, заставляя дрожать стекло в окнах и вибрировать где-то глубоко в груди. Это не было похоже на обычный драконий рёв, в нём звучала ярость, боль и что-то ещё, древнее, первобытное, от чего кровь стыла в жилах. Боевой клич дракона. Она слышала его однажды, когда Кайран улетал на восточные перевалы, но сейчас он звучал иначе ближе, громче, страшнее.

Она вскочила с кровати, даже не успев испугаться. Тело действовало быстрее разума, набросила плащ поверх ночной рубашки, сунула ноги в сапоги и бросилась к окну.

То, что она увидела, заставило её замереть на месте.

Во дворе замка творилось невообразимое. Десятки драконов кружили в небе — золотые, синие, бурые, серебристые, тёмно-зелёные. Их рёв сливался в оглушительный хор, который, казалось, сотрясал сами горы. Огромные крылья рассекали воздух, создавая ветер, который поднимал пыль и заставлял факелы на стенах гаснуть и вспыхивать вновь. Тени драконов металась по каменным плитам двора, перекрещиваясь, сталкиваясь, разлетаясь. В воздухе пахло гарью, озоном — запахом магии и чем-то ещё, тошнотворно-сладким. Тёмная магия... Она узнала этот запах по лазарету, так пахли раны, поражённые скверной.

На земле царил хаос. Солдаты бежали к казармам, на ходу застёгивая доспехи, хватая оружие, выкрикивая команды. Звенела сталь, гремели щиты, ржали кони в дальнем конце двора. Где-то грохнул магический разряд яркая вспышка осветила стены, и вслед за ним донёсся чей-то крик, полный боли. Кто-то тащил носилки. Кто-то, уже раненый, хромал к лазарету, оставляя за собой кровавый след на сером камне.

Дверь в её комнату распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. Ирэн бледная, с растрёпанными волосами, в наспех накинутом переднике поверх ночной сорочки вбежала внутрь. Она тяжело дышала, её глаза были расширены от ужаса, но голос звучал твёрдо.

— Госпожа Элиара! — она схватила её за руку. — Вам нужно в убежище. Сейчас же! Без промедлений!

— Что случилось? — Элиара сжала её ладонь, пытаясь привести в чувство.

— Орки, — выдохнула Ирэн, и одно это слово упало как приговор. — Они прорвались через восточный перевал. Два гарнизона уничтожены полностью — ни один не выжил. Они идут сюда, уже близко. Передовые отряды замечены в десяти лигах от замка. Генерал приказал всем небоеспособным — женщинам, детям, старикам — спуститься в подвалы.

Сердце ухнуло вниз, в какую-то ледяную пустоту. Орки, те самые твари из Пустошей, о которых ей рассказывал Кайран долгими вечерами в библиотеке. Она помнила каждое его слово: «Они не знают ни страха, ни жалости. Они не берут пленных. Они не щадят ни женщин, ни детей. Они просто убивают и идут дальше. Их магия — тёмная, древняя, отравляет раны, и обычные средства против неё бесполезны». Она думала тогда, что это просто рассказы, страшные сказки чужого мира, но сейчас сказка стала реальностью, и эта реальность дышала гарью и кровью.

— Где генерал? — спросила она, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугую узел.

— На стене, — ответила Ирэн, всё ещё пытаясь тянуть её к двери. — Он командует обороной. Идёмте же, госпожа! Нельзя медлить ни минуты!

Но Элиара не двинулась с места, что-то внутри неё, то самое упрямство, которое помогало выжить в детдоме, встало на дыбы.

— Я не пойду в убежище, — сказала она твёрдо, выдернув руку.

Ирэн замерла, глядя на неё с ужасом и недоверием.

— Но генерал приказал...

— Генерал приказал небоеспособным спуститься в подвалы, — перебила Элиара, уже застёгивая платье. Пальцы дрожали, но движения были быстрыми и точными, сказывалась привычка спешить, выработанная годами. — Я не небоеспособная, но я помощница лекаря. Если будет бой, будут раненые, много раненых. Я нужна в лазарете.

Ирэн открыла рот, чтобы возразить, но Элиара не дала ей сказать ни слова.

— Послушай меня, Ирэн. Ты сама говорила, что я стала частью этого замка и частью этого мира, если я сейчас спрячусь в подвале, пока другие умирают, я никогда себе этого не прощу. Я не смогу с этим жить. Понимаешь?

В глазах служанки что-то дрогнуло. Она долго смотрела на Элиару и вдруг расправила плечи, словно сбросив груз страха.

— Тогда я с вами, — сказала она тихо, но твёрдо.

— Что?

— Я вдова воина, госпожа. Мой муж погиб в такой же битве десять лет назад, я не смогла быть рядом с ним тогда и жалею об этом до сих пор. — Её голос дрогнул, но она справилась с собой. — Я умею бинтовать раны, держать светильник, варить настойки. Я не умею сражаться, но я умею помогать, если вы идёте в лазарет, то я иду с вами.

Элиара посмотрела на неё на эту немолодую женщину с усталыми глазами и серебряными нитями в волосах, на вдову, которая десять лет носила в сердце боль потери и теперь готова была снова встретиться с войной лицом к лицу и впервые увидела не просто служанку, не просто добрую женщину, а сильного человека, готового идти до конца.

— Тогда поторопимся, — сказала она. — У нас много работы.

Лазарет уже гудел, как потревоженный улей.

Длинная сводчатая зала, обычно тихая и полупустая, теперь была заполнена людьми. С того момента, как прозвучал сигнал тревоги, прошло не больше получаса, но на койках уже лежали первые раненые — драконы-разведчики, те, кто первым встретил орков на подступах к замку и принял на себя основной удар. Их было пятеро, их доспехи были разорваны в клочья, на теле зияли глубокие рваные раны, такие оставляют оркские когти и чёрный налёт тёмной магии уже расплзался по краям, пульсируя, как живое существо, как гниль, пожирающая плоть.

Бран, старый лекарь, метался между койками, словно загнанный зверь. Его серый балахон был заляпан свежей кровью, седые волосы растрепались, кустистые брови сошлись на переносице, но голос звучал твёрдо, а движения были точны и выверены — сказывались десятилетия военно-полевой практики.

— Быстрее, быстрее! — рычал он на двух молодых санитаров, которые несли носилки. — Этого на третью койку, того на пятую. Осторожно, у него сломано крыло! Если повредите перьевые сумки, он никогда не взлетит!

Увидев Элиару в дверях, он на мгновение замер. Его серые глаза единственное, что осталось острым в старом лице, впелись в неё.

— Элиара! — рявкнул он. — Хорошо, что пришла. Я уж думал, ты отсиживаешься в подвале, как благородная девица, руки мой быстро и сюда, у нас мало времени.

— Что делать? — спросила она, уже закатывая рукава и направляясь к умывальнику. Вода была ледяной, но она даже не заметила.

— Чистые бинты — в том шкафу, третий ящик, — начал перечислять Бран. — Горячая вода — Ирэн! — он заметил служанку и кивнул. — Хорошо, вдвоём справитесь. Разжигайте очаг, кипятите воду, много воды. Настойка серебряного корня на верхней полке, синий пузырёк. Она замедляет распространение тёмной магии, но не убирает её совсем и готовьтесь к худшему. Если орки прорвутся за стены, раненых будет в десять раз больше. Молитесь богам, чтобы не прорвались.

Ирэн, не дожидаясь дальнейших указаний, уже разжигала большой очаг в углу лазарета. Её руки двигались споро, привычно она делала это тысячи раз. В огромный котёл полетели пучки сушёных трав, и скоро по зале поплыл горьковатый, очищающий запах.

Элиара бросилась помогать Брану.

Первый раненый молодой синий дракон, почти мальчишка, с разорванным крылом и глубокой раной на груди был без сознания. Его лицо, покрытое испариной и грязью, было бледным, как полотно. Дышал он тяжело, с хрипом, и при каждом выдохе из раны на груди вырывался тонкий чёрный дымок.

Бран склонился над ним, положил ладони на рану и зашептал заклинание низкое, гортанное, на древнем языке, которого Элиара не понимала. Из его рук полился золотистый свет, но слабый, прерывистый, дрожащий. Накопители, висевшие у него на поясе в специальном футляре, были уже почти пусты она видела, как кристаллы внутри них мерцают тусклым, умирающим светом.

— Проклятье, — прошипел Бран сквозь зубы. — Заряда не хватает. Те, что я заказал, должны были привезти на следующей неделе, а старые уже на исходе. Придётся работать руками.

— Что я могу сделать? — спросила Элиара, уже понимая ответ.

— Иглу, нить, серебряный корень и будем шить.

Она подала ему хирургическую иглу — тонкую, изогнутую, сделанную из полированной драконьей кости. Бран работал быстро, умело, но без магии процесс был долгим и мучительным. Каждый стежок отзывался стоном раненого, каждый узел, новой волной боли. Элиара держала солдата за плечи, прижимая его к койке, и шептала что-то успокаивающее. Слова не имели значения, важен был тон, ритм, ощущение, что кто-то рядом.

— Тихо, тихо, — говорила она. — Ты справишься, ты сильный, ты дракон, а драконы не сдаются.

Ирэн стояла рядом, держа светильник. Её лицо было бледным, но руки не дрожали.

— Он выживет? — спросила она тихо.

— Выживет, — отрезал Бран, не оборачиваясь. — Если я что-то понимаю в ранениях, но летать будет не скоро. Крыло сложная конструкция, его не заштопаешь как рубаху.

Так прошёл час, потом второй, потом третий.

За окнами ревели драконы. Этот звук стал постоянным то ближе, то дальше, он накачивал волнами и отступал, как прибор. Слышались крики человеческие и нечеловеческие, звон металла, глухие удары, от которых дрожала земля. Где-то грохнул магический разряд, да так, что с потолка посыпалась каменная крошка. Где-то закричали разом несколько голосов и замолкли. Где-то там, за стенами замка, шёл бой, но в лазарете было не до этого.

Они работали без остановки. Бран оперировал, вправлял кости, сшивал сухожилия, очищал раны от скверны, исчерпывая остатки магических накопителей. Элиара ассистировала, подавала инструменты, держала раненых, накладывала повязки. Она уже не считала, сколько их прошло через её руки. Десять? Пятнадцать? Лица сливались в одно молодые и старые, испуганные и решительные, все в крови, грязи и чёрной копоти. Ирэн подавала инструменты и кипятила бинты. Таз с водой давно стал красным, и его приходилось менять снова и снова. Воздух в лазарете стал густым от запаха крови, пота, трав и тёмной магии тошнотворного, сладковатого, как гниющие цветы.

В какой-то момент Элиара не знала, который был час, потому что время потеряло смысл, двери лазарета распахнулись, и четверо солдат внесли носилки. На них лежал офицер в изорванном мундире. Светлые волосы слиплись от крови, на висках — серебряная чешуя.

Рейнхарт...

— Кладите сюда, — скомандовал Бран, указывая на ближайшую свободную койку. — Элиара, займись им.

— Я? — она опешила.

— Ты умеешь очищать раны от тёмной магии? — резко спросил Бран.

— Нет, я не маг...

— Тогда просто делай, что умеешь. Промой рану, останови кровь, наложи повязку. Я подойду, когда закончу с этим.

И он отвернулся к другому пациенту...

Элиара склонилась над Рейнхартом. Его левая рука была разорвана от плеча до локтя страшная, рваная рана, в которой виднелась кость. Чёрный налёт тёмной магии уже расплзался по краям, пульсируя, как живой.

— Госпожа... — прохрипел он. — Простите меня. За всё.

— Молчи, — сказала она. — Береги силы.

Она начала работать, промыла рану. Обработала серебряным корнем, чёрный налёт зашипел, но не исчез. Наложил давящую повязку. Руки дрожали от усталости, в голове шумело, но она справлялась и вдруг Рейнхарт закричал.

Это был не обычный крик боли, а душераздирающий, животный вопль. Его тело выгнулось дугой на койке. Из раны хлынула кровь тёмная, почти чёрная, смешанная с гноем и скверной. Чёрный налёт пополз вверх, к плечу, к шее, оставляя за собой мертвенно-бледную, холодную кожу.

— Тёмная магия пошла вглубь! — крикнул Бран, бросаясь к ней. — Она почти добралась до сердца! Держи его!

Элиара навалилась на плечи Рейнхарта, но он уже бился в конвульсиях. Его глаза закатились, изо рта пошла пена. Чёрные вены запульсировали на шее, поднимаясь к лицу.

— Я не могу его удержать! — крикнула она.

Бран положил руки на грудь Рейнхарта, зашептал заклинание. Золотистый свет полился с его ладоней, но слабый, прерывистый. Накопители были пусты...

— Проклятье! — выдохнул он. — Заряда не хватает! Я ничем не могу...

— Он умирает! — голос Элиары сорвался на крик. — Сделай что-нибудь!

— Я не могу! — рявкнул Бран. — Без магии тёмную скверну из сердца не вытянуть! Ему нужен целитель с полным накопителем, а у меня...

Он не договорил...

Элиара смотрела на умирающего Рейнхарта, на его бледное лицо, искажённое болью. На чёрные вены, подбирающиеся к сердцу. На кровь, которая толчками выплёскивалась из раны, заливая её руки.

Она вспомнила Москву, медицинский и свою мечту — лечить людей, спасать жизни, помогать. Она столько раз представляла, как станет врачом, как будет стоять у операционного стола и возвращать людей с того света и вот он — её шанс, но она ничего не может сделать. Абсолютно ничего...

В этот момент что-то внутри неё сломалось. Это не было осознанным решением. Это не было заклинанием, которому её учили. Это был инстинкт — глубокий, первобытный, рождённый отчаянием. Она положила ладони на грудь Рейнхарта, прямо туда, где под рёбрами, уже затухая, билось его сердце, и закричала. Не слова, а просто крик. Крик беспомощности, ярости и отчаянного желания спасти.

— Ну давай же! — кричала она, сама не понимая, к кому обращается. — Я не для того сюда попала! Не для того выжила! Не для того училась! Я не дам ему умереть! Не дам! Слышишь?!

И вдруг...

Тепло...

Оно зародилось где-то в груди сначала слабое, как уголёк, на который дунули, а потом разгорелось, хлынуло в плечи, в руки, в ладони. Её пальцы засветились, сначала бледно, едва заметно, потом ярче, сильнее, ослепительнее.

Золотой свет...

Он полился из её ладоней ровный, тёплый, живой. Он был не похож на тот, что исходил от рук Брана, тот был магическим, холодноватым, заёмным от кристаллов. Этот был другим, настоящим, её собственным.

Свет хлынул в грудь Рейнхарта и чёрный налёт зашипел, запузырился, начал отступать. Чёрные вены на шее побледнели, сжались, исчезли. Кровь остановилась, края раны начали стягиваться медленно, но верно.

Элиара не могла оторвать рук. Она чувствовала, как сила течёт сквозь неё мощная, древняя, незнакомая. Она не знала, откуда она берётся. Не знала, как ею управлять. Она просто позволяла ей течь.

— Боги... — прошептал Бран за её спиной.

Рейнхарт перестал биться в конвульсиях, его дыхание выровнялось, лицо порозовело. Рана на руке затянулась не до конца, но достаточно, чтобы исчезла угроза жизни.

Элиара отняла руки, свет погас и она рухнула на колени.

В лазарете стояла мёртвая тишина. Все, кто был в сознании, смотрели на неё. Бран, застывший с открытым ртом. Ирэн, прижимающая ладони к губам. Раненые, приподнявшиеся на локтях. Все молчали.

Элиара смотрела на свои руки. Они всё ещё слабо светились по коже пробегали золотистые искры. Она чувствовала себя опустошённой, как будто из неё выкачали всю кровь, но одновременно странно наполненной. Как будто она наконец обрела что-то, что искала всю жизнь.

— Целительница, — прошептал Бран. Его голос дрожал. — Ты — целительница. Настоящая!

— Этого не может быть, — выдохнула она. — Я не маг и не из мира без магии...

— Значит, магия была в тебе всегда, — медленно произнёс Бран. — Просто спала и ждала своего часа. Ждала момента, когда ты будешь готова.

Элиара опустила взгляд на Рейнхарта. Он спал мирно, спокойно, как ребёнок. Его грудь мерно вздымалась. Лицо было бледным, но живым, она спасла его.

Она спасла его!!!

Из её груди вырвался смех нервный, срывающийся, граничащий с рыданием. По щекам потекли слёзы. Она смеялась и плакала одновременно, стоя на коленях посреди лазарета, и не могла остановиться.

Ирэн первой пришла в себя. Она подбежала, опустилась рядом, обняла её за плечи.

— Тихо, тихо, госпожа, — зашептала она. — Всё хорошо, вы справились, вы спасли его.

— Я не знала, — прошептала Элиара сквозь слёзы. — Я не знала, что могу...

— Теперь знаете, — сказал Бран. Он подошёл и протянул ей кружку воды. Его голос звучал непривычно мягко. — Выпей. Тебе нужно восстановить силы то, что ты сделала, это чудо. Я видел много целителей за свою жизнь, но такого... такого не видел никогда.

— Я не целитель, — сказала она, принимая кружку. — Я просто...

— Ты — целительница, — перебил Бран твёрдо. — И не просто целительница, ты та, кого не было в этом мире уже много веков. Ты генерируешь магию сама, без накопителей и источников. Ты сама живой источник. Понимаешь, что это значит?

Элиара покачала головой.

— Это значит, что ты можешь лечить кого угодно от чего угодно, — сказал Бран. — Без ограничений. Твоя сила не кончается — она восстанавливается. Ты можешь спасти тех,

кого не спас бы ни один обычный целитель и это... — он замолчал, подбирая слова. — Это величайший дар, который я когда-либо видел.

В лазарете повисла тишина. Элиара смотрела на свои руки, всё ещё слабо светящиеся золотыми искрами. Она пришла в этот мир никем — сиротой, попаданкой, бесполезным ртом, а теперь...

Теперь она была целительницей.

Когда последний раненый был обработан, а солнце село за горы, Элиара сидела на ступенях лазарета, прислонившись спиной к стене, сил не было ни на что. Платье было безнадежно испорчено, руки дрожали от усталости, но внутри неё горел тихий, ровный свет. Тот самый свет, который она открыла в себе.

Ирэн принесла ей кружку воды и кусок хлеба.

— Вы молодец, госпожа, — сказала она тихо. — Я горжусь вами.

В этот момент во дворе замка приземлился дракон. Огромный, чёрный, с обсидиановой чешуёй. Его крылья были порваны, на боку зияла глубокая рана, но он был жив.

Кайран...

Она вскочила, дракон трансформировался и вот он уже стоял на каменных плитах. Мундир разорван, лицо в крови, в руке меч.

Их глаза встретились.

— Ты жива, — сказал он.

— Ты тоже, — ответила она.

— Я же приказал тебе идти в убежище.

— Я ослушалась.

Он шагнул ближе.

— Ты невозможная женщина — сказал он. — Ты хоть понимаешь, что могла погибнуть?

— Понимаю, — ответила она. — Но я нужна была здесь.

И она рассказала ему о Рейнхарте. О том, как тёмная магия пошла к сердцу. О том, как она положила руки ему на грудь и закричала. О золотом свете, который хлынул из её ладоней. О чуде, которое она сотворила, сама того не ожидая.

Кайран слушал молча. Его лицо было непроницаемым, но глаза... Глаза выдавали его, в них читалось потрясение, неверие и — гордость.

— Ты — целительница, — произнёс он медленно. — Таких не было веками.

— Бран сказал то же самое.

— Бран прав. — Он шагнул ещё ближе. — Ты понимаешь, что это значит? Твой дар... он бесценен. Ты можешь спасти тех, кого никто не спас бы.

— Я просто хотела помочь, — сказала она.

— Ты не просто помогла. Ты открыла в себе силу, которая меняет всё. — Он помолчал. — Ты удивительная, Элиара. Я таких не встречал.

Она не ответила. Просто смотрела на него, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— Завтра, — сказал он. — Завтра мы поговорим, а сейчас иди отдыхать.

— У тебя рана, — сказала она. — Дай мне осмотреть её.

— Завтра.

— Кайран...

— Завтра, Элиара. Я обещаю.

Он ушёл, а она осталась стоять на ступенях лазарета, глядя ему вслед. Две луны — белая и голубая — висели над горами, а внутри неё горел тихий золотой свет.

Она была целительницей и она только начинала понимать, что это значит.

Глава 8. Возвращение

Пять дней...

Пять бесконечно долгих дней, наполненных ожиданием, страхом и работой на износ.

После того страшного боя, когда орки отступили от стен замка, потеряв убитыми несколько сотен, Кайран принял решение не ждать нового нападения, а ударить первыми. Добить отступающего врага, пока он не перегруппировался, не подтянул резервы из Пустошей. Это было рискованно уводить основные силы из замка, оставляя его почти беззащитным, но Кайран был генералом, а генералы не ждут, пока враг постучится в дверь, генералы выходят навстречу.

Элиара помнила то утро...

Серое, холодное, с низкими тучами, затянувшими небо до самого горизонта. Два солнца едва пробивались сквозь пелену, отбрасывая на землю бледный, негреющий свет. Ветер гнал по двору сухие листья и пыль, завывал в башнях, словно предупреждая о чём-то.

Она стояла на крепостной стене и смотрела, как драконы собираются в небе. Их были десятки золотые, синие, бурые, серебристые, тёмно-зелёные. Они выстраивались боевыми клиньями, и их крылья создавали ветер, который заставлял факелы на стенах гаснуть и вспыхивать вновь. Земля дрожала от их рёва, а впереди всех, как всегда, был он. Огромный чёрный дракон с обсидиановой чешуёй, сверкающей даже в этом тусклом свете Кайран. Генерал! Он парил выше всех, и его боевой клич разносился над горами, отражаясь от скал и возвращаясь многократным эхом.

Элиара стояла на стене, вцепившись пальцами в холодный камень, и смотрела. Смотрела, пока последний дракон не скрылся за горизонтом. Смотрела, пока ветер не стих и тишина не опустилась на замок, как саван.

— Возвращайся, — прошептала она в пустоту. — Пожалуйста, возвращайся.

Ирэн, стоявшая рядом, молча накинула ей на плечи тёплый плащ.

— Он вернётся, госпожа, — сказала она тихо. — Он всегда возвращается.

— Откуда ты знаешь? — спросила Элиара, не оборачиваясь.

— Потому что он — Вэйдар, — просто ответила Ирэн. — А Вэйдары не сдаются ни-ко-гда.

Замок без генерала жил странной, притихшей жизнью. Гарнизон, оставленный для обороны, был невелик в основном молодые солдаты, ещё не нюхавшие пороха, да ветераны, уже не годные для дальних походов. Они несли караул на стенах, тренировались во дворе, но без обычного шума и гама. Даже драконы, оставшиеся в стойлах, вели себя тихо, словно чувствовали отсутствие вожака.

Элиара работала. Это было единственное, что спасало её от мыслей.

Лазарет после битвы всё ещё был заполнен ранеными. Те, кто пострадал в первом бою, ещё не успели восстановиться, их раны заживали медленно, особенно те, что были поражены тёмной магией. Бран трудился без отдыха, и Элиара была рядом с ним с утра до ночи.

Её дар раскрывался с каждым днём всё больше.

После того первого раза, когда она исцелила Рейнхарта, золотой свет стал приходить легче. Она училась управлять им, направлять, дозировать, сочетать с обычными медицинскими процедурами. Бран, сам того не замечая, стал её наставником не только в лекарском деле, но и в магии, насколько это было возможно. Он объяснял, как чувствовать течение силы, как не истощить себя, как распознавать разные виды ран и болезней.

— Ты генерируешь магию сама, — говорил он, показывая ей сложную схему энергетических потоков в теле дракона-оборотня. — Понимаешь, что это значит? Обычные целители они как колодцы, у них есть запас, но он бесконечен. Они могут исчерпать себя, леча других,

а ты — как источник. Твоя сила восстанавливается, ты не можешь исчерпать себя до конца, если будешь делать перерывы. Это величайший дар, который только может быть у целителя, но береги своё тело, оно тоже устаёт.

— Но почему я? — спрашивала она. — Почему именно у меня этот дар?

— Этого я не знаю, — честно отвечал Бран. — Может быть, потому что ты из другого мира. Может быть, потому что ты прошла через смерть и вернулась, а может быть, просто потому что так решили боги, но одно я знаю точно таких, как ты, не было уже много веков. Последняя целительница с автогенерацией жила при дворе короля Ардена, и это было триста лет назад о ней слагали легенды. Говорили, что она могла воскрешать мёртвых, но это, конечно, сказки.

— Конечно, — эхом отозвалась Элиара, хотя где-то в глубине души уже не была уверена, что в этом мире есть невозможное.

Она лечила солдат. Тех, кто пострадал в первом бою, и тех, кого привозили с границы мелкие стычки с орками продолжались, пусть и не такие масштабные. Она вправляла кости, сшивала раны, очищала тёмную скверну. Солдаты смотрели на неё с благоговением. Некоторые, самые суеверные, шептали «Благословенная». Другие пытались поцеловать её руку, но она отдёргивала её, смущаясь и краснея. Третьи просто молча улыбались, встречая её взгляд, и в их глазах читалась такая благодарность, что у неё перехватывало дыхание.

Рейнхарт поправлялся. Его рука, которую она спасла, заживала хорошо, шрам останется, но подвижность вернётся полностью. Он больше не смотрел на неё наглым, собственническим взглядом. Когда она меняла ему повязки, он отводил глаза и говорил только по делу. Однажды, когда она уже собиралась уходить, он поймал её за руку.

— Госпожа Элиара, — сказал он тихо. — Я был дураком, самонадеянным, глупым дураком. Вы спасли мне жизнь, хотя я вёл себя как последний мерзавец. Я этого не забуду никогда.

— Забудьте, — ответила она, мягко высвобождая руку. — И будьте впредь умнее.

Он кивнул и с тех пор держался от неё на расстоянии.

Ночами было хуже всего.

Днём работа отвлекала кровь, раны, инструменты, бесконечные указания Брана, но ночью, когда замок затихал и в комнате слышалось только потрескивание дров в камине, мысли возвращались. Она лежала в огромной кровати, смотрела в каменный потолок и думала.

Где он сейчас? Жив ли? Не ранен ли? Не лежит ли где-нибудь в горах, истекая кровью, без помощи, без надежды?

Она вспоминала его лицо. Резкие черты, золотые глаза, тонкие губы, которые так редко улыбались. Вспоминала, как он смотрел на неё сначала оценивающе, потом с интересом, потом... с чем-то большим. Вспоминала его голос: «Ты удивительная. Я таких не встречал» и каждый раз, вспоминая это, она чувствовала, как сердце сжимается.

Что это? Благодарность? Симпатия? Или что-то большее, чему она боялась дать имя?

Она не знала, но одно знала точно, что она не хочет его потерять.

На третий день она спросила у Ирэн:

— А что, если он не вернётся?

Ирэн, убиравшая в комнате, замерла и повернулась к ней.

— Не говорите так, госпожа.

— Но я должна быть готова к любому исходу.

Ирэн долго смотрела на неё. Потом подошла, села рядом и взяла её за руку.

— Я потеряла мужа десять лет назад — сказала она тихо. — В такой же битве, он ушёл и не вернулся. Я ждала его месяц, два, три. Надеялась, что он ранен, что он в плену, что он просто не может добраться до дома, но он погиб. Мне сообщили только через полгода, его тело нашли в горах, под завалом.

Элиара молчала, потрясённая.

— Я думала, что не переживу, — продолжала Ирэн. — Что моя жизнь кончена, но генерал тогда ещё молодой капитан, взял меня в замок. Дал работу, крышу, цель. Он не дал мне сломаться и я знаю, что если бы мой муж мог выбирать, он бы хотел, чтобы я жила дальше. — Она сжала руку Элиары. — Поэтому не думайте о плохом, госпожа, думайте о хорошем и ждите. Ожидание — это тоже сила.

Элиара кивнула, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Спасибо, Ирэн, — прошептала она.

Ирэн улыбнулась — печально, но тепло.

— Вы сильная, госпожа. Вы пережили смерть, новый мир, войну. Вы переживёте и это, а генерал... он вернётся. Вот увидите.

На пятый день она стояла на крепостной стене.

Ветер трепал её волосы, она снова собрала их в небрежный пучок, как когда-то в Москве. Плащ, подаренный Ирэн, хлопал на ветру, но холода она не чувствовала. Внутри неё горел тихий, ровный огонь тот самый, что она открыла в себе и сейчас он был единственным, что согревало её.

Дозорные на башнях заметили движение на горизонте ещё час назад, с тех пор весь замок замер в ожидании. Солдаты высыпали на стены, вглядываясь вдаль. Слуги бросили работу и собрались во дворе. Даже Бран вышел из лазарета — впервые за пять дней, — и стоял у дверей, щурясь на свет и вот теперь на горизонте появились точки.

Маленькие, едва различимые. Они росли, приближались, обретали очертания и наконец она смогла их различить.

Драконы!

Десятки драконов возвращались домой.

Они летели неровным строем не так, как улетали пять дней назад. Тогда их крылья рассекали небо ровными клиньями, а боевой рёв сотрясал горы. Теперь они летели тяжело, медленно, с трудом удерживая высоту. У некоторых были порваны крылья, она видела дыры в перепонках даже с такого расстояния. У других раны на теле, тёмные пятна запёкшейся крови на чешуе. Один дракон летел, заметно припадая на левое крыло. Другого поддерживали двое товарищей, не давая рухнуть вниз.

Их было меньше, чем улетало.

Элиара считала, она не хотела считать, но не могла остановиться. Десять. Пятнадцать. Двадцать. Двадцать пять. Тридцать. А улетало сорок. Где остальные? Погибли в горах? Остались лежать на поле боя, и никто не смог забрать их тела?

Где же он?

И вдруг она увидела, огромный чёрный дракон, возглавлявший строй. Он летел первым как и всегда, как подобает генералу. Его чешуя сверкала на солнце, но даже с такого расстояния Элиара видела, что он ранен. Левое крыло было разорвано в нескольких местах, она видела дыры в перепонках, сквозь которые просвечивало небо. На боку темнела глубокая рана, и кровь, стекавшая по чешуе, оставляла за ним тёмный след в воздухе. Он летел с трудом, но гордо высоко поднимая голову, расправив плечи. Он не позволял себе упасть. Не позволял себе показать слабость. Генерал! Вожак! Дракон!

— Он вернулся, — прошептала она и почувствовала, как из глаз хлынули слёзы.

Она не знала, когда начала плакать. Просто вдруг поняла, что по щекам текут горячие дорожки, а губы дрожат. Она утёрла их рукавом грубо, по-детски, но они текли снова и снова.

— Конечно, вернулся, — тихо сказала Ирэн, и в её голосе тоже слышались слёзы. — Я же говорила, Вэйдары не сдаются.

— Всегда? — переспросила Элиара.

— Всегда, — Ирэн помолчала, глядя на приближающихся драконов. — Пока есть к кому возвращаться.

Элиара не ответила. Она смотрела, как драконы один за другим опускаются во дворе замка тяжело, устало. Их трансформации были медленными, болезненными. Некоторые, коснувшись земли, не могли удержаться на ногах и падали на каменные плиты. К ним уже бежали лекари с носилками, санитары с бинтами. Бран раздавал приказы, его резкий голос перекрывал шум. Из лазарета выносили дополнительные койки, кипятили воду, готовили инструменты. Во дворе царил организованный хаос — страшный, кровавый, но привычный.

Элиара бежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Плащ слетел с плеч, но она даже не заметила. Она не думала о том, как это выглядит. Она не думала о том, что скажут солдаты. Ей было всё равно, она просто бежала к нему.

Последним приземлился Кайран...

Огромный чёрный дракон коснулся каменных плит с глухим стуком, от которого дрогнула земля под ногами. Его лапы подогнулись, и на мгновение ей показалось, что он сейчас рухнет или завалится на бок, не в силах больше держаться. Сердце ухнуло вниз, но он удержался и выпрямился. Трансформировался — медленно, явно через боль и вот он уже стоял на ногах в своём человеческом облике.

Мундир висел клочьями. Лицо было в крови и грязи своей и чужой. В правой руке он сжимал меч, с которого капала чёрная оркская кровь. Левое плечо было рассечено глубокой раной, из которой сочилась кровь. Он хромал, правая нога явно была повреждена, но старался держаться прямо. Генерал, даже сейчас, на грани падения, он оставался генералом.

Их глаза встретились через весь двор.

Он пошёл к ней. Медленно, тяжело, прихрамывая — каждый шаг давался ему с видимым трудом, но он шёл. Солдаты расступались перед ним. Кто-то кланялся, кто-то пытался помочь, он отмахивался. Он шёл к ней, и весь мир вокруг перестал существовать. Не было шума, не было криков, не было крови. Только он и она.

— Ты вернулся, — выдохнула она, останавливаясь в шаге от него.

— Я же обещал, — ответил он. Голос был хриплым, надтреснутым, но в нём звучало облегчение.

— Ты ранен, — она шагнула ближе, разглядывая его плечо. Рана была глубокой, с равными краями три параллельных следа, как от когтей огромного зверя. По краям уже расплзался чёрный налёт, пульсируя, как живой, тёмная магия. — Дай мне помочь.

— Я в порядке, — сказал он, но его голос прозвучал глухо, и она видела, как он побледнел.

— Ты не в порядке! — её голос зазвенел. — У тебя тёмная магия в ране! Если её не очистить, она пойдёт вглубь, к сердцу! Ты знаешь это лучше меня!

Кайран хотел возразить, но в этот момент его качнуло. Он пошатнулся, и она, не думая, подхватила его — подставила плечо, обхватила за талию. Он был тяжёлым, горячим, от него пахло кровью и гарью, и её собственное тело едва не подломилось под его весом, но она удержала. Удержала!

— Пойдём в лазарет, — сказала она твёрдо. — Без возражений.

И он, к её удивлению, не стал возражать.

Лазарет был забит до отказа.

Раненые лежали на койках, на носилках, просто на полу на плащах и одеялах. Их было больше, чем пять дней назад и это были только те, кого успели принести. Бран сбивался с ног, пытаясь помочь всем одновременно. Его серый балахон был заляпан свежей кровью поверх старых пятен. Воздух стал густым от запаха крови, пота, трав и тёмной магии.

Когда Элиара ввела Кайрана в залу, на мгновение наступила тишина.

Раненые поворачивали головы. Те, кто мог, приподнимались на локтях. Генерал, их генерал. Живой! Он шёл через лазарет, опираясь на плечо хрупкой девушки, и его золотые глаза обводили ряды раненых. Он видел их всех, тех, кто выжил и тех, кто уже не встанет.

— Генерал Вэйдар, — Бран подошёл быстро, оценивающе оглядел рану на плече. — Тёмная магия, глубокая. Вам нужно на койку, сейчас же.

— У тебя полно других раненых, — начал Кайран, но Бран отрезал:

— Вы мой генерал и вы нужны этому замку живым. Ложитесь без разговоров.

Элиара помогла ему дойти до свободной койки в дальнем углу лазарета. Кайран сел тяжело, устало и она впервые увидела его не как генерала, не как дракона, а как просто человека. Уставшего, израненного, но всё ещё гордого. Его плечи были опущены, дыхание тяжёлым, прерывистым. Он потерял много крови.

— Дай мне осмотреть рану, — сказала она.

Он кивнул коротко, сдержанно. Она осторожно стянула остатки мундира с его плеча. Ткань прилипла к ране, пропиталась кровью. Рана была страшной три параллельных следа, как от когтей огромного зверя, разорвавших кожу и мышцы до самой кости. Чёрный налёт уже начал расползаться по краям, и его маслянистые щупальца тянулись к шее. Ещё немного и скверна добралась бы до сердца.

— Орк-вожак — пояснил Кайран, заметив её взгляд. — Они крупнее обычных и их когти пропитаны самой сильной тёмной магией. Я убил его, но он успел...

— Молчи, — сказала она. — Береги силы.

Она положила ладони на его плечо туда, где рана была глубже всего, закрыла глаза, сосредоточилась и впервые за эти пять дней в ней не было страха. Только решимость.

Тепло пришло быстрее, чем в прошлый раз. Как будто её дар уже знал дорогу, как будто он рвался наружу, истосковавшись по работе. Золотой свет заструился из ладоней, проникая в рану, окутывая чёрный налёт. Тёмная магия зашипела, запузырилась, начала отступать. Это было похоже на борьбу древнюю, яростную, но свет побеждал. Он выжигал скверну, очищал кровь, стягивал края раны.

Кайран не отрывал от неё глаз.

Он чувствовал, как боль уходит. Чувствовал, как тепло разливается по телу не только в месте раны, но и глубже, где-то в груди, где сидел холодный ком, который он носил в себе много лет и это было... странно. Он привык к боли. Он привык справляться сам, а сейчас кто-то другой брал его боль на себя и это было непривычно, почти пугающе и одновременно удивительно приятно.

Элиара открыла глаза, рана затянулась не до конца, чёрный налёт исчез полностью. Края раны порозовели, и только тонкий серебристый шрам остался на коже.

— Готово, — сказала она, убирая руки. — Теперь ты в порядке. Почти...

Кайран смотрел на неё долго, молча... В его золотых глазах горел огонь тот самый, что она видела на поле в первый день, но теперь к нему примешивалось что-то новое. Тёплое. Удивлённое. Благодарное.

— Ты действительно целительница, — произнёс он. — Настоящая.

— Я знаю, — она чуть улыбнулась. — Ты уже говорил.

— Но я не понимал, — он покачал головой. — Я думал, это просто дар, просто магия, но это... — он коснулся своего плеча, где только что зияла рана, а теперь был лишь тонкий шрам. — Это чудо, ты — чудо.

Элиара не нашлась, что ответить. Она просто стояла рядом, чувствуя, как от его слов внутри разливается тепло такое же золотое, как её дар.

— Ты спасла меня, — сказал он тихо. — Не только сейчас, там, в бою... когда было тяжело, когда казалось, что всё кончено... я думал о тебе. Думал, что должен вернуться, что обещал тебе «завтра» и это дало мне силы.

— Я ждала, — прошептала она. — Каждый день и каждую ночь.

— Я знаю, — он взял её за руку, его ладонь была тёплой, шершавой, в мозолях от меча. — Я чувствовал это. Чувствовал, что ты ждёшь и это был мой якорь.

Их глаза встретились, в лазарете стоял шум, стоны раненых, голоса санитаров, звон инструментов, тяжёлые шаги, но они не слышали ничего. Только биение собственных сердец.

— Останься, — сказал Кайран. — Не сейчас, вообще. Останься в замке, в моей жизни, рядом со мной.

Элиара замерла. Это не было признанием в любви. Это не было предложением руки и сердца, но это было важнее. Это было обещанием. Обещанием, что она не одна. Что он хочет, чтобы она была рядом.

— Хорошо, — сказала она, и её голос дрогнул. — Я останусь.

Кайран улыбнулся, впервые за долгое время по-настоящему. Устало, но искренне и она улыбнулась в ответ.

Вокруг них кипела жизнь. Бран оперировал очередного раненого, выкрикивая команды. Ирэн поила водой тех, кто не мог пить сам. Солдаты, те, что были в сознании, переговаривались вполголоса, обсуждая битву. Кто-то плакал по погибшим товарищам, кто-то молился. Лазарет жил своей обычной, тяжёлой жизнью, но для них двоих время остановилось.

— Отдыхай, — сказала она, высвобождая руку. — Завтра у тебя будет много дел. Нужно подсчитать потери, отправить донесение королю, организовать похороны...

— Завтра, — согласился он, откидываясь на подушку. — Всё завтра, а сегодня... просто побудь рядом.

Она села на край койки, он закрыл глаза. Его дыхание выровнялось, стало глубоким и ровным. Через несколько минут он заснул, впервые за пять дней по-настоящему, без снов, без кошмаров.

Элиара сидела рядом, держа его за руку, и смотрела на его лицо расслабленное, почти беззащитное во сне. Она думала о том, как странно повернулась её жизнь. Детдом... Москва... Пряная булочка... Девочка в красном платье... Удар машины... Чужой мир... Дракон... И вот теперь она здесь целительница, спасительница, женщина, которую генерал просит остаться.

— Я останусь, — прошептала она, глядя на него. — Обещаю.

За окнами лазарета садились два солнца, заливая залу золотисто-серебряным светом и в этом свете всё казалось возможным, даже счастье.

Глава 9. Исцеление генерала

Утро после возвращения отряда выдалось хмурым. Низкие тучи затянули небо, скрыв оба солнца, и мелкий дождь моросил над замком, превращая пыль во дворе в грязь. Природа словно скорбила вместе с людьми о погибших, о раненых, о тех, кто уже никогда не поднимется в небо.

Элиара почти не спала, она провела ночь в лазарете не потому, что её заставили, а потому, что не могла уйти. Раненых было слишком много, а рук слишком мало. Бран работал до глубокой ночи, пока не начал валиться с ног, и тогда она буквально силой отправила его отдыхать. Старый лекарь сопротивлялся, ворчал, но в конце концов сдался — слишком устал, чтобы спорить и Элиара осталась одна. Она проверила каждого раненого. Тем, у кого были лёгкие повреждения, меняла повязки и поила обезболивающим отваром. Тем, у кого раны были серьёзные, отдавала свой дар понемногу, экономя силы. К утру самые тяжёлые пациенты спали спокойным сном. Их раны затянулись, жар спал, дыхание выровнялось.

Но один пациент не давал ей покоя... Кайран... Она помнила как он спал на койке, пока она работала, просто отключился от усталости, а потом она отвлеклась на ещё одного раненого и когда она вернулась — его койка была пуста, смятые простыни, следы крови на подушке и никого.

Он ушёл тихо, незаметно, пока она была занята лечением других, никому ничего не сказал, просто встал и ушёл и сейчас, когда рассвет уже серел за окнами, она решила его найти. Нужно было проверить, как заживает рана, не осталось ли следов скверны, не поднялся ли жар. Она была целительницей и он был её пациентом. По крайней мере, именно это она говорила себе, поднимаясь по винтовой лестнице в западную башню.

Кабинет генерала находился на верхнем этаже. Она остановилась перед массивной дубовой дверью с вырезанным гербом — дракон с мечом в когтях, из-под двери пробивался свет, она постучала.

Ответа не было...

Она постучала ещё раз громче, тишина. Может, он спит? Или опять игнорирует всех, кто пытается о нём позаботиться? Она толкнула дверь и вошла.

Кабинет тонул в полумраке. Единственный источник света — догорающий камин, который отбрасывал пляшущие тени на стены, обитые тёмными деревянными панелями. Письменный стол был завален картами и свитками. Книжные шкафы уходили к самому потолку. В углу стоял массивный глобус, изображающий этот мир. В воздухе пахло дымом, вином и чем-то ещё, тем самым терпким, мускусным запахом, который она узнала бы из тысячи.

Кайран сидел в глубоком кресле у камина. Он был без мундира, только простая рубашка, расстёгнутая у ворота. В одной руке он держал бокал с тёмным вином. Его длинные чёрные волосы были распущены и падали на плечи, голова чуть опущена. Он не спал, она видела, как поблёскивают в темноте его золотые глаза, но и не бодрствовал в полном смысле слова. Скорее, был где-то между, в том состоянии, когда боль и усталость притупляют всё.

На столике рядом с ним стоял наполовину пустой графин. Судя по всему, он пил не первый час.

— Кайран, — позвала она тихо.

Он поднял голову, в его глазах мелькнуло удивление, которое тут же сменилось привычной непроницаемостью.

— Ты должна быть в лазарете, — сказал он. Голос был глухим, хриплым.

— Я была там всю ночь. — Она шагнула ближе. — А ты тихо ушёл, пока я лечила других.

Он отвёл взгляд.

— Тебе нужно было заниматься ранеными солдатами, они важнее.

— Я и занималась, а теперь я здесь, чтобы проверить твоё плечо.

— Со мной всё в порядке, ты вчера меня вылечила.

— Я вчера тебя подлатала наспех, — возразила она. — Я даже не уверена, что вытянула всю скверну. Дай мне посмотреть.

Он колебался мгновение, потом поставил бокал на столик и медленно стянул рубашку с левого плеча.

Элиара подошла ближе. В свете камина она увидела его плечо, рана затянулась, но не до конца. Края были розовыми, чуть припухшими. Тонкий серебристый шрам уже формировался на коже, но под ним она чувствовала остаточное тепло воспаления. Её вчерашнего исцеления хватило, чтобы убраться угрозу, но не чтобы залечить полностью.

— Я так и думала, — сказала она. — Нужно ещё немного.

Она положила ладони на его плечо, закрыла глаза, тепло пришло сразу мягкое, послушное. Золотой свет заструился из пальцев, проникая в ткани, успокаивая воспаление, стягивая края раны. Это заняло всего несколько секунд, в этот раз не было ни скверны, ни глубоких повреждений, только остаточная боль.

— Вот теперь всё, — сказала она, убирая руки. — Шрам останется, но плечо будет как новое.

Кайран коснулся пальцами того места, где только что была рана, кожа была гладкой, тёплой.

— Ты действительно целительница, — произнёс он. — Я вчера не до конца осознал, был слишком измотан, но сейчас... — он покачал головой. — Я видел, как Бран работает. Он хорош, но даже ему нужны накопители, а ты делаешь это сама.

— Бран говорил, таких как я, не было веками — сказала она, опускаясь в кресло напротив, ноги гудели после бессонной ночи.

— И это не случайность — Кайран потянулся к графину, налил вина в чистый бокал и протянул ей. — Выпей, ты выглядишь так, будто сейчас упадёшь.

Она взяла бокал, сделала глоток. Вино было терпким, густым, согревающим.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Твой дар уникален. — Он откинулся в кресле, взял свой бокал. — Ты можешь лечить без накопителей. Без ограничений. Ты можешь исцелять тёмную магию то, на что у обычных целителей уходят дни и полные кристаллы, но ты должна знать, эта сила делает тебя не только ценной. Она делает тебя мишенью.

Элиара напряглась...

— Мишенью для кого?

— Для тех, кто боится твоей силы. — Он подался вперёд, его глаза стали серьёзными. — Орки черпают мощь из тёмной магии, их шаманы, их вожаки — всё построено на скверне. Целитель, способный очищать скверну без ограничений, для них опаснее целой армии, но не только орки. Есть и другие — тёмные маги, лорды, которые используют скверну в своих целях. Даже некоторые драконы. — Он помолчал. — Твой дар для них как свет для ночных тварей, они захотят тебя уничтожить или использовать.

Элиара смотрела на свои руки те самые, из которых только что лился золотой свет. Ещё вчера она думала, что её дар — это чудо, благословение, а теперь оказывалось, что это ещё и проклятие.

— Почему ты рассказываешь мне это сейчас? — спросила она.

— Потому что ты должна быть готова. — Он встал, подошёл к каминной полке и взял небольшой предмет. Это был кулон на тонкой серебряной цепочке, прозрачный кристалл в форме капли, внутри которого, казалось, горела крошечная искра. — Вот. Это амулет-накопитель, он может впитать в себя твою магию и хранить её. Если ты когда-нибудь окажешься в

ситуации, когда твой дар будет заблокирован или подавлен, этот амулет даст тебе силы, носи его всегда.

Она взяла кулон, кристалл был тёплым на ощупь, живым, пульсирующим в такт её сердцу. Она надела цепочку на шею, и амулет лёг в ложбинку между ключицами, словно всегда там был.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не благодари. Это меньшее, что я могу сделать. — Он вернулся в кресло. — Я обещал защищать тебя и я буду, но ты должна понимать, от чего именно я тебя защищаю.

Они помолчали, в камине потрескивали дрова. За окнами занимался хмурый рассвет, и свет двух солнц, пока ещё бледный, негреющий пробивался сквозь тучи.

Элиара допила вино и поставила бокал на столик. Усталость наваливалась на плечи, веки тяжелели. Ей нужно было поспать хотя бы пару часов перед тем, как вернуться в лазарет.

— Я пойду, — сказала она, поднимаясь с кресла. — Тебе тоже нужно отдохнуть и больше не сбегай из лазарета.

Он чуть усмехнулся...

— Постараюсь.

И в этот момент его рука сомкнулась на её запястье.

Движение было быстрым, неожиданным. Он не дал ей уйти, его пальцы — горячие, сильные — держали крепко, но не грубо.

— Кайран? — её голос дрогнул.

Он потянул её на себя, она потеряла равновесие и упала прямо к нему на колени. Ахнула, попыталась подняться, но его руки уже обхватили её талию, удерживая на месте. Их лица оказались близко, слишком близко. Она чувствовала его дыхание, чувствовала жар, исходящий от его тела, видела, как в его золотых глазах пляшут отблески огня.

— Что ты делаешь?.. — начала она, но он не дал ей договорить.

Он наклонился и накрыл её губы своими, поцелуй был жадным, требовательным совсем не таким, каким она его представляла. Она вообще никогда не представляла, каким будет её первый поцелуй. В детдоме было не до романтики, в медицинском не до мужчин. Она думала, что это будет нежно, медленно, осторожно, но это было иначе.

Его губы были горячими и твёрдыми. От него пахло вином, дымом и тем самым мускусным, драконьим запахом. Одна его рука держала её за талию, другая скользнула вверх по спине и запуталась в волосах. Он целовал её так, словно хотел выпить всю без остатка и на мгновение она ответила.

Её тело отреагировало раньше, чем разум. Губы приоткрылись, дыхание сбилось. Она почувствовала, как внутри разливается странное, незнакомое тепло не от дара, другое. Жаркое, пульсирующее, пугающее, а потом — страх.

Она никогда не была с мужчиной, никогда не целовалась. Никогда не чувствовала ничего подобного и сейчас, в его объятиях, она вдруг осознала, что она не знает, что делать, не знает, как быть. Всё это слишком быстро, слишком сильно, слишком неожиданно.

Она вырвалась...

Резко, сильно, оттолкнув его обеими руками. Вскочила с его колен, попятилась к двери, её щёки горели огнём, губы дрожали. Дыхание было рваным, как после долгого бега.

— Элиара... — он поднялся, сделал шаг к ней.

— Не надо! — её голос прозвенел, как надтреснутый колокол. — Я... я не могу, прости.

Она развернулась и выбежала из кабинета, хлопнула дверь. Её шаги застучали по каменной лестнице быстрые, неровные, отчаянные. Она бежала через коридоры, через двор, пока не оказалась в своей комнате. Захлопнула дверь, прижалась к ней спиной и медленно сползла на пол.

Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвёт грудную клетку, губы всё ещё горели. В теле дрожало что-то незнакомое.

Она поднесла пальцы к губам и закрыла глаза. Поцелуй всё ещё ощущался как отпечаток, как ожог и она не знала, хочет ли она его забыть или запомнить навсегда.

В кабинете Кайран стоял у камина, глядя на догорающие угли. Его плечо больше не болело, Элиара исцелила его полностью, но внутри, где-то глубоко в груди, что-то ныло.

Он думал о ней. О том, как она ответила на поцелуй на одно короткое мгновение, прежде чем страх взял верх. О том, как её янтарные глаза расширились от неожиданности. О том, как она вырвалась и убежала.

«Я напугал её» — подумал он.

Но внутри, под слоем вины, росло что-то другое. Решимость. Азарт. Желание.

Она была невинна, он понял это сразу. Невинна во всём в прикосновениях, в поцелуях, в чувствах. Никто не касался её до него, никто не целовал и это делало её ещё более... желанной.

Он налил себе ещё вина, поднёс бокал к губам.

Она ему нравилась, не просто как целительница с уникальным даром, который пригодится в войне. Она нравилась ему сама по себе её упрямство, её смелость, её нежелание прогибаться. Её глаза цвета тёмного янтаря, которые смотрели на него без страха. Её руки, которые умели исцелять и утешать, и её дар — уникальный, бесценный, был дополнительным преимуществом. С такой женщиной он станет не просто генералом, он станет непобедимым.

Драконицы? Они наскучат, они всегда наскучивали. Они были красивы, опытные, доступны, но они были пусты, а эта женщина, попавшая в его мир из другого, была полна — полна жизни, силы, тайн. Она была вызовом и он этот вызов примет.

— Я добыю тебя, Элиара, — прошептал он в темноту. — Ты будешь моей во всех смыслах.

Глава 10. Игра в сближение

Прошла неделя после той ночи в кабинете Кайрана.

Неделя, наполненная странной, напряжённой тишиной. После того поцелуя Элиара старалась держаться от него подальше. Она всё так же работала в лазарете, Бран уже не представлял, как справлялся без неё, но ужины в малой столовой под благовидными предложениями пропускала. Ссылалась на усталость, на неотложные дела, на раненых, которым требовалась помощь. Ирэн приносила ей еду в комнату, и Элиара ела в одиночестве, глядя в окно на горы и прокручивая в голове одни и те же мысли.

Кайран, казалось, понял её молчаливый сигнал. Он не искал встреч, не присылал записок, не появлялся в лазарете без крайней необходимости, но она чувствовала его присутствие повсюду в замке, в воздухе, в случайных взглядах, которые они бросали друг на друга через двор. В том, как солдаты, завидев её, вытягивались по стойке смирно и кланялись чуть ниже, чем раньше. В том, как слуги, повинувшись неслышному приказу, ставили на её стол свежие цветы. В том, как Ирэн каждое утро приносила ей новую порцию целебных трав — «генерал велел, чтобы у вас всё было для работы».

Она не знала, что делать с тем, что произошло. Поцелуй всё ещё горел на губах. Она вспоминала его по ночам против воли, против разума, и каждый раз сердце начинало колотиться быстрее, а щёки вспыхивали румянцем, но вместе с волнением приходил страх. Страх перед неизвестностью. Перед тем, чего она не понимала. Перед ним и перед собой — той собой, которая на мгновение ответила на поцелуй и ещё она злилась. На него за то, что поставил её в такое положение, не спросив, готова ли она. На себя за то, что не смогла остаться равнодушной, на всё вместе, но сегодня избежать встречи не получилось.

— Госпожа Элиара! — Ирэн вошла в её комнату утром, сияя как начищенный медный таз. Её глаза блестели от радости, а в голосе звенело торжество. — Портниха приехала! Наконец-то!

— Портниха? — Элиара оторвалась от книги, которую пыталась читать, сидя в кресле у окна. — Та самая, которую генерал вызывал ещё в первые недели?

— Да-да! Мадам Изабелла! — Ирэн всплеснула руками. — Она должна была приехать больше трёх недель назад, но вы же знаете, что творилось. Сначала размыло дороги после осенних дождей, горные тропы превратились в реки грязи. Потом её задержали в столице, срочный королевский заказ, а мадам Изабелла обшивает весь двор, сам король Дарион носит её мантии! Она прислала письмо с тысячей извинений, и генерал велел ждать, а потом началась эта проклятая война с орками, и все караваны встали, никто не рисковал ехать через перевалы, где рыскали отряды тварей.

— Но сейчас она здесь, — сказала Элиара. — Как она добралась?

— Генерал отправил за ней эскорт! — Ирэн уже тянула её за руку, не в силах сдерживать возбуждение. — Представляете? Шестерых драконов из личной гвардии! Они встретили её у восточной заставы и сопроводили через горы. Мадам Изабелла рассказывала, что сначала отказывалась лететь, сказала, что скорее умрёт, чем поднимется в воздух на драконе, но генерал был непреклонен. Передал через гвардейцев, что либо она летит, либо возвращается в столицу без заказа, а мадам Изабелла — женщина гордая и своё дело любит. Сказала, что раз уж обещала генералу Вэйдару платя, она их сошьёт, даже если ради этого придётся оседлать дракона.

Элиара невольно улыбнулась, представив дородную столичную портниху верхом на драконе, вцепившуюся в чешую и читающую молитвы всем богам сразу.

— Идёмте же! — Ирэн уже распахивала дверь. — Она ждёт вас в малой гостиной и скажу вам по секрету, она привезла такие ткани, каких я в жизни не видела!

Малая гостиная, уютная комната с большими стрельчатыми окнами и светлыми стенами, которую редко использовали, сегодня преобразилась. Она превратилась в швейную мастерскую. Повсюду были разложены рулоны тканей всех мыслимых оттенков глубокий синий, как вечернее небо над горами, изумрудный, как лес после дождя; тёмно-бордовый, как выдержанное вино; серебристо-серый, как первый снег. Отдельно лежали кружева тончайшие, похожие на паутину, сплетённую искусными пауками. Рядом высилась груда образцов вышивки, серебряные и золотые нити, мелкий речной жемчуг, крошечные кристаллы, которые мягко светились в полумраке.

Мадам Изабелла оказалась именно такой, какой Элиара её представляла по рассказам Ирэн, немолодая дородная женщина с властным лицом, острым подбородком и цепким взглядом серых глаз, которые, казалось, видели всё насквозь. Одетая она была в тёмно-фиолетовое платье безупречного кроя видимо, образец собственной работы, на шее нитка крупного жемчуга, на пальцах несколько серебряных колец. Волосы, тронутые сединой, убраны в высокую причёску. Держалась она с достоинством королевы, посетившей провинцию.

С ней были две помощницы молоденькие девушки в простых серых платьях, которые распаковывали рулоны и раскладывали образцы, повинувшись коротким, отрывистым командам.

— Так-так, — мадам Изабелла обошла Элиару по кругу, оценивая разглядывая её фигуру. Она двигалась медленно, величественно, как корабль входит в гавань. — Невысокая, худощавая, но пропорции хорошие. Очень хорошие. Талия узкая, плечи изящные. Рост... — она что-то черкнула в маленькой книжечке в кожаном переплёте. — Прошу прощения за задержку, госпожа. Эти варварские дороги, эта ужасная война... Но я дала слово генералу Вэйдару, а Изабелла из дома Мартель всегда держит слово.

— Ничего страшного, — ответила Элиара, чувствуя себя немного неловко под этим изучающим взглядом. — Я понимаю.

— Генерал прислал подробные указания, — продолжила портниха, перелистывая книжечку. — Очень подробные, я даже удивилась, обычно мужчины не интересуются такими вещами, но генерал Вэйдар... он исключение. — Она подняла глаза на Элиару, и в них мелькнуло что-то похожее на любопытство. — Шесть платьев, два повседневных, два для ужинов, одно для торжественных приёмов и одно... — она сделала паузу, — для особого случая. Он не уточнил, какого именно, но по цветам и тканям, которые он выбрал, я могу предположить, что это платье должно быть... особенным.

— Особенным? — переспросила Элиара.

— Изумрудный шёлк, — сказала мадам Изабелла, доставая из вороха тканей роскошный отрез. Ткань переливалась в свете, как драконья чешуя. — Серебряная вышивка должна будет идти по подолу и лифу, кружево ручной работы и вот это... — она достала маленький бархатный мешочек, из которого высыпала на ладонь горсть крошечных прозрачных камней, светящихся изнутри. — Лунные камни, редкость даже для столицы, генерал прислал их отдельно. Сказал, чтобы я использовала их для вашего платья.

Элиара потянулась и взяла один из камней. Он был тёплым на ощупь и пульсировал, как живой.

— Это безумие, — прошептала она. — Зачем ему это?

Мадам Изабелла посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом.

— Дитя моё, — сказала она тихо, почти ласково, — я обшиваю королевский двор уже тридцать лет. Я шила платья для королей, принцесс и фавориток и я знаю, что когда мужчина заказывает для женщины платье с лунными камнями и изумрудным шёлком это не просто забота. Это заявление. — Она помолчала. — Какой цвет предпочитаете вы сами?

Элиара растерялась, она никогда не выбирала платья. В детдоме носила казённую форму — серые юбки и белые блузки, одинаковые для всех. В Москве — джинсы, свитера, кроссовки. В замке — перешитые обноски, которые были удобны, но не более.

— Я... я не знаю, — призналась она. — Я никогда не выбирала платья.

Мадам Изабелла прищурилась.

— Никогда?

— Я выросла в детском доме, — сказала Элиара. Ей вдруг захотелось быть честной с этой женщиной. — Там не было портних и позже, когда я стала жить одна, я носила то, что было удобно, а не то, что красиво. У меня никогда не было... такого.

Впервые за всё время лицо портнихи смягчилось. Исчезла властность, исчез оценивающий холод. Она посмотрела на Элиару уже не как на заказчицу, а как на человека, даже, может быть, как на дочь.

— Тогда доверьтесь мне, дитя, — сказала она, и её голос прозвучал тепло. — Я сделаю вас прекрасной, у вас редкая внешность, глаза цвета тёмного янтаря, русые волосы с золотистым отливом. Такие глаза встречаются раз в поколение. Вам пойдут глубокие, насыщенные оттенки изумрудный, тёмно-синий, бордовый. Никаких пастельных тонов, они убьют вашу яркость и серебро, обязательно серебро — оно подчеркнёт вашу кожу, сделает её светящейся.

Следующие два часа прошли как в тумане. Элиару мерили, крутили, прикладывали ткани, закалывали булавками. Она стояла на небольшом возвышении, как манекен, и терпела. Ирэн сидела в углу на стуле и восхищённо ахала при каждом новом отрезе ткани. Мадам Изабелла командовала помощницами, делала пометки в своей книжечке и время от времени бросала загадочные фразы вроде «это подчеркнёт линию плеч» или «здесь нужно больше вышивки, обязательно серебром».

Элиара чувствовала себя персонажем какой-то сказки той, что рассказывали в детдоме перед сном. Сказки о бедной девушке, которую вдруг окружили роскошью и заботой. Только она не была уверена, что у этой сказки будет счастливый конец.

Когда всё закончилось, мадам Изабелла захлопнула книжечку.

— Первые платья будут готовы через три дня, остальные через неделю. Примерка послезавтра, в это же время. — Она строго посмотрела на Элиару. — И не вздумайте худеть или поправляться за эти дни, платья должны сесть идеально.

— Я не собираюсь, — ответила Элиара.

— И передайте генералу, что я жду оплату, он знает мои условия. За срочность и за риск — двойной тариф и за дракона, на котором мне пришлось лететь, отдельная надбавка.

Она удалилась вместе со своими помощницами, оставив после себя облако цветочных духов и ворох образцов тканей на всех поверхностях.

Элиара стояла посреди комнаты, всё ещё не до конца понимая, что произошло. Пальцы всё ещё сжимали лунный камень, она забыла положить его обратно.

— Шесть платьев, — прошептала она. — Лунные камни, изумрудный шёлк. Зачем ему это?

— Потому что вы ему небезразличны, — тихо сказала Ирэн, подходя ближе.

Элиара резко обернулась.

— Что?

Ирэн спокойно встретила её взгляд, её лицо было мягким, но в глазах читалась многолетняя мудрость — мудрость женщины, которая пережила многое и научилась видеть то, что скрыто от других.

— Я служу в этом замке пятнадцать лет, госпожа. Я знаю генерала, я видела его в бою, в гнев, в минуты отчаяния после тяжёлых поражений. Я видела, как к нему приезжало множество женщин красивые, знатные, из лучших семей королевства и не только, но я никогда, ни разу, не видела, чтобы он заказывал для кого-то платья у столичных портних. Чтобы он посылал гвардейцев сопровождать портниху через опасные перевалы. Чтобы он выбирал лунные камни и изумрудный шёлк.

— Он просто... — начала Элиара, но Ирэн не дала ей договорить.

— Нет, госпожа. Не «просто». — Она взяла Элиару за руку. — Вы для него не просто гостя. Вы для него — нечто большее и он хочет, чтобы вы это знали. Может быть, даже раньше, чем вы сами будете готовы это принять.

Элиара ничего не ответила, но где-то глубоко внутри она знала, что Ирэн права и от этого было ещё страшнее.

Вечером того же дня, когда Элиара всё-таки вышла к ужину не потому, что хотела его видеть, а потому, что Ирэн категорически отказалась нести ей поднос, заявив, что «госпоже нужно выходить к людям, а не прятаться в комнате как затворница», она заметила новую деталь.

На столе в малой столовой стояла маленькая ваза с полевыми цветами. Точно такими же, какие росли на том самом поле, где она впервые увидела дракона. Синие и белые, с медовым запахом, они были собраны в простой глиняный кувшин без вычурности, но с явной заботой.

— Это тебе, — сказал Кайран, входя следом за ней.

Она обернулась, он стоял в дверях в тёмно-сером мундире, с волосами, собранными в хвост. На его лице не было привычной суровости только спокойное, внимательное выражение и в его золотых глазах она увидела что-то, что заставило её сердце сжаться.

— Знаю, ты полюбила эти цветы, — продолжил он. — Ты говорила, что они росли на том поле, где ты меня впервые увидела, я запомнил.

Элиара замерла, он помнил. Она упомянула об этом однажды, недели назад, вскользь о том, как вышла на поле после леса и на мгновение забыла о страхе, потому что цветы были такими красивыми, такими неожиданными среди всего этого ужаса. Она тогда не придавала значения своим словам, просто поделилась воспоминанием, не думая, что кто-то запомнит, а он запомнил.

— Спасибо, — сказала она, и её голос прозвучал мягче, чем она хотела.

Ужин прошёл в странной, напряжённой, но не неприятной атмосфере. Кайран, против обыкновения, был почти обходителем. Он не давил, не спрашивал, почему она избегала его всю неделю. Не упоминал тот поцелуй и не пытался остаться с ней наедине или как-то форсировать события. Он просто разговаривал с ней о погоде, о новостях из столицы, о том, как идёт восстановление замка после битвы, о том, что Бран хвалит её успехи в целительстве и это было ещё хуже. Если бы он был прежним властным, требовательным, напористым, она знала бы, как реагировать держать дистанцию, спорить, защищаться, но эта новая, почти нежная забота выбивала почву из-под ног. Она не умела защищаться от доброты. Этому её не учили ни в детдоме, ни в медицинском, ни в этом суровом мире.

— Я слышал, портниха наконец добралась, — сказал он, наливая ей травяного отвара.

— Да, шесть платьев. Это слишком много, я не просила.

— Я знаю, — он посмотрел ей прямо в глаза, и от этого взгляда у неё перехватило дыхание. — Именно поэтому я и сделал это сам, ты никогда ничего не просишь, Элиара. Ты привыкла всё делать сама, ни на кого не рассчитывать, но ты больше не в том мире, где ты одна. Здесь есть я и я хочу, чтобы у тебя было всё, чего ты заслуживаешь.

Она не нашлась, что ответить, просто опустила глаза и сделала глоток отвара.

Следующие несколько дней продолжалась эта странная игра.

Кайран не пытался снова её поцеловать, не пытался остаться с ней наедине и не позволял себе ничего лишнего, но он делал другое то, что действовало на неё гораздо сильнее, чем любые слова или жесты.

Он появлялся в лазарете якобы проверить раненых, и каждый раз находил повод задержаться рядом с ней. То спрашивал совета по лечению какого-нибудь солдата: «У него не спадает жар уже третий день — что ты думаешь?» То просил помочь с отчётом для короля ему нужны были точные данные о числе выздоровевших, а Бран со своей вечной занятостью вечно путал цифры, то просто стоял в дверях, скрестив руки на груди, и смотрел, как она работает

меняет повязки, готовит настойки, успокаивает раненых и в его взгляде читалось что-то, от чего ей становилось тепло и тревожно одновременно.

Однажды он принёс ей книгу, старинный фолиант в потёртом кожаном переплёте, с пожелтевшими от времени страницами.

— Трактат по целительству, — сказал он, кладя книгу на стол в лазарете. — На древнем языке, здесь есть пометки на полях, их делали первые маги-целители много веков назад. Я подумал, тебе будет интересно.

Элиара открыла книгу. Страницы были хрупкими, как осенние листья, почерк на полях мелкий, изящный, пояснял сложные заклинания простыми словами. Она пробежала глазами несколько строк и поняла, что не может оторваться.

— Где ты это взял? — спросила она, уже погружаясь в чтение.

— В секретной замковой библиотеке, она огромна, ты даже не представляешь, там есть секции, куда никто не заходил десятилетиями. Я провёл там несколько часов, пока не нашёл это. — Он помолчал. — Я знаю, что ты любишь читать.

И снова не требование, не приказ, не попытка купить её расположение, просто жест, просто внимание и забота.

Она просидела над книгой полночи, делая заметки на отдельном листе не хотела портить древний манускрипт и заснула только под утро, уронив голову на страницы.

В другой раз он принёс ей тёплый плащ длинный, до пят, подбитый серебристым мехом какого-то северного зверя. На воротах сверкала застёжка в виде дракона с расправленными крыльями.

— Зима близко, — сказал он просто. — У тебя нет тёплой одежды, а в горах бывает очень холодно.

— Спасибо, — ответила она, принимая подарок. Пальцы коснулись меха, он был невероятно мягким, пушистым, и от него пахло чем-то свежим, как от первого снега. — Но я могла бы попросить Ирэн...

— Я хотел сам, — перебил он.

И вышел, не дожидаясь ответа.

Через три дня прибыли первые платья...

Ирэн помогла Элиаре надеть одно из них повседневное, тёмно-синее, с серебряной вышивкой по вороту и рукавам. Ткань была мягкой, струящейся и при движении переливалась в свете камина, как вода в горном озере. Вышивка тончайшая, ручная изображала переплетающиеся травы и цветы, и каждый стежок был произведением искусства.

— Вы прекрасны, госпожа, — выдохнула Ирэн, отступая на шаг.

Элиара подошла к зеркалу высокому, в резной деревянной раме. Из отражения на неё смотрела незнакомка. Та же девушка с русыми волосами и янтарными глазами — но теперь она выглядела иначе. Платье подчёркивало талию, делало её выше и изящнее. Серебряная вышивка оттеняла цвет глаз, и они казались почти золотыми. Она больше не выглядела как попаданка, которая носит чужие обноски. Она выглядела как леди и где-то глубоко внутри она поняла, что Кайран добивается своего. Он не ломится в закрытую дверь, не требует и не приказывает, а тихо, терпеливо, неотвратимо просачивается в её жизнь, в её мысли и её сердце.

Вечером того же дня, проходя через двор после очередной примерки, она увидела его. Кайран стоял у конюшен вернее, у арок, разговаривая с тремя офицерами. Он что-то объяснял, указывая на карту, развёрнутую на каменном парапете. Солнце садилось за горы, заливая двор золотисто-серебряным светом, и в этом свете его фигура казалась высеченной из тёмного камня.

Когда он заметил её, он замолчал на полуслове. Его глаза золотые, с вертикальным зрачком скользнули по её фигуре, по новому платью, по волосам, которые Ирэн уложила в сложную причёску, перевив серебряной лентой. Его взгляд задержался на её лице дольше, чем поз-

воляли приличия, он ничего не сказал. Не сделал ни шага, но его взгляд сказал всё больше, чем любые слова.

Элиара почувствовала, как краска заливает щёки. Она быстро отвернулась и пошла прочь, делая вид, что спешит в лазарет, но сердце стучало так громко, что, казалось, его слышно на всю крепость.

Игра продолжалась и она уже не знала, кто в ней побеждает — он, который терпеливо и неумолимо разрушал её защитные стены, или она, которая из последних сил пыталась эти стены удержать, но одно она знала точно долго она не продержится.

Глава 11. Запрет и наказание

Прошло ещё три дня...

Элиара больше не избегала ужинов в малой столовой. Это не было осознанным решением скорее, естественным ходом вещей. Кайран не давил, не требовал, не пытался снова её поцеловать. Он просто был рядом — спокойный, внимательный, почти заботливый и эта забота действовала на неё сильнее, чем любые пылкие признания.

Она ловила себя на том, что ждёт этих ужинов. Ждёт его голоса, его коротких, точных вопросов, его редких улыбок. Ждёт, когда он появится в дверях лазарета якобы проверить раненых, а на самом деле, она уже знала, чтобы увидеть её. Он никогда не говорил этого прямо, но она чувствовала и это пугало её больше всего. Она не хотела привязываться, не хотела зависеть от кого-то, она слишком хорошо знала, чем это заканчивается. В её мире, в детдоме, привязанность означала боль. Означала, что тебя могут бросить в любой момент. Означала уязвимость, а она поклялась себе давным-давно никогда больше не быть уязвимой, но Кайран, кажется, не собирался спрашивать её разрешения.

В то утро Элиара работала в лазарете, помогая Брану с осмотром выздоравливающих. Солдаты, которых она лечила после битвы, уже почти все встали на ноги. Рейнхарт, тот самый лейтенант, что когда-то смотрел на неё с наглым собственничеством, теперь при встрече отводил глаза и кланялся особенно низко. Он больше не заговаривал с ней, не делал комплиментов. Только однажды, когда она меняла ему повязку на уже почти зажившей руке, он тихо сказал:

— Я ваш должник, госпожа, до конца жизни.

— Ты ничего мне не должен, — ответила она. — Просто будь осторожнее в следующий раз.

— Я не о ране, — он покачал головой. — Я о том, как вёл себя раньше. Вы спасли мне жизнь, а я... — он запнулся. — Я недостойн был вашей помощи.

Элиара не нашлась, что ответить. Она просто закончила перевязку и отошла к следующему пациенту.

После полудня она вышла во двор, нужно было проветриться. В лазарете было душно, пахло травами и мазями, и ей хотелось вдохнуть свежего воздуха. Она шла через внутренний двор, направляясь к крепостной стене, откуда открывался вид на горы, когда её окликнули.

— Госпожа Элиара!

Она обернулась, к ней направлялся молодой солдат, тот самый, что одним из первых попал в лазарет после битвы. Она помнила его, синий дракон, почти мальчишка, с разорванным крылом. Он провёл на койке почти неделю, и она каждый день меняла ему повязки. Теперь он был здоров румяный, улыбающийся, с ясными глазами.

— Госпожа, — он подошёл ближе, и она заметила, что он держит что-то за спиной. — Я хотел... вот.

Он протянул ей букет.

Небольшой, скромный, собранный явно вручную. Полевые цветы те самые, что росли на лугу за стенами замка. Синие колокольчики, белые ромашки, жёлтые лютики. Они были перевязаны простой бечёвкой, и от них пахло мёдом и солнцем.

— Это вам, — сказал он, и его щёки покраснели. — За то, что вы меня вылечили. За то, что сидели со мной, когда мне было больно. Я... я никогда этого не забуду.

Элиара растерялась. Она не привыкла к таким жестам, тем более от мужчин. В её мире ей никто не дарил цветов. В детдоме не дарили, как и после...

— Спасибо, — сказала она, принимая букет. — Это очень мило с твоей стороны, но не стоило...

— Стоило! — горячо перебил он. — Вы столько для нас сделали, для всех. Мы с ребятами говорили, вы как ангел. Ангел-целительница.

Он улыбнулся — широко, открыто, по-детски и в этот момент Элиара почувствовала чей-то взгляд, тяжёлый, прожигающий. Она подняла голову и увидела Кайрана.

Он стоял на другом конце двора, у входа в казармы. На нём был тёмно-серый мундир, волосы собраны в хвост. Он не двигался, просто стоял и смотрел и его глаза... она никогда не видела их такими, они горели. В прямом смысле расплавленное золото, с расширенными вертикальными зрачками. Дракон внутри него рвался наружу.

Элиара почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Тебе лучше идти, — сказала она солдату, стараясь говорить спокойно.

— Но я...

— Иди, — повторила она твёрже. — Пожалуйста.

Солдат, кажется, тоже почувствовал что-то неладное. Он обернулся, увидел генерала, побледнел и быстро зашагал прочь, почти бегом.

Элиара осталась одна посреди двора, букет дрожал в её пальцах, Кайран медленно пошёл к ней.

Каждый его шаг был тяжёлым, чеканным, как будто он сдерживал себя из последних сил. Солдаты, тренировавшиеся во дворе, замерли. Офицеры, стоявшие у казарм, замолчали. Все смотрели на генерала и на хрупкую девушку с цветами в руках.

Он остановился в шаге от неё.

— Откуда это? — спросил он. Голос был тихим, но в нём звенела сталь.

— Солдат подарил, — ответила она, стараясь говорить ровно. — В благодарность за лечение.

— В благодарность, — повторил он. — И поэтому он смотрел на тебя так?

— Как «так»?

— Как смотрят на женщину, которую хотят.

Элиара вспыхнула.

— Он просто был вежлив! Он ребёнок почти...

— Он мужчина, — перебил Кайран. — И он смотрел на тебя как мужчина. — Он протянул руку. — Дай сюда.

— Что?

— Букет, дай его мне.

Она не двинулась, тогда он сам вырвал букет из её рук не грубо, но твёрдо и швырнул на землю. Цветы рассыпались по каменным плитам — синие лепестки, белые головки, жёлтые тычинки и он наступил на них, растоптал. Медленно, методично, глядя ей прямо в глаза.

— Кайран! — она ахнула. — Что ты делаешь?!

— То, что должен был сделать давно, — ответил он. — Обозначить границы.

Он повернулся к солдатам, застывшим во дворе. Его голос разнёсся над замком, как раскат грома:

— Слушайте меня все! Эта женщина находится под моей личной защитой. Любой, кто приблизится к ней без моего разрешения, будет иметь дело со мной. Любой, кто посмеет подарить ей цветы, заговорить с ней неподобающим образом или посмотреть на неё так, как я только что видел, будет наказан. Понятно?

Тишина... Солдаты стояли, опустив головы, никто не смел даже дышать.

— Я спросил: понятно?!

— Да, генерал! — хором ответили несколько голосов.

Кайран развернулся к Элиаре.

— А ты — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она, — больше не принимай подарки от других мужчин. Ты моя гостья. И я не потерплю...

— Я не твоя собственность! — её голос зазвенел. — Ты не имеешь права...

— Имею, — перебил он. — Я генерал этого замка. Всё, что находится в его стенах, под моей защитой и под моей властью. Включая тебя.

— Я не вещь!

— Нет, — согласился он неожиданно. — Ты не вещь. Поэтому я и не могу позволить кому-то относиться к тебе как к трофею. — Он шагнул ближе. — Ты даже не понимаешь, Элиара. Эти мужчины — драконы, в них живёт зверь. Если я сейчас не покажу им границы, завтра кто-нибудь решит, что может взять тебя силой и тогда мне придётся его убить. Ты этого хочешь?

Она молчала. В горле стоял ком, а в глазах собирались слёзы...

— Я делаю это не потому, что ты моя собственность, — продолжил он тише. — Я делаю это, потому что ты моя... — он запнулся, подбирая слово. — Моя ответственность. Моя забота. Мой... — он не закончил фразу.

Их взгляды встретились, в его золотых глазах всё ещё горел драконий огонь, но теперь к нему примешивалось что-то другое, что-то тёплое и почти умоляющее.

— Я не хочу, чтобы кто-то смотрел на тебя так, — сказал он наконец выдыхая. — Я не могу это выносить... Прости...

Он развернулся и ушёл широким, размашистым шагом, не оглядываясь. Его плащ взметнулся за спиной, как чёрное крыло.

Элиара осталась стоять посреди двора, над растоптанными цветами, вытирая слёзы... Солдаты медленно расходились, бросая на неё сочувственные взгляды. Кто-то шептался, но она не слышала слов.

Она смотрела на лепестки, раздавленные сапогом Кайрана, и не знала, что чувствовать. Гнев? Да, она злилась на его властность, на его грубость, на то, что он публично унизил её и того ни в чём не повинного мальчишку, но вместе с гневом было что-то ещё. Что-то, в чём она боялась признаться даже себе.

Он сказал: «Я не могу это выносить». И это не было приказом генерала. Это была мольба мужчины. Мужчины, который ревновал, который боялся её потерять и наверное, именно это пугало её больше всего. Потому что она не хотела, чтобы он боялся. Не хотела, чтобы он страдал и это означало, что она... что?

Она наклонилась и подняла с земли один уцелевший цветок синий колокольчик, чудом не раздавленный. Лепестки были помяты, но он всё ещё пах мёдом.

Она прижала его к груди и медленно пошла в замок.

Вечером того же дня в дверь её комнаты постучали. Она открыла, на пороге стояла Ирэн с подносом.

— Генерал просил передать, что ужина сегодня не будет, — сказала она. — Он занят.

— Занят, — повторила Элиара. — Или не хочет меня видеть?

Ирэн помолчала, потом вошла в комнату и поставила поднос на стол.

— Я слышала, что случилось во дворе, — сказала она тихо. — Все слышали, солдаты теперь до смерти боятся даже смотреть в вашу сторону.

— Это неправильно, — Элиара села на кровать, обхватив колени руками. — Он не должен был так поступать. Мальчишка просто подарил мне цветы в благодарность, ничего больше.

— Мальчишка смотрел на вас восторженными глазами, госпожа, — мягко возразила Ирэн. — Я знаю этот взгляд. Все женщины замка знают и генерал — он тоже его видел.

— И что с того? Я не ответила на этот взгляд! Я вообще ничего не делала!

— Вы не понимаете, — Ирэн села рядом. — Для дракона видеть, как кто-то смотрит с обожанием на ту, кого он считает своей, это невыносимо. Это древний инстинкт, он сильнее разума. Вы — его гостя, его подопечная, его... — она запнулась. — Вы важны для него, очень важны и он не может позволить никому даже думать о том, чтобы вас отнять.

— Я не вещь, чтобы меня отнимать, — упрямо сказала Элиара.

— Для него нет, — согласилась Ирэн. — Но для дракона внутри него да, и с этим инстинктом он ничего не может поделать. Он может только сдерживать его, что он и сделал. Поверьте, десять лет назад он бы просто убил того солдата на месте, а сейчас он только растоптал цветы и объявил вас под своей защитой. Это прогресс!

Элиара невесело усмехнулась.

— Прогресс, значит.

— Да и знаете что ещё? — Ирэн взяла её за руку. — Он не придёт сегодня, будет сидеть в своём кабинете и злиться на себя, не на вас. Он понимает, что напугал вас и будет держаться на расстоянии, пока не успокоится.

— Откуда ты знаешь?

— Пятнадцать лет службы, — Ирэн улыбнулась. — Я знаю его лучше, чем он сам.

Элиара вздохнула.

— Что мне делать, Ирэн?

— То, что подсказывает сердце, — ответила служанка. — Только вы знаете, что правильно, но помните, он не враг вам. Он просто... дракон.

Ирэн ушла, оставив её одну. Элиара долго сидела на кровати, глядя на поднос с нетронутой едой, потом встала и подошла к окну. За окном темнело, две луны висели над горами, а где-то вдалеке прокричал дракон одинокий, тоскливый крик.

Она вспомнила его глаза — горящие, золотые, полные ярости и боли и его слова: «Я не могу это выносить», и вдруг поняла, что он ревнует не потому, что считает её вещью. Он ревнует потому, что боится. Боится потерять единственного человека, который отнёсся к нему не как к генералу, не как к дракону, а как к мужчине. Который лечил его, спорил с ним, не боялся его. Человека, который, может быть, стал для него чем-то большим.

Она прижалась лбом к холодному стеклу.

— Что же ты делаешь со мной, Кайран? — прошептала она в темноту.

Ответа не было. Только ветер выл в башнях, и звёзды мерцали над горами.

Глава 12. Таяние льда

После случая с цветами всё изменилось.

Нет, внешне всё оставалось прежним. Замок жил своей обычной жизнью, солдаты тренировались во дворе, звеня мечами под утренним солнцем, драконы патрулировали границы, взмывая в небо и возвращаясь на закате, слуги сновали по коридорам с корзинами белья и тюками провизии. Лазарет работал в привычном ритме, раненых становилось всё меньше, и Бран уже ворчал, что скоро останется без дела и придётся учить её «чему-нибудь посложнее, чем перевязки». В саду за замком доцветали последние осенние цветы, и по утрам трава серебрилась от инея, но в воздухе появилось что-то новое. Что-то неосоздаемое, но осязаемое — как напряжение перед грозой. Невидимая граница, которую Кайран обозначил тем днём, стала реальной, почти физической. Солдаты больше не заговаривали с Элиарой без крайней необходимости. Если им нужно было в лазарет, они обращались к Брану, а не к ней. Если встречали её в коридоре, то кланялись и спешили пройти мимо, опустив глаза, словно она была не женщиной, а призраком. Никаких букетов, никаких комплиментов, никаких взглядов, даже мимолётных.

Она стала неприкасаемой...

С одной стороны, это было... спокойно. Никто не приставал, никто не смотрел оценивающе, никто не пытался завести разговор в надежде на что-то большее. Она могла ходить по замку, не опасаясь нежелательного внимания. С другой она чувствовала себя изолированной, как будто её посадили в невидимую клетку с золотыми прутьями, где она была в безопасности, но одна. Совсем одна, если не считать Ирэн и Брана. Даже Рейнхарт, который когда-то смотрел на неё с наглой усмешкой, а потом с благодарностью, теперь переходил на другую сторону двора, едва завидев её фигуру и это... ранило. Она сама не ожидала, что это будет ранить.

Она ведь хотела держаться от него подальше, разве нет? Она ведь боялась его напора, его страсти, его властности. Боялась того, что случилось в кабинете, того поцелуя, от которого у неё до сих пор горели губы при одном воспоминании. Она избегала его, пряталась в лазарете, ссылаясь на усталость. Так почему сейчас, когда он отступил, когда он дал ей то, чего она якобы хотела, почему ей так больно? Почему она просыпается среди ночи и прислушивается к шагам в коридоре? Почему каждый вечер стоит у окна, вглядываясь в темноту?

— Ты скучаешь по нему, — сказала Ирэн однажды вечером, помогая ей расчёсывать волосы перед сном.

Элиара вздрогнула, словно её застали за чем-то постыдным.

— С чего ты взяла?

— Ты смотришь в окно каждый вечер — ответила Ирэн, проводя гребнем по длинным русым прядям. — И каждый раз, когда в коридоре слышны шаги, ты поворачиваешь голову, даже если это просто стража.

— Это ничего не значит, — сказала Элиара, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто привычка.

— Конечно, — Ирэн улыбнулась уголками губ, и в её карих глазах мелькнуло что-то тёплое, материнское. — Ничего не значит, как скажете, госпожа.

Элиара промолчала, но когда Ирэн ушла, она снова подошла к окну и долго стояла, вглядываясь в темноту. Где-то в западной башне горел свет, одинокое окно в кабинете генерала, он не спал. Он никогда не спал по ночам, Ирэн говорила, что драконы вообще спят мало, а генерал и подавно.

Она смотрела на это окно, пока свеча не погасла. Только тогда она легла в постель и забылась тревожным сном.

Прошло ещё несколько дней, похожих один на другой, как капли дождя. Элиара работала в лазарете, читала книги в библиотеке, гуляла по крепостным стенам, кутаясь в тёплый плащ, тот самый, подаренный Кайраном. Она пыталась убедить себя, что всё в порядке, что она не ждёт его. Что ей всё равно, появляется он в её жизни или нет, что она сильная и независимая — та самая девочка из детдома, которая дала себе слово никогда ни от кого не зависеть, но по ночам, когда замок затихал, она лежала без сна и вспоминала. Его глаза... Его голос... Его руки, которые держали её за талию сильно, но не грубо. Его губы на своих губах — жаркие, требовательные, но в то же время осторожные, словно он боялся её сломать. «Я не могу это выносить», — сказал он тогда и в этих словах было больше правды, чем во всех его приказах и заявлениях, а потом в замке случилось происшествие.

Был поздний вечер, когда короткий осенний день уже уступил место длинной ночи. Элиара сидела в библиотеке, зарывшись в старый трактат по лекарственным травам, который дал ей Бран. Книга была древней страницы пожелтели и стали хрупкими, как осенние листья, а чернила местами выцвели так, что приходилось напрягать зрение, но содержание было бесценным, здесь описывались растения, которые росли только в этом мире, их свойства, способы обработки и сочетания с магическими накопителями. Она делала заметки на листе, ну а Бран строго-настрого запретил ей писать в самой книге, хотя она и не , собиралась.

В камине уютно потрескивал огонь, отбрасывая пляшущие тени на книжные стеллажи. За окнами шумел ветер, в горах начиналась метель, первая в этом году. В библиотеке было тепло и тихо, и Элиара почти забыла о том, что находится в чужом мире, где идёт война и вдруг дверь распахнулась — резко, с грохотом, ударившись о стену.

Она подняла голову и замерла, на пороге стоял Кайран.

Он был в полном боевом облачении — чёрный доспех с золотой насечкой, который она видела только однажды, в день битвы с орками. Мундир на левом плече был разорван — три параллельных следа, как от когтей. На скуле — свежий порез, из которого сочилась кровь, стекая по линии челюсти и капая на воротник. В правой руке он сжимал меч, тот самый, с потёртой рукоятью, и лезвие было тёмным от запёкшейся крови, чужой крови. Он тяжело дышал, словно после долгого бега, и в его глазах золотых, с расширенными вертикальными зрачками горел опасный огонь.

Элиара вскочила, едва не опрокинув стул. Книга соскользнула с колен и упала на пол.

— Ты ранена? — спросил он, и его голос прозвучал резче, чем он, кажется, хотел.

— Я? — она опешила. — Нет, а что случилось?

— На восточный патруль напали, — он прошёл к столу, тяжело опираясь на спинку стула, словно ноги держали его с трудом. — Орки. Мелкий отряд, но с шаманом. Три десятка тварей, несколько человек ранены, двое погибли. — Он сжал челюсти так, что желваки заходили под кожей. — Я хотел убедиться, что ты в порядке. Шаман мог наслать заклинание дальнего действия, они так делают иногда, пытаются ударить по тем, кто в замке.

— Я в порядке, — она уже шла к нему, не отдавая себе отчёта. — Но ты ранен, дай мне посмотреть.

— Не надо, — он выставил руку, останавливая её. — Это пустяки, заживёт.

— У тебя кровь на лице, — она не отступила. — И плечо, ты хоть понимаешь, что на этих когтях может быть скверна?

— Понимаю, поэтому и говорю, что не надо. Ты устала, я вижу. Я просто хотел проверить тебя и уйти.

— Кайран, — она остановилась в шаге от него и посмотрела прямо в глаза, в упор и без страха. — Ты пришёл проверить, в порядке ли я. Ты пришёл ко мне, раненый, сразу после боя, даже не зайдя в лазарет. Ты стоишь здесь с кровью на лице и говоришь мне «не надо». — Она скрестила руки на груди. — А теперь моя очередь, сядь.

Он колебался мгновение. Она видела, как в его глазах борются гордость и что-то ещё усталость, боль, странное, непривычное желание подчиниться. Потом он медленно, тяжело опустился на стул. Меч прислонил к столу, плечи его опустились, и на мгновение он перестал быть генералом, просто уставший мужчина с кровью на лице.

Она подошла ближе. Положила ладони на его скулу, осторожно, едва касаясь. Закрывает глаза, тепло заструилось из пальцев, мягкое, золотистое, живое. Порез был неглубоким, просто царапина по сравнению с теми ранами, что она лечила после битвы. Через несколько секунд кожа сомкнулась, оставив лишь тонкую розовую полоску.

— Теперь плечо, — сказала она.

Он не спорил. Расстегнул доспех, стянул разорванный рукав. Рана на плече была серьёзнее — когти орка оставили глубокие борозды, и по краям уже начал расползаться знакомый чёрный налёт. Тёмная магия, но её было немного видимо, шаман был слабым, и Элиара справилась быстро. Свет хлынул из ладоней, окутал рану, выжиг скверну. Края раны стянулись, кожа порозовела.

— Готово, — сказала она, убирая руки. — Шрам останется, но жить будешь.

Он кивнул, не поблагодарил, но она уже знала, что он не умеет благодарить словами. Его благодарность была в другом в том, как он смотрел на неё сейчас. В том, как он пришёл к ней сразу после боя, даже не зайдя в лазарет.

— Ты не появлялся несколько дней, — сказала она тихо, отступая на шаг и прислоняясь к столу.

— Я думал, ты этого хочешь, — ответил он, глядя в огонь. — После того, что я сделал. После того, как я... растоптал те цветы и унизил тебя перед всем замком.

— Ты повёл себя как собственник, — сказала она. В её голосе не было гнева, только усталость и странная, неожиданная грусть. — Как дикарь. Ты публично объявил меня своей, хотя я тебе никто, ты сделал меня изгоем в собственном доме, солдаты теперь боятся даже смотреть на меня.

— Я знаю — его голос прозвучал глухо.

— Но ты не извинился.

Он поднял на неё глаза. В них больше не было драконьего огня — только усталость и что-то ещё, что-то, похожее на боль.

— Ты хочешь извинений?

— Я хочу понять, — сказала она, и её голос дрогнул. — Почему ты это сделал? На самом деле? Не говори мне про ответственность и защиту, я хочу знать правду.

Кайран долго молчал, потом встал — медленно, тяжело, подошёл к камину. Встал спиной к ней, глядя в огонь. Плечи его были напряжены, руки сжаты в кулаки. Пламя отражалось в его глазах, когда он повернулся в профиль.

— Я дракон, — сказал он наконец, и его голос прозвучал низко, глухо, как будто каждое слово давалось с трудом. — Ты знаешь это. Я могу быть человеком, носить мундир, командовать армией, вести переговоры с королём, пить вино и улыбаться на приёмах. Я научился этому, я потратил годы, чтобы стать не просто зверем в человеческой шкуре, но внутри меня живёт дракон. Древний, дикий, не знающий законов. Он сильнее разума, сильнее воспитания, сильнее всего, чему меня учили и этот зверь... он выбрал тебя.

Элиара замерла. Слова упали в тишину, как камни в воду.

— Что значит «выбрал»? — спросила она шёпотом.

— Драконы так устроены, — он повернулся к ней лицом. — Мы живём долго, очень долго — столетия. У нас есть женщины, есть связи, есть даже подобие любви, но раз в жизни или никогда, дракон находит ту, что подходит ему полностью не просто телом, а душой, магией и сутью. Мы называем это «избранная». И когда это происходит, дракон уже не может отступить. Это как дышать, ты не можешь перестать дышать, даже если захочешь.

Элиара слушала, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Я не знал, что это случится со мной, — продолжил он. — Я думал, что я другой, что я контролирую себя. Что я выше этих инстинктов, а потом ты упала с неба — раненая, испуганная, чужая и всё изменилось. Я почувствовал это сразу, ещё на том поле, когда ты посмотрела на меня, но я не хотел верить.

— Поэтому ты дал мне имя, — прошептала она. — Элиара.

— Да. — Он чуть усмехнулся — невесело, горько. — Я думал, что смогу держать тебя на расстоянии, что ты просто интересный экземпляр — попаданка, выжившая в магии, но чем дольше ты была рядом, тем сильнее я... привязывался и когда тот солдат подарил тебе цветы, я сорвался. Дракон внутри меня не мог вынести, что кто-то смотрит на тебя с желанием.

Она молчала. В голове крутились его слова: «выбрал», «избранная», «не могу отступить». Это было больше, чем признание. Это было объяснение, объяснение всего, его властности, его ревности, его противоречивого поведения.

— Ты говоришь так, будто я уже твоя, — прошептала она.

— Нет, — он покачал головой. — Ты не моя, ты свободна. Ты всегда будешь свободна, я никогда не запру тебя в клетке, никогда не заставлю быть со мной против твоей воли, но я не могу и отпустить. Я не умею. Дракон не умеет.

— Это нечестно, — сказала она, и её голос дрогнул. — Ты ставишь меня в положение, из которого нет выхода. Либо я принимаю тебя, либо ты будешь страдать. Это не выбор. Это шантаж.

— Знаю, — он опустил голову. — Это нечестно, я знаю, но я не могу иначе. Я предупреждал тебя с самого начала, я не хороший человек. Я генерал, я воин, я дракон. Я привык брать то, что хочу и то, что я сейчас сдерживаюсь, — это всё, на что я способен.

— Ты пугаешь меня, — прошептала она.

— Знаю, — повторил он, и в его голосе прозвучала такая боль, что у неё сжалось сердце. — Я пугаю даже себя, я никогда не чувствовал ничего подобного. Я не знаю, что с этим делать.

Они долго смотрели друг на друга. В камине потрескивал огонь. За окнами выл ветер, швыряя в стёкла пригоршни снега. Свечи на столе догорали, оплывая воском. В библиотеке было тепло и тихо, но в воздухе между ними звенело напряжение такое густое, что, казалось, его можно потрогать.

Элиара думала о своей жизни. О детдоме, где её никто не выбирал. О Москве, где она была одна, всегда одна, даже в толпе. О том, как мечтала стать нужной кому-то, но боялась этого больше всего на свете. О том, как дала себе слово никогда не зависеть от других, потому что другие всегда бросают, а теперь перед ней стоял мужчина, который говорил: «Я не могу тебя отпустить». Не «не хочу» — «не могу». И это пугало её до дрожи, но вместе со страхом где-то глубоко, в самой глубине души, — зарождалось что-то ещё, что-то похожее на надежду.

— Я не готова, — сказала она наконец, и её голос прозвучал тихо, но твёрдо. — К тому, что ты предлагаешь. К тому, что ты чувствуешь. Я никогда... я не была с мужчиной, никогда не любила. Я не умею. Я не знаю, как это быть с кем-то. Я всю жизнь была одна, Кайран. Одна против всего мира и я не знаю, смогу ли я быть... с тобой.

Он выслушал её молча, не перебивая и когда она закончила, он сказал:

— Я подожду, сколько нужно, столько и подожду. Год, десять лет, столетие. У драконов долгая жизнь, я могу ждать.

— А если я никогда не буду готова?

— Тогда я буду рядом всё равно, на любых условиях. Даже если ты никогда не ответишь на мои чувства. Даже если ты будешь просто жить в этом замке, лечить солдат, читать книги и смотреть на меня как на чужого. Я буду рядом, потому что не быть рядом я не могу.

Она почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Не от горя от странного, пугающего облегчения. Он не требовал и не ставил условий, просто ждал и это было... неожиданно.

— Ты невозможный, — прошептала она.

— Знаю, — он чуть улыбнулся. — Ты говорила.

Он шагнул к ней медленно, осторожно, давая ей возможность отойти, она не отошла. Он взял её за руку, ту самую, которой она только что исцеляла его раны. Поднёс к губам и легко, почти невесомо поцеловал пальцы. Его губы были тёплыми, и от этого прикосновения по её телу пробежала дрожь.

— Спокойной ночи, Элиара, — сказал он.

И ушёл. Дверь закрылась и его шаги затихли в коридоре.

Она осталась одна в библиотеке, сердце колотилось где-то в горле. Кожа на пальцах всё ещё горела от его губ. В камине догорал огонь, и тени на стенах становились всё длиннее.

Она опустила в кресло и закрыла лицо руками. В голове крутились его слова. «Я не могу тебя отпустить». «Я буду ждать». «Я буду рядом» и впервые за долгое время она поняла, что лёд, которым она окружила своё сердце много лет назад, в холодных коридорах детдома, начал таять. Медленно, капля за каплей, но неотвратимо.

Она не знала, хорошо это или плохо. Не знала, к чему это приведёт. Не знала, готова ли она к тому, что последует дальше, но одно она знала точно, что-то изменилось. Что-то важное, что-то что уже нельзя повернуть вспять.

Она подняла голову и посмотрела в окно. За стеклом кружился снег, первый снег в её новой жизни. Крупные белые хлопья падали на каменные стены замка, укрывая их пушистым покрывалом. В западной башне снова зажёгся свет, одинокое окно в кабинете генерала.

Он не спал и она знала, что он тоже думает о ней.

Глава 13. Признание и близость

Зима вступила в свои права.

Горы укутались снегом, лес за стенами замка стал белым и безмолвным, а драконы теперь взлетали в небо, поднимая тучи снежной пыли. В замке топили камины круглые сутки, и в коридорах пахло дымом, хвоей и горячим вином со специями. Солдаты кутались в меховые плащи, и даже Бран, вечно ворчавший, что ему не холодно, начал носить шерстяной шарф, который связала ему Ирэн.

После того разговора в библиотеке между Элиарой и Кайраном установилось новое, хрупкое равновесие. Он больше не избегал её, но и не давил. Приходил на ужины не каждый день, но часто. Иногда задерживался после, и они разговаривали. О магии, о войне, о книгах, которые она читала. О её мире — он всё ещё спрашивал о Москве, о самолётах и интернете, и каждый раз его глаза загорались неподдельным интересом. Он даже попросил её нарисовать схему самолёта и потом долго изучал её, хмуря брови.

Она рассказывала ему о своей жизни — о детдоме, об учёбе, о том, как мечтала стать врачом и с каждым таким разговором он узнавал её всё лучше, а она — его.

Она узнала, что он не любит сладкое, но пьёт вино только полусладкое, что у него есть привычка крутить в пальцах перстень, когда он задумывается, что он терпеть не может ложь, но сам умеет молчать так, что это страшнее любой лжи. Что он спит по четыре часа в сутки, драконья кровь не требует большего, что он боится высоты не в полёте, а когда стоит на краю обрыва в человеческом облике. «В драконьей форме я чувствую себя в небе как дома, — сказал он однажды. — А человеком... человеком я боюсь упасть» и каждый такой разговор, каждая такая деталь приближали её к нему. Она уже не вздрагивала, когда он случайно касался её руки. Не отводила взгляд, когда он смотрел на неё слишком долго. Она привыкала к нему и это было страшно, потому что привычка к человеку в её мире всегда означала будущую боль, но Кайран, кажется, не собирался причинять ей боль.

Был вечер. За окнами выла метель, настоящая снежная буря, которая обрушилась на замок с гор. Ветер завывал в башнях, швырял снег в окна, и даже толстые каменные стены, казалось, дрожали под его напором. В такую погоду даже драконы не летали. Замок замер, укутавшись в снежное одеяло, и только огни в окнах говорили о том, что внутри теплится жизнь.

Элиара сидела в библиотеке, как обычно, но сегодня она не читала — просто смотрела в огонь, слушая вой ветра. На душе было тревожно, что-то надвигалось — она чувствовала это, но не могла понять, что именно. Может быть, просто предчувствие, а может быть, магия, которая текла в её крови, шептала о чём-то, чего разум ещё не осознал.

Дверь открылась и она обернулась.

Кайран, без мундира — в простой тёмной рубашке, с расстёгнутым воротом. Волосы распущены, и она впервые видела его таким... домашним. В руке бутылка вина и два бокала. Он остановился на пороге, словно спрашивая разрешения.

— Можно? — спросил он.

— Ты спрашиваешь разрешения? — она чуть улыбнулась, откладывая книгу.

— Учусь, — он прошёл к камину, сел в кресло напротив, протянул ей бокал. — Сегодня холодно. Я подумал, тебе не помешает компания и вино.

— Ты прав, — она приняла бокал. Их пальцы на мгновение встретились, и по коже пробежало знакомое тепло.

Они пили молча. Ветер выл за окнами, в камине потрескивал огонь. Молчание было уютным, почти семейным такое бывает между людьми, которые давно знают друг друга и не нуждаются в словах. Элиара смотрела на пляшущие языки пламени и думала о том, как странно

повернулась её жизнь. Ещё несколько месяцев назад она была одна в огромной Москве, а теперь она здесь в чужом мире, с чужим мужчиной, и почему-то чувствует себя дома.

— О чём ты думаешь? — спросил он наконец.

— О доме, — ответила она. — О том, который у меня был. Вернее, которого не было.

— Расскажи.

И она рассказала о детдоме — длинных серых коридорах, общих спальнях на двадцать коек, казённой еде и вечном чувстве, что ты никому не нужна. О том, как в восемь лет её чуть не удочерили, пришла семья, посмотрела на неё, и она уже начала надеяться. Она помнила, как стояла перед ними, стараясь выглядеть послушной и милой, как расправила складки на казённом платье и улыбнулась самой лучшей улыбкой, а потом они выбрали другую девочку, помладше и послушнее и она плакала ночью в подушку, а наутро поклялась себе, что больше никогда не будет плакать и не плакала.

— А потом была Москва, — продолжала она, глядя в огонь. — Квартира в Бирюлёво, три работы, учёба. Я думала, вот сейчас я выбьюсь, стану врачом, куплю квартиру побольше, заведу собаку. Это была моя цель! Стать независимой, доказать всем, что девчонка из детдома может всего добиться сама.

— Ты добилась, — сказал Кайран. — Ты стала целительницей и спасла десятки жизней.

— Это другое, — она покачала головой. — Здесь я не сама. Здесь у меня есть дар, которого я не заслужила, а там я всего добилась своими руками, без магии, без помощи, а здесь... здесь всё иначе.

— Ты не права, — он подался вперёд, и его голос стал серьёзным. — Дар — это не случайность. Он был в тебе всегда, просто спал и то, что ты делаешь с ним сейчас, — это твоя заслуга. Ты могла испугаться, спрятаться, отказаться, а ты работаешь, лечишь и спасаешь. Это не случайность. Это ты.

Она подняла на него глаза.

— Почему ты всегда знаешь, что сказать?

— Я не знаю, — он чуть улыбнулся. — Я просто говорю правду, с тобой это легко.

Вино в бутылке кончилось. За окнами всё так же выла метель, но теперь её вой казался не тревожным, а уютным как колыбельная и в тишине этой комнаты, отрезанной от всего мира снежной бурей, что-то изменилось.

Кайран встал, подошёл к ней, остановился в шаге. Она подняла голову и встретила его взгляд.

— Элиара, — сказал он тихо, и в его голосе она услышала уязвимость, настоящую, обнажённую. — Ты говорила, что не готова, я помню. Я обещал ждать, но я хочу, чтобы ты знала, я никогда не предаю тебя. Никогда не сделаю того, что сделали с тобой другие. Ты можешь мне верить.

— Я знаю, — прошептала она.

И потянулась к нему сама. Без принуждения, без страха, без сомнений. Просто взяла его за руку тёплую, шершавую, с мозолями от меча.

— Я не знаю, как это быть с кем-то, — сказала она, глядя на их переплетённые пальцы. — Меня никогда не учили. Меня никогда не любили. Я не знаю, получится ли у меня, но я хочу попробовать с тобой.

Он долго смотрел на неё, в его глазах — золотых, с расширенными зрачками — отражался огонь камина.

— Ты уверена? — спросил он, и его голос дрогнул. — Если ты сейчас скажешь «нет», я уйду и буду ждать. Столько, сколько нужно.

— Я уверена, — ответила она и это была правда. Впервые за долгое время она была уверена.

Он наклонился и поцеловал её.

На этот раз не так, как в прошлый раз в кабинете. Не было той жадности, того отчаяния, только нежность. Только трепет, он целовал её так, словно она была хрупкой, как первый снег за окном. Словно боялся, что она исчезнет, растает, окажется сном.

Она ответила неумело, но искренне. Её пальцы скользнули по его плечам, по шее, запутались в густых чёрных волосах. Она впервые позволила себе прикоснуться к нему не как целительница к пациенту, а как женщина к мужчине и это было... невероятно. Его кожа была горячей, почти обжигающей, драконья кровь давала о себе знать. Его дыхание участилось, и она чувствовала, как бьётся его сердце сильно, мощно, как боевой барабан.

Он подхватил её на руки. Она ахнула, обвила его шею.

— Я боюсь, — прошептала она ему в плечо.

— Я тоже, — ответил он, и его голос прозвучал глухо. — Но мы справимся.

Он понёс её не в свою спальню, а в её комнату. Опустил на кровать бережно, как величайшую драгоценность. Сел рядом, не торопясь.

— Если ты захочешь остановиться скажи. В любой момент, я остановлюсь.

Она кивнула, не в силах говорить и он начал целовать её снова медленно, томительно, давая ей время привыкнуть к каждому новому ощущению. Его губы прошлись по её лбу, по векам, по щекам, по уголкам губ. Спустились к шее и она вздрогнула, но не от страха, от удовольствия. Его руки скользнули по её талии, по спине, и каждое прикосновение отзывалось в ней волной тепла. Он расстёгивал её платье медленно, одну застёжку за другой, давая ей время остановить его, но она не останавливала.

Когда платье упало на пол, он отстранился и посмотрел на неё, не оценивающе — восхищённо.

— Ты прекрасна, — прошептал он. — Боги, ты прекрасна.

Элиара покраснела, но не отвела взгляда. Она хотела видеть его лицо. Хотела запомнить каждое мгновение, каждое прикосновение, каждый вздох, каждое слово.

Он разделся сам, без ложной скромности, спокойно, как человек, привыкший к своему телу. Она смотрела на него на широкие плечи, на сильные руки, на карту шрамов, покрывавшую его торс. Она знала многие из них. Некоторые лечила сама.

Он лёг рядом, и она почувствовала жар его тела, их пальцы переплелись, взгляды встретились.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Я не говорил этого раньше, но это так. Я люблю тебя, Элиара.

Она почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Она не ответила, не потому, что не хотела, а потому, что слова застряли в горле, но она потянулась к нему, прижалась всем телом, и это было лучшим ответом и когда они наконец стали едины, она не почувствовала боли, только тепло. Глубокое, всепоглощающее тепло, которое разлилось от груди до кончиков пальцев. Он двигался медленно, осторожно, прислушиваясь к её дыханию, к её телу и она чувствовала себя не завоёванной, а любимой. По-настоящему любимой!

После, когда они лежали в объятиях друг друга, она наконец произнесла то, что не смогла сказать раньше:

— Я тоже тебя люблю.

Он поцеловал её в макушку.

— Я знаю, я понял это раньше, чем ты сама.

Она тихо рассмеялась и уткнулась носом в его плечо. За окнами всё ещё выла метель, но им было тепло.

Она проснулась первой.

За окнами было тихо — метель улеглась. Снег искрился в лучах двух солнц, которые только начинали подниматься над горами. Белое безмолвие укрыло замок, и в комнате было

светло и спокойно. В камине ещё теплились угли, бросая розоватые отблески на каменные стены.

Она лежала, прижавшись к его груди. Его рука обнимала её за талию, даже во сне он не отпускал, словно боялся, что она исчезнет. Его дыхание было ровным и глубоким, а лицо расслабленным, беззащитным. Она никогда не видела его таким. Грозный генерал, чёрный дракон, гроза орков — сейчас он был просто мужчиной, который спал рядом с женщиной.

Она поднесла ладонь к его лицу, но не коснулась — зависла в миллиметре от щеки. Ей хотелось запомнить этот момент, этот покой и это счастье.

«Вот оно, — подумала она. — То, чего у меня никогда не было. Дом не место, а человек».

Он открыл глаза. Золотые, сонные, они смотрели на неё с теплотой, от которой у неё перехватило дыхание.

— Доброе утро, — прошептал он.

— Доброе.

— Ты не жалеешь?

— Нет, — она улыбнулась. — А ты?

— Я жалею только о том, что не встретил тебя раньше.

Она рассмеялась — тихо, счастливо и он смеялся вместе с ней, впервые за долгое время открыто, без масок, без брони.

Они лежали, обнявшись, и смотрели, как солнце заливает комнату золотым светом.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь, — он поцеловал её в лоб, — я попрошу тебя стать моей женой. Официально. Перед людьми, перед законом, перед всем миром. Выйдешь за меня, Элиара?

Она смотрела на него — на мужчину, который когда-то был просто чёрным драконом с золотыми глазами, а теперь стал для неё целым миром.

— Да, — ответила она. — Да, я выйду за тебя.

И он поцеловал её снова. На этот раз радостно, торжественно, как победитель, а где-то за стенами замка, в далёких горах, эхо разносило крик дракона — не боевой, не грозный. Ликующий.

Глава 14. Свадьба

Весна пришла в горы неожиданно.

Ещё неделю назад замок утопал в снегу, а сегодня с крыш уже капало, и на каменных плитах двора расцветали первые робкие цветы — жёлтые и белые, пробивающиеся сквозь трещины в камне. Воздух пах талой водой, пробуждающейся землёй и чем-то сладким то ли первоцветами, то ли просто обещанием тепла. Снег отступал в ущелья, обнажая серые скалы и зелёные пятна мха. Драконы, истосковавшиеся по солнцу за долгую зиму, кружили в небе, и их радостные крики эхом разносились над горами. Даже старый Бран, вечно ворчавший на всё и вся, вышел во двор без шарфа и подставил лицо солнечным лучам, щурясь, как довольный кот.

Замок гудел, как потревоженный улей. Слуги носились по коридорам с охапками цветов и гирляндами из вечнозелёных веток, сплетённых с серебряными лентами. Повара не спали вторую ночь, готовя праздничный пир, из кухни доносились умопомрачительные запахи жареного мяса, пряных трав и свежей выпечки. Портниха из столицы, мадам Изабелла, прибыла снова, на этот раз без приключений, с целым эскортом, и теперь запиралась с Элиарой в малой гостиной на многочасовые примерки. Она выходила оттуда с таким видом, будто только что выиграла решающее сражение, и каждый раз требовала у Ирэн горячего чая с мёдом для восстановления сил.

Готовилась свадьба...

Кайран не стал откладывать. Он сделал предложение в ту же неделю, после их первой ночи, официально, при свидетелях, как требовал обычай. Созвал весь гарнизон в тронный зал замка, и когда офицеры выстроились вдоль стен, недоумевая, зачем их собрали, он опустился на одно колено прямо перед Элиарой при всех, не стесняясь, не прячась за чинами и званиями.

— Элиара, — сказал он, и его голос, обычно звучавший как приказ, дрогнул. Она никогда не слышала, чтобы его голос дрожал. — Ты пришла в этот мир чужой, раненой, потерянной. Ты стала целительницей, спасительницей, утешением для моих солдат и светом для этого замка. Ты стала светом для меня. — Он помолчал, собираясь с силами. — Я прошу тебя стать моей женой не потому что так надо, не потому что я генерал и привык получать своё, а потому что я не представляю своей жизни без тебя.

В зале воцарилась такая тишина, что слышно было, как потрескивают факелы на стенах. Офицеры замерли, боясь пошевелиться. Даже Бран, стоявший в углу со своим вечно скептическим выражением лица, перестал ворчать и застыл. Элиара смотрела на Кайрана — на мужчину, который когда-то был просто чёрным драконом с золотыми глазами, а теперь стал для неё целым миром, и чувствовала, как к горлу подступает ком. Она вспомнила всё от их первой встречи на поле, его властности и его ревность до неумелой заботы и его признание у камина. Вспомнила, как он сказал: «Я не могу тебя отпустить». Вспомнила, как он обещал ждать — столько, сколько нужно.

— Да, — сказала она, и голос её звенел от сдерживаемых слёз. — Я согласна.

И зал взорвался криками. Офицеры салютовали мечами — старый военный обычай, означающий высшую степень уважения. Клинки взлетали в воздух, ловя свет факелов, и звон стали смешивался с радостными возгласами. Драконы за окнами подхватили ликование и издали такой дружный рёв, что задрожали стёкла в свинцовых переплётах. Кто-то хлопал её по плечу, кто-то кричал поздравления, кто-то уже требовал вина отметить. Рейнхарт, стоявший в заднем ряду, встретился с ней взглядом и коротко, серьёзно кивнул — с уважением, без тени прежней наглости, но с толикой грусти в глазах, а потом Кайран надел ей на палец кольцо — тонкий серебряный ободок с тёмным камнем, в глубине которого, казалось, горел огонь. Семейное кольцо рода Вэйдар, переходившее от матери к сыну на протяжении поко-

лений. Он надел его медленно, почти торжественно, и камень на мгновение вспыхнул, магия признала новую хозяйку.

— Теперь ты одна из нас, — прошептал он, поднося её руку к губам. — Навсегда!

И вот теперь, три недели спустя, день свадьбы настал.

Элиара стояла перед высоким зеркалом в своей комнате. Ирэн только что закончила причёсывать её, русые волосы были уложены в сложную конструкцию из кос и локонов, перевитых серебряными лентами и украшенных крошечными белыми цветами, похожими на жасмин. Мадам Изабелла лично руководила процессом, и её зоркий глаз не упускал ни одной детали. Она то и дело поправляла складки платья, одёргивала рукава, проверяла, ровно ли лежат лунные камни.

— Плечи расправьте, — скомандовала портниха в десятый раз. — И не сутультесь, боги ради. Вы сегодня генеральская невеста, а не перепуганная мышка. Вон, у меня руки дрожали меньше, когда я первый раз на дракона садилась.

— Вы сидели на драконе? — сделала удивленное лицо Элиара, хотя сама помнила эту историю и даже видела не шуточные суммы доплат...

— Пришлось, — мадам Изабелла поджала губы. — Ваш будущий муж очень убедителен, когда чего-то хочет, а теперь стойте ровно, я проверю шлейф.

Элиара послушно расправила плечи и посмотрела на своё отражение.

Платье было великолепным. Изумрудный шёлк — тот самый, что Кайран выбрал лично, струился до самого пола, переливаясь в свете камина, как драконья чешуя на солнце. Серебряная вышивка покрывала лиф и подол, сплетаясь в узоры древних рун, которые мадам Изабелла, по её собственным словам, копировала с замковых камней. Каждая руна имела значение: защита, верность, процветание, любовь. Лунные камни, вшитые в ткань, мягко светились изнутри, и когда Элиара двигалась, казалось, что платье дышит. Шлейф — длинный, но не слишком тяжёлый, лежал на полу волнами изумрудного шёлка. Платье сидело идеально, подчёркивая талию и изящные плечи.

— Вы прекрасны, госпожа, — прошептала Ирэн, и в её глазах стояли слёзы. — Я так рада за вас, так рада. Если бы мой муж мог это видеть... — она не договорила, прижав платок к губам.

— Не плачь, — Элиара улыбнулась и взяла её за руку. — А то я тоже заплачу.

— Не вздумайте! — прикрикнула мадам Изабелла. — Слёзы испортят макияж, я два часа накладывала эти тени! Вы хоть представляете, как трудно добиться такого оттенка на ваших глазах? Янтарный — редчайший цвет, к нему нужно подбирать особую палитру!

Все трое рассмеялись...

В дверь постучали. Вошёл Бран — в парадном сером балахоне, с чисто вымытыми руками и даже причёсанный.

— Ну что, готова? — спросил он, и его голос прозвучал непривычно мягко.

— Готова, — ответила Элиара.

— Тогда пошли. Жених уже заждался. Волнуется, как мальчишка, хотя и пытается это скрыть.

— Генерал волнуется? — не поверила мадам Изабелла.

— Ещё как, — хмыкнул Бран. — Я его таким не видел со времён его первого боя.

Элиара улыбнулась и взяла старика под руку.

Церемония проходила в главном зале замка.

Высокие своды терялись в полумраке, но сотни свечей заливали зал тёплым, живым светом. Гирлянды из вечнозелёных веток и первых весенних цветов украшали стены и колонны — белые, жёлтые, нежно-голубые, собранные в горах специально для этого дня. У алтаря стоял старый драконий жрец — седой, сгорбленный, с чешуёй на висках и длинной серебряной бородой, который помнил ещё прадеда Кайрана. Он прибыл из столицы по личной просьбе гене-

рала, и сам король Дарион дал разрешение на его отъезд. Жрец должен был провести церемонию по древнему обычаю.

Гостей было немного. Кайран не хотел пышной свадьбы, только для своих. Офицеры гарнизона в парадных мундирах с серебряными нашивками. Бран, который ради такого случая даже причесался и надел чистый балахон. Ирэн, сияющая от счастья, с цветком в волосах. Мадам Изабелла, которая держалась с видом полководца, выигравшего битву. Несколько драконов-оборотней из личной гвардии, самых доверенных и знамя рода Вэйдар, чёрный дракон на серебряном поле, висевшее над алтарём.

И Кайран...

Он стоял у алтаря в парадном чёрном мундире с серебряными эполетами. Волосы были собраны в хвост, перевязанный серебряной лентой. На поясе висел парадный меч, тот самый, что она видела в первый день над камином. Он выглядел как генерал, как дракон, как властелин, но его глаза, золотые, сияющие, смотрели только на неё.

Когда она вошла в зал под руку с Браном, все замерли. Она шла медленно, стараясь не споткнуться о подол, чувствуя на себе десятки взглядов. Её шаги отдавались эхом от каменных сводов. Лунные камни на платье мягко светились, и казалось, что она плывёт в облаке изумрудного света, но она видела только его.

Кайран смотрел на неё и в его глазах она прочитала всё. Любовь. Гордость. Обещание. И что-то ещё — растерянность, почти детскую, словно он до сих пор не верил, что она согласилась.

— Береги её, — тихо сказал Бран, передавая её руку Кайрану. — Она сокровище.

— Знаю, — ответил Кайран, не отрывая взгляда от невесты.

Жрец заговорил на древнем языке, том самом, на котором были написаны руны в лесу. Слова были гортанными, рокочущими, и от них воздух в зале становился гуще, плотнее, как перед грозой. Свечи заколебались. Он говорил о драконьей верности, о том, что дракон выбирает пару раз и навсегда. О том, что этот союз скрепляется не только законом, но и магией, текущей в крови. О том, что отныне они одно целое, и даже смерть не разорвёт эту связь.

— Кайран Вэйдар, — произнёс жрец, переходя на общий язык. — Признаёшь ли ты эту женщину своей женой перед богами, перед людьми и перед драконьим родом? Обещаешь ли ты защищать её, чтить её и хранить ей верность до конца своих дней?

— Признаю, — ответил Кайран, и его голос прозвучал твёрдо, как клятва на поле боя. — И обещаю.

— Элиара, — жрец повернулся к ней. — Признаёшь ли ты этого мужчину своим мужем перед богами, перед людьми и перед драконьим родом? Обещаешь ли ты быть с ним в радости и в горе, в здравии и в болезни, в мире и в войне?

— Признаю — сказала она, и её голос не дрогнул. — И обещаю.

— Тогда скрепите союз.

Кайран взял её за руку. Его пальцы были тёплыми и сильными, она чувствовала мозоли от меча, чувствовала лёгкую дрожь, которую он не мог скрыть. Жрец обвязал их запястья серебряной лентой — символ единства. Лента была старой, драконьей работы, тончайшие серебряные нити, сплетённые в сложный узор, который, по легенде, придумали сами боги.

— Да будет ваш союз нерушим, — произнёс жрец, и его голос зазвучал глубже, сильнее, наполняясь магией. — Да будет ваш дом полон детского смеха. Да будут ваши крылья всегда поднимать вас в небо и да пребудет с вами благословение богов.

Свечи в зале вспыхнули ярче. Где-то за окнами, в небесах, сверкнула молния, хотя небо было ясным. Магия скрепила клятву, и на мгновение, свет заискрился вокруг лент на руках, заискрился и словно впитался в кожу, все почувствовали это: тёплую волну, прошедшую по залу.

— Можешь поцеловать жену, — добавил жрец уже обычным голосом и чуть улыбнулся.

Кайран притянул её к себе и поцеловал не страстно, не требовательно, а нежно и трепетно, словно она была чудом, в которое он всё ещё не мог поверить. Зал взорвался криками и аплодисментами. Драконы за окнами подхватили и их торжествующий рёв прокатился над горами, отражаясь от скал и разносясь эхом по ущельям.

Пир длился до глубокой ночи.

Столы ломились от яств, запечённые горные куропатки, фаршированные травами и орехами, огромные блюда с жареным мясом, исходящим паром, пироги с дичью и грибами, фрукты, привезённые из столицы, красные, как рубины, гранаты и золотистые медовые груши. Вино лилось рекой и простое, солдатское, и выдержанное, из личных запасов Кайрана, которое он хранил для особых случаев.

Музыканты играли на странных инструментах флейтах, вырезанных из драконьей кости, и струнных, напоминающих арфы. Пары танцевали, даже Бран выпил пару бокалов и, раскрасневшись, рассказывал молодым офицерам истории из своей молодости о том, как он лечил ещё деда нынешнего короля, и о том, как однажды вправил крыло дракону в полевых условиях, под обстрелом орков. Те слушали, раскрыв рты, и не знали, верить ли старику.

Элиара сидела рядом с Кайраном, но то и дело к ней подходили солдаты. Они кланялись, кто смущённо, кто почтительно и желали счастья. Некоторые приносили подарки, кто-то деревянную фигурку дракона, вырезанную своими руками долгими зимними вечерами, кто-то флакон редкой настойки из горных трав, кто-то просто цветы. Она принимала каждый подарок с благодарностью, но всё это было неважно. Важно было только то, что он сидел рядом, что его рука лежала на спинке её стула, что он иногда наклонялся к ней и шептал что-то на ухо — тёплое, нежное, предназначенное только для неё.

— Ты самая красивая женщина в этом мире, — прошептал он.

— Ты преувеличиваешь, — ответила она.

— Я генерал, я никогда не преувеличиваю, а докладываю факты.

Она фыркнула.

В разгар вечера, когда музыка стихла, слово взял Рейнхарт. Он поднялся со своего места угрюмый, бледный, но решительный, его рука всё ещё была на перевязи после ранения.

— Я хочу сказать тост, — объявил он, поднимая бокал. — За госпожу Элиару. — Он повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза. — Я знаю, что был не прав. Знаю, что вёл себя недостойно. Я был самоуверенным, наглым дураком, и если бы не вы, я был бы мёртвым дураком. — По залу прокатился смех. — Но госпожа Элиара не только спасла мне жизнь, она преподала мне урок. Урок того, что настоящая сила не в когтях и не в магии, а в милосердии. У меня есть о чём жалеть, но нет возможности исправить. За вас, госпожа и за вас, генерал. Будьте счастливы!

Зал одобрительно загудел. Элиара встретилась взглядом с Рейнхартом и кивнула принимая извинение.

Кайран наклонился к ней:

— Я же говорил, что он не безнадёжен.

— Ты просто хотел отослать его на восточную заставу, — напомнила она.

— И отослал бы, если бы ты не вмешалась. — Он помолчал. — Ты делаешь людей лучше.

Ты знаешь об этом?

— Я просто лечу их, — ответила она.

— Ты лечишь не только раны, ты лечишь и души.

Когда гости начали расходиться, а луны поднялись высоко над горами, Кайран взял её за руку и вывел из зала.

— Пойдём, — сказал он. — Я хочу показать тебе кое-что.

Они поднялись по винтовой лестнице в западную башню ту самую, где находился его кабинет, но на этот раз он повёл её выше, мимо знакомой двери, на смотровую площадку, куда она никогда не поднималась.

Ночь была ясной и холодной. Две луны белая и голубая — висели в небе, заливая горы холодным серебром. Их свет был таким ярким, что можно было читать. Звёзды рассыпались по чернильной темноте, как алмазная пыль, — незнакомые созвездия, чужие узоры. Снежные вершины сияли в лунном свете, и весь мир казался застывшим в вечном, безупречном покое. Где-то внизу, в драконьих стойлах, тихо переговаривались драконы.

— Красиво, — прошептала она, кутаясь в его плащ.

— Я часто стою здесь, — сказал Кайран, глядя на горы. — Когда нужно подумать или когда тяжело. После боёв, после потерь. Это место всегда помогало мне найти ответы. — Он повернулся к ней. — Теперь я хочу, чтобы оно было и твоим тоже, ты — моя жена. Всё, что моё, — твоё. Замок, земли, армия и этот вид.

Она смотрела на него, чувствуя, как сердце переполняется.

— Мне не нужен замок, — сказала она. — Мне нужен ты.

— Ты меня получила, — он улыбнулся. — Вместе с замком и армией в придачу. Извини, это неразделимо.

Она рассмеялась и прижалась к нему. Он обнял её, укутывая в свой плащ, и они стояли так долго — двое на вершине мира, под светом двух лун.

— О чём ты думаешь? — спросила она.

— О том, что я счастлив, — ответил он. — Впервые за много лет по-настоящему счастлив.

— Я тоже, — прошептала она.

Он поцеловал её в макушку.

— Ты веришь в судьбу? — спросил он.

— Раньше не верила, а теперь... теперь не знаю.

— Я верю, — сказал он. — Я верю, что ты попала в этот мир не случайно, что твой дар, твоё появление — это не совпадение. Ты должна была оказаться здесь. Должна была встретить меня и я должен был встретить тебя.

— Зачем?

— Чтобы мы оба перестали быть одинокими.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. Золотые, с вертикальным зрачком, они сияли в лунном свете, и в них была такая нежность, что у неё перехватило дыхание.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— Я знаю, — ответил он. — И я люблю тебя. Больше, чем думал, что способен. Больше, чем кого-либо.

Где-то вдалеке, в стойлах, тихо рыкнул дракон — словно соглашаясь и ночь укрыла замок тишиной и покоем. Первая ночь их новой жизни.

Глава 15. Спустя несколько лет

Время текло незаметно...

Первые годы брака были счастливыми — теми самыми, о которых Элиара мечтала долгими ночами в детдоме, укрывшись с головой казённым одеялом и глядя в тёмный потолок. Тогда она представляла себе, что однажды у неё будет дом, семья, человек, который будет ждать её вечерами и вот это случилось. Не в Москве, не в её прежней жизни, а здесь в чужом мире, полном магии и драконов, но разве это имело значение? Дом — он везде дом, если в нём живёт любовь.

Кайран был... другим. Не таким, каким она его запомнила в первые месяцы — властным, холодным, оценивающим. Властность никуда не делась, он оставался генералом, командующим армией, драконом, и его слово в замке было законом. Солдаты вытягивались по стойке смирно при его появлении, офицеры замолкали на полуслове, а слуги кланялись ниже обычного, но с ней он становился мягче. Он научился улыбаться — не той кривой усмешкой, которой встречал врагов, а настоящей, тёплой улыбкой, от которой у неё таяло сердце. Научился шутить — неуклюже, по-военному, но она ценила каждую его попытку. Научился спрашивать её мнение, а не просто ставить перед фактом. «Как ты думаешь?» — эти слова давались ему с трудом, но он произносил их всё чаще.

Их ночи были полны страсти. Той самой, что вспыхнула между ними с первого поцелуя и не угасала со временем. Драконья кровь делала его неутомимым — он мог любить её часами, доводя до иступления, а потом начинать снова, а её дар делал её чувствительной к каждому его прикосновению — она ощущала его не только телом, но и магией, той самой золотой искрой, которая отзывалась на его близость. Она узнала его тело так же хорошо, как своё собственное, каждый шрам на его груди и спине, каждую мышцу, каждую точку, от которой у него перехватывало дыхание. Он узнал её — её страхи, её желания, её тайные мечты, о которых она никогда не рассказывала вслух. Он знал, что она боится грозы — в детдоме в грозу выключали свет, и дети оставались в темноте и всегда, когда начиналась буря, он оказывался рядом. Знал, что она любит полевые цветы, и каждую неделю в их спальне стоял свежий букет.

Брачные браслеты на их запястьях — те самые, что появились во время церемонии, когда серебряная лента жреца растворилась в искрящемся свете и вписалась в кожу магическими надписями, пульсировали в унисон. Когда они были вместе, надписи мягко светились золотом, и это свечение было таким же естественным, как дыхание. Когда он был далеко, она чувствовала тепло браслета, напоминающее о нём, и могла определить, жив ли он, ранен ли, возвращается ли домой. Это была древняя драконья магия, связавшая их навечно, та самая, о которой говорилось в легендах и тогда, в первые годы, она считала это благословением. Доказательством того, что их союз — не просто слова, не просто клятвы перед алтарём, что сама вселенная признала их.

Днём она работала в лазарете. Её дар развивался, рос, набирал силу. Теперь она могла исцелять не только раны, но и болезни — лихорадку, воспаления, даже некоторые врождённые недуги, которые считались неизлечимыми. К ней привозили пациентов со всего Южного королевства: крестьян с гнилой лихорадкой, воинов с застарелыми ранами, которые не заживали годами, детей с искривлёнными конечностями, стариков, угасающих от неизвестных хворей. Она принимала всех. Бран ворчал, что лазарет превратился в проходной двор, что у него нет покоя ни днём ни ночью, что она «загонит себя в могилу своим милосердием», но в глубине души гордился ею. Она стала настоящим целителем — тем, о ком слагали легенды. Солдаты называли её «Светлая госпожа». Крестьяне — «Благословенная». Дети — просто «тётя Эли».

Кайран по-прежнему воевал. Орки не оставляли попыток прорваться через перевалы, и он улетал в рейды — иногда на несколько дней, иногда на недели. Она ждала его, стоя на

крепостной стене, кутаясь в тёплый плащ тот самый, подаренный им когда-то. Она научилась узнавать его среди сотен других драконов, огромный чёрный силуэт, который всегда летел первым, прокладывая путь остальным. Её сердце замирало каждый раз, когда отряд возвращался и начинало биться снова, только когда она видела его, и каждый раз, когда он приближался, брачный браслет на её запястье начинал теплеть и светиться ярче — магия узнавала его, тянулась к нему.

Он всегда возвращался. Иногда раненый — с разорванным крылом или глубокими порезами на боках. Иногда уставший до полусмерти — после многодневных боёв в горах, где даже драконы выдыхались, но всегда — к ней. Он входил в лазарет, отмахивался от Брана и шёл прямо к ней. «Я дома» — говорил он и она лечила его — прикосновением, светом, любовью и браслеты на их запястьях вспыхивали ярче, подтверждая, что связь нерушима.

Первые годы были идиллией. Той самой, о которой она даже не смела мечтать.

Но время шло... Незаметно, как вода точит камень. Капля за каплей, день за днём.

Сначала она не замечала перемен. Слишком была занята, лазарет, пациенты, новые методики лечения, которые она разрабатывала вместе с Браном, травник, который она завела в замковом саду, но однажды, на исходе третьего года, она вдруг поняла, что что-то изменилось.

Кайран стал задерживаться...

Не на войне — там всё было как обычно, рейды, стычки, патрули, а после. Он возвращался из рейдов и запирался в кабинете. На её вопросы отвечал коротко: «Дела. Донесения. Король требует отчётов». Она верила. Она всегда ему верила — он ни разу не давал ей повода усомниться. Она говорила себе, что это действительно дела, что война отнимает много сил, что ему нужно время, чтобы переключиться с битвы на мирную жизнь.

Браслет на её запястье всё ещё светился, когда он был рядом, но свечение стало каким-то... приглушённым. Не таким ярким, как раньше. Она говорила себе, что ей это кажется, что магия не может угасать — она вечна, как говорил жрец, но где-то глубоко внутри она знала, что магия питается чувствами и если чувства меняются, магия это отражает.

Потом он стал реже приходить к ней по ночам. Не потому, что не хотел, нет, она видела, что он всё так же тянется к ней, всё так же смотрит с желанием, но он был уставшим, измотанным, приходил в спальню за полночь и падал в кровать, едва найдя силы поцеловать её в лоб. Их близость становилась всё более редкой — не раз в несколько дней, как раньше, а раз в несколько недель. Она говорила себе, что это нормально. Что у всех пар бывают такие периоды. Что война действительно отнимает слишком много сил. Что он любит её — просто устал.

Потом он начал смотреть на других...

Не открыто, не грубо, но она замечала — женским чутьём, тем самым, которое никогда не ошибается. На праздниках в замке, куда съезжались гости из столицы — лорды, офицеры, драконицы из знатных родов, его взгляд иногда задерживался на молодых женщинах. Они были красивы, высокие, статные, с блестящей чешуёй на висках и хищными, уверенными улыбками. Они носили дорогие платья с глубокими вырезами, смеялись слишком громко и смотрели на генерала Вэйдара с неприкрытым интересом и он... он не отводил взгляд сразу. Задерживал. На секунду, на две, но она замечала и в эти моменты её брачный браслет, казалось, холодел. Не просто гас — становился холодным, как металл на морозе. Она прижимала ладонь к запястью, пытаясь согреть его, но холод не проходил.

Она говорила себе, что это ничего не значит, что он просто мужчина, что все мужчины смотрят на красивых женщин. Что он любит её, а всё остальное — мелочи. Она вспоминала его слова: «Я не могу тебя отпустить». Она держалась за эти слова, как за спасательный круг, но червь сомнения уже поселился в её сердце.

К четвёртому году она начала замечать запахи.

Чужие духи на его мундире. Сладкие, цветочные, с нотками мускуса не те лёгкие травяные настои, которые она иногда использовала. Этот запах был тяжёлым, обволакивающим, и

он въедался в ткань так, что не выветривался днями. Она спросила его, но он ответил, что на военном совете была леди из столицы, которая душится так, что пахнет на всю комнату. «Ты же знаешь этих придворных дам, — сказал он. — Они выливают на себя флакон духов перед каждым выходом». Она поверила или заставила себя поверить. Потому что правда была слишком страшной.

Браслет на её запястье иногда слабо пульсировал — не теплом, а чем-то похожим на тревогу. Древняя магия, связавшая их, что-то чувствовала, что-то, чего Элиара боялась признать.

Ирэн, теперь уже совсем седая, с глубокими морщинами вокруг глаз и узловатыми пальцами, которые когда-то ловко заплетали ей косы, как-то задержалась в её комнате дольше обычного. Она мялась, перебирала складки передника, явно не решаясь заговорить. Наконец, опустив глаза, сказала:

— Госпожа, я не хочу вас тревожить. Вы для меня как дочь, и я молчала слишком долго, но будьте внимательны. Драконы... они не похожи на людей. Им нужно... разнообразие. Особенно тем, кто живёт долго. Их природа... она берёт своё.

— Ты намекаешь на что-то? — спросила Элиара, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Я ничего не знаю, — Ирэн опустила глаза. — Клянусь, я ничего не видела, но слуги... слуги шепчутся. Я слышала обрывки разговоров. О том, что генерала видели в столице с леди Амарантой, что он бывает у неё в особняке. Что... — она запнулась. — Простите, госпожа. Возможно, это ложь. Возможно, завистники просто хотят очернить его имя, но я не могла молчать.

Элиара не стала расспрашивать дальше. Она отпустила Ирэн, сказав, что всё в порядке, но той ночью она долго лежала без сна, глядя в потолок и вспоминая всё: запахи, взгляды, ночные задержки. Имя «Амаранта» она слышала раньше — это была молодая драконица из древнего рода, известная своей красотой и свободными нравами. Она приезжала на прошлый праздник и Кайран действительно смотрел на неё, дольше, чем нужно.

Она машинально погладила брачный браслет. Он был холодным. Совсем холодным, хотя Кайран был в замке — всего в нескольких комнатах от неё.

На пятом году их брака всё рухнуло.

Был день. Обычный, ничем не примечательный, один из тех, что начинаются без всяких предзнаменований. Кайран вернулся из короткого рейда на восточную границу на этот раз даже не раненый, просто уставший. Она встретила его во дворе, как всегда. Помогла снять доспех тяжёлый, пахнущий гарью и ветром. Принесла горячей воды, чтобы он мог умыться. Приготовила сама ужин, его любимое тушёное мясо с травами, которое он когда-то похвалил в их первую встречу.

Он был молчалив больше обычного, почти не притронулся к еде. На её вопросы отвечал односложно. В его глазах была какая-то тяжесть, но она решила, что он просто устал после рейда.

Она положила свою ладонь на его руку и браслет на её запястье тускло мерцал, едва тёплый. Он должен был вспыхнуть при их прикосновении так было всегда, но сейчас он молчал, и это молчание было страшнее любых слов.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего, — ответил он, отводя взгляд. — Просто устал.

Вечером он сказал, что ему нужно поработать в кабинете, и ушёл. Она осталась одна в их спальне. За окнами сгущались сумерки, две луны поднимались над горами и что-то, какое-то смутное предчувствие, заставило её встать и подойти к шкафу, где висела его одежда.

Она открыла дверцу. И сразу почувствовала его.

Запах. Те же духи сладкие, цветочные, с мускусом, но на этот раз сильнее, гораздо сильнее. Как будто он провёл с их обладательницей не мимолётную встречу в коридоре, а нечто гораздо более близкое. Как будто она прижималась к нему, оставляя свой запах на его одежде.

Руки задрожали. Она обыскала мундир методично, тщательно, как обыскивают вещи преступника. В кармане, за подкладкой, она нашла маленькую серебряную заколку для волос. Женскую, изящную, с гравировкой в виде цветка и крошечным сапфиром в центре. Явно дорогую, такие носят только аристократки. Не её... Она никогда не носила серебряных заколок, предпочитая простые ленты или вообще распущенные волосы.

Элиара опустила на стул, сжимая заколку в ладони. Металл был холодным, но ей казалось, что он обжигает пальцы.

«Нет, — сказала она себе. — Это ничего не значит. Может, он просто нашёл её. Может, это подарок для меня. Может, её потерял кто-то из офицеров», но она знала, что это неправда. Знала так же твёрдо, как знала когда-то, что никогда не выберется из детдома. Как знала, что пряная булочка каждое утро — лучшее, что случается в её жизни. Правда была неотвратима, как зима в горах.

Вечером она задала вопрос прямо.

Кайран сидел в кабинете, за столом, просматривая какие-то свитки. Она вошла без стука, что само по себе было необычно. Подошла к столу и положила заколку перед ним, на развёрнутую карту границ.

— Что это?

Он поднял глаза, посмотрел на заколку, потом на неё. В его золотых глазах что-то мелькнуло — тень, которую она раньше не видела, не вина, не стыд. Скорее — раздражение от того, что его поймали.

— Где ты это взяла?

— В твоём кармане. — Её голос звучал ровно, но внутри всё дрожало. — Чья это заколка, Кайран?

Молчание. Густое, вязкое. Слышно было только, как потрескивают дрова в камине.

— Это леди Амаранты, — сказал он наконец.

— И что её заколка делает в твоём мундире?

— Она была на прогулке, пока я был в рейде. Приезжала с поручением от короля, мы... встретились. Она, должно быть, обронила.

— Обронила в твоём мундире. В кармане, за подкладкой. — Элиара чувствовала, как внутри поднимается холодная, жёсткая ярость. — Ты принимаешь меня за дуру?

— Элиара...

— Ты спал с ней? — спросила она прямо. Её голос не дрожал, хотя внутри всё рушилось, падало в какую-то чёрную бездну. — Отвечай, ты спал с ней?

Он посмотрел ей в глаза — долгим, тяжёлым взглядом и она всё поняла раньше, чем он открыл рот.

— Да, — сказал он. — Это случилось. Это было всего пару раз и это ничего не значит. Она ничего для меня не...

— Ничего не значит? — перебила она. Её голос зазвенел, как натянутая струна, готовая лопнуть. — Ты клялся мне в верности. Ты стоял перед алтарём и обещал мне быть со мной в радости и в горе, в здравии и в болезни, в мире и в войне. Магия связала нас — ты видел это, ты чувствовал это. Браслет на твоём запястье — он должен был напоминать тебе о клятве, а теперь ты говоришь, что это «ничего не значит»?

— Элиара, послушай...

— Нет. — Она встала, движение было резким, стул отлетел назад и ударился о стену. — Это ты послушай. Я была сиротой, всю свою жизнь — сиротой. Никто не хотел меня удочерить, никто не приходил ко мне на праздники. Никто не ждал меня дома, я научилась никому не доверять — потому что все, кому я доверяла, меня бросали. Воспитатели, которые обещали помочь. Друзья, которые находили семьи и забывали обо мне. Все, а ты... ты поклялся, что

никогда не предашь и я поверила. Я, дура, поверила тебе. Я открыла тебе сердце, то самое сердце, которое я берегла всю жизнь, а ты взял его и растоптал.

— Это не так, — его голос прозвучал глухо. — Я люблю тебя... Амаранта — это ошибка... Слабость... Я...

— Ты — дракон, — перебила она. — И ты никогда не изменишься. Тебе всегда будет нужно что-то новое. Кто-то новый. Я не могу так жить, не могу каждую ночь гадать, с кем ты.

Она посмотрела на своё запястье. Брачный браслет — магическая вязь, вписанная в кожу, слабо мерцал, но его свет был холодным, умирающим. Она поднесла к нему пальцы и резким движением сорвала его.

Это было невозможно. Магическую связь нельзя разорвать физически так говорил жрец, так говорили легенды, но она была целительницей с уникальным даром. Она генерировала магию сама и могла управлять ею. Золотой свет хлынул из её пальцев, окутал браслет — и древняя вязь вспыхнула, рассыпалась серебряными искрами, исчезая в воздухе. На коже остался только бледный след — как шрам.

Кайран вскочил. Его глаза расширились, она никогда не видела в них такого ужаса.

— Что ты сделала?!

— Ярываю эту связь, — сказала она, и её голос прозвучал глухо, но твёрдо. — Ты недостойн её.

Он схватился за своё запястье. Его браслет тоже погас, магическая вязь на коже потускнела, стала серой, мёртвой. Связь, которая должна была длиться вечно, была разорвана.

— Ты не понимаешь, что ты наделала, — прошептал он. — Это невозможно, никто не может разорвать драконью связь...

— Я могу, — ответила она. — Я — целительница. Я управляю магией, а не подчиняюсь ей и я не буду жить с человеком, который меня предал.

Она взяла заколку со стола, швырнула на пол, серебро звякнуло о камень.

— Оставь её себе, подаришь следующей.

Развернулась и вышла, хлопнув дверью с такой силой, что со стены упала картина.

Кайран не пошёл за ней...

Ночью она лежала в своей старой комнате — той самой, где провела первые недели в замке. Она попросила Ирэн приготовить её, не в силах оставаться в их общей спальне, где всё напоминало о нём, его запах, его вещи, его присутствие. Стены были теми же, что и пять лет назад, серый камень, гобелен с битвой, меч над камином, но она сама стала другой. Тогда она была испуганной попаданкой, которая не знала, выживет ли в этом мире. Теперь она была женщиной, у которой отняли веру в любовь.

Запястье, где раньше был браслет, всё ещё покалывало. Она машинально потёрла его, кожа была гладкой, но под пальцами угадывался слабый рельеф, как старый шрам. Магия ушла, но память осталась. Она знала, что на его запястье сейчас то же самое — мёртвая вязь, доказательство её силы и его предательства.

Она смотрела в тёмный потолок и думала.

Вспоминала всё. Его слова у камина: «Я не могу тебя отпустить», клятву у алтаря. Искрящийся свет, который кружил у их рук, а потом вписался в кожу, его прикосновения. Его поцелуи. Всё было ложью? Нет... Она знала, что нет. Он любил её — по-своему, по-драконьи, но любил, в его глазах была искренность, когда он говорил о своей вине. Просто этой любви оказалось недостаточно. Ему нужно было что-то ещё, кто-то ещё. Дракон внутри него всегда будет хотеть нового — новых женщин, новых ощущений, новых побед. Он мог сдерживаться год, два, пять, но рано или поздно инстинкт брал верх, а она не могла так жить.

Не могла делить его с другими. Не могла каждую ночь гадать, где он и с кем. Не могла вдыхать чужие духи на его одежде и делать вид, что ничего не замечает. Она была сиротой, которая построила себя сама. Она не для того выжила в детдоме, не для того училась по ночам,

не для того работала на трёх работах, чтобы стать тенью при муже. Она заслуживала большего. Она заслуживала верности.

Решение пришло не сразу. Оно вызревало несколько дней, пока Кайран снова был в отъезде, на этот раз по-настоящему, на войне, с орками на восточных перевалах. Она не разговаривала с ним перед его отъездом. Не вышла попрощаться, хотя всегда выходила, стояла на стене, провожая его взглядом. В этот раз она осталась в своей комнате. Слышала, как драконы режут, поднимаясь в небо. Чувствовала, как замок дрожит от взмахов их крыльев и не шевелилась.

Когда драконы скрылись за горизонтом, она начала готовиться.

Она не знала, куда пойдёт. Не знала, как выживет за стенами замка, в мире, полном опасностей, но она знала одно, она больше не может здесь оставаться. Она должна уйти. Должна спасти себя, как когда-то спасла ту девочку в красном платье.

Только теперь девочкой, которую нужно было спасти, была она сама...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.